

**МАРИЯ
КРАЙНОВА**

ФЕНИКСОВА ПЕСНЬ

2016

Выполнив очередной заказ на устранение кладбищенской нежити, выпускник Академии Магов Хастрейн узнает о тайном заговоре, направленном против людей, владеющих темным магическим даром. Как один из его обладателей, Хастрейн намерен остановить заговорщиков. На пути к этой цели его ждет множество испытаний, знакомство с новыми друзьями, столкновение с таинственным братством Воинов Альна, а также встреча с куда более страшным противником — Пожирателем Снов...

Крайнова Мария Александровна

Фениксова песнь

ФЕНИКСОВА ПЕСНЬ

ПРОЛОГ

— Если ты еще раз наступишь на мою тень, я тебе ноги оторву, — мрачно пообещал высокий темноволосый эльф, сверкнув на своего спутника — бывалого воина в серебристой кольчуге — мерцающими синими глазами.

— Отрывай, — рассеянно согласился тот. — Только не забудь выплатить компенсацию моей сестре, лады?

— Лады, — согласился синеглазый, хотя знал: ничего платить не придется. Воин приотстал, оставив королевскую тень в покое, и задумчиво нахмурился.

Король дошел до покрытых резьбой дубовых дверей, и двое стражников услужливо распахнули перед ним створки. Коридор тут же оказался под прицелом солнечных лучей, струящихся через прорехи в низком потолке. Синеглазый вошел в зал, стены которого были оплетены плющом, огляделся вокруг и с ногами забрался на простой деревянный лежак.

Его спутник поморщился:

— О великая Аларна, Ал, ты же король! Королю не подобает жить в таких условиях!

— Да, я король, — с достоинством ответил остроухий. — Поэтому могу жить там, где хочу, как хочу и сколько хочу. Постоянно сидеть в тронном зале скучно, там слишком часто рабы пробегают.

— Сколько раз тебе повторять: не рабы, а слуги! — закатил глаза воин.

— А какая разница?

— У них, как у всех нормальных людей, есть зарплата и выходные.

— Ладно, — легко согласился король, — Наемные рабы.

Его собеседник скривился, как от зубной боли, но нашел в себе силы промолчать. Синеглазый с минуту посидел, раскачиваясь, как пьяный. Мерцание в его глазах погасло, и они стали пустыми и холодными. Потом остроухий покачал головой, и все вернулось на круги своя.

— Что ты думаешь о королевстве Шаэл? — поинтересовался он.

Воин неопределенно пожал плечами.

ГЛАВА 1,

в которой я иду на свидание с дакарагом

Солнце заходило. Небо окрасилось в бледно-розовые тона, на которых красными пятнами горели редкие пушистые облака. Горизонт прятался за сплошной стеной деревьев,

темными тенями нависших над извилистой полосой тракта. По одну его сторону раскинулась дикотравная равнина, по другую — старое кладбище. Скопление крестов, надгробий и скульптур, протягивающих руки к небу, не вызвало бы интереса ни у одного нормального путника.

Я нормальным не был, а потому конь, недовольно всхрапывая, приближался к насквозь проржавевшей ограде. Калитки в ней не было — просто в одном месте прутья расходились в стороны и загибались назад. М-да... На месте селян я бы не верил в то, что лес остановит кладбищенскую нежить, и построил заборчик повыше. Даже если ради этого пришлось бы расстаться с большими деньгами. Безопасность стоит куда дороже выпивки в корчме, на которую староста тратил все собранные у односельчан монеты. На их месте я бы уже проткнул этого мужика вилами, или, что еще лучше, отправил возводить ограду в одиночестве, но селяне почему-то терпели. До моего появления в селе, разумеется.

"Если так уж лень самому побороться с нежитью, то можно заплатить магу, и он поборется за тебя" — решили селяне, всучили мне десять монет задатка и многозначительно кивнули на тракт. В последнее время с деньгами у меня было не густо: либо отправиться в город и отдать последние медяки за въезд, либо продолжить объезжать Велиссию по кругу, добросовестно заглядывая во все придорожные села. Так что согласился я сразу, размер оплаты мне понравился, и я внимательно выслушал жалобы своих работодателей. Они сходились в том, что какая-то нежить повадилась ночью проходить лес насквозь и вдохновенно завывать под окнами домов, выманивая особо храбрых мужиков на улицу. Таковых было трое, и их жены уже вторую неделю усердно носили траур. При чем нежить не оставила даже тел — только редкую розоватую кашлицу, которую сгребли лопатами и закопали.

Селяне считали, что приходит в село повадился упырь, но я их разочаровал. Упыри своих жертв едят, да к тому же предпочитают падаль, а не живых людей, с которыми придется еще и подраться. Вурдалак под роль неведомого хищника тоже не подходил, и я потратил несколько часов на то, чтобы перебрать всю знакомую мне кладбищенскую нежить. И сейчас, спрыгивая на землю и приглядываясь к могилам, остановился на дакараге — крупном, быстром и очень злом существе, которое любило подсвечивать все, что его окружало.

Сейчас, в закатном свете, исходящее от могил бледное сияние было едва заметным. А вот ночью наверняка затмевало обе луны, потому что с их восходом любая магия набирает силу. Что ж, я это еще увижу.

Я обернулся к коню, устроил ладонь на гриве. Светлячок обреченно фыркнул. Еще чего, друг, стану я тебя к нежити на ужин тащить! Я указал рукой на поле, и конь, проследив за этим жестом, медленно туда утопал. Когда он отошел шагов на пятьдесят, я перечеркнул воздух тремя витыми символами: защита, атака, тишина. Воздух мигнул, съежился, скомкался, и на уровне моей груди возникла маленькая воронка. Я вытащил из кожаных ножен на поясе черный клинок, рассек правую ладонь и накрыл ею воронку. Раздался далекий напев и звук падающих капель.

Все. О Светлячке можно не беспокоиться.

Рана на ладони быстро затягивалась и зверски чесалась. Я спрятал агшел обратно в ножны, протянул руку поверх плеча и проверил, как поживает меч. Оружия при мне было, как при наемнике: ритуальный клинок, метательные ножи, меч... Лук и стрелы уехали вместе с конем, но в схватке с нежитью даже заговоренные наконечники помогут мало. Если

вообще помогут.

Я коснулся пальцами кладбищенской ограды. Она отозвалась легким жжением и холодом, послушно плаваясь под направленной на нее энергией. Когда серебристые капли с мелкими рыжими пятнышками побежали вниз, я убрал руку и скептически полюбовался на результаты своего труда. Впрочем, сойдет. Нежить не пройдет мимо места, где использовали магию, а если окажется разумной, то и вовсе заинтересуется моим креативом. Ну скажите, какой дурак будет растрачивать дар на осквернение освященного забора? А дакараг еще и гастрономический интерес испытает — вдруг этот дурак вкусный?!

Я побрезговал идти через парадный вход и нагло левитировал через ограду — чем больше магии, тем лучше. Приземлился я на чью-то могилу, печально извинился, слез с нее и пригасил дар. Оглянулся. Как назло, ни кустов, ни низеньких деревьев поблизости не было. Ну что за кладбище такое — опасное, светится, а спрятаться негде! Я вздохнул, сел на постамент ближайшей скульптуры и вытащил из кармана куртки четыре красных камня.

Ангелу, рядом с которым я сидел, заговоренные рубины не понравились. Он скорбно взирал на них белыми глазами, словно намекая, что такому отродью тьмы, как я, рядом с ним делать нечего. Я сочувственно хлопнул его по плечу и негромко проинформировал:

— Извини, друг, но времена инквизиции давно прошли. Ты не имеешь права меня выгонять.

Скульптура безмолвствовала. Впрочем, если бы ангел что-то ответил, тут бы стало одним покойником больше. Не то чтобы у меня были слабые нервы, просто к неживым предметам я относился странно. Они ведь не трупы. Кто сказал, что у камней, глины или картин не может быть души? Живописцы постоянно твердят: у меня есть любимая кисть, любимые краски. Думаете, они просто так любимые? Держите карман шире! Полюбившиеся предметы просто немного более одушевленные, чем все остальные. Но тем не менее ни один нож, памятник, кирпич или дорожный столб, с которыми я порой разговаривал, еще ни разу не подали голос.

Я перебрал камни на ладони, соскочил с постамента и вжал один рубин в рыхлую землю над могилой. Прикинул взглядом расстояние до ограды, прошел мимо выхода и пристроил следующий камень. Затем я поискал глазами холмик, который находился бы ровно напротив выхода. Ему достался предпоследний рубин. Последний я оставил у себя, на всякий случай спрятав не во внутренний, а во внешний карман куртки — чтобы достать быстрее.

Треугольник получился не слишком ровный, но и так сойдет. К тому же рубины четких границ между заговором и природной магией не имеют, соединятся за милую душу.

Я избрал могилу в центре будущей фигуры, с радостью обнаружил рядом с ней лавочку и немедленно сел. Закат почти догорел, и облака сменили цвет с красного на серый. Ограда кладбища отсюда казалась черной, а силуэт Светлячка на поле — маленьким, почти игрушечным. Стена леса пестрела множеством огоньков — духи проснулись и отправились по своим делам. Я представил, как шьероны идут зажигать костры, а таркоты плетут сеть тумана. Лесные духи всегда спешат жить. У большинства из них очень мало времени — у кого две-три, а у кого и только одна ночь. Они засыпают под утро и больше никогда не просыпаются, и там, где уснул дух, прорастает синий цветок. За многие годы существования Башни ему так и не дали названия, хотя бессмертные духи с той стороны мира называют этот цветок Aller-Stail. К языку потустороннего мира ближе всего друидский, в котором существует подобная фраза. На всеобщем она звучит как "спящая душа", и, по-моему, вполне

подходит синим лесным цветам.

Вскоре начали сгущаться сумерки, и на небе появился бледный контур Дайры. Маленькая луна с любопытством посмотрела на землю, мигнула и спряталась за пушистым облаком. Как одеялом накрылась.

Ее старшая сестра, Шимра, высветила серебряную полосу в кронах деревьев, а затем и поднялась над ними во всей своей жутковатой красе — огромный пылающий круг с темными провалами кратеров. Кладбище, отзываясь на лунный свет, засияло зеленоватыми огоньками вдоль надгробий. Как на странном празднике, где я был единственным гостем.

Темнота набирала силу вместе с магией, кормила ее, как мать — грудного ребенка. Свет, созданный дакарагом, становился все ярче. От него веяло жутью, а порой слышались тихие голоса. Они были не в этом мире и не в потустороннем, а где-то между тем и этим, намертво застряв и зовя на помощь уже не первую тысячу лет. Нормальный человек уже бежал бы без оглядки, а мою душу грело воспоминание о семи золотых монетах, которые я получу за голову нежити.

То ли дакараг услышал мои кошунственные мысли, то ли просто решил проснуться пораньше, — но темноту разорвал отчаянный, почти человеческий вопль. Я пересел с лавочки на землю, надеясь, что за холмиком свежей земли меня не видно, и обвел кладбище взглядом. Вопль не прерывался, продолжая звучать на одной высокой ноте, а затем — захлебнулся, как будто голодная тварь подавилась слюной. Вернее, землей. В девяти могилах от меня она взметнулась вверх, и деревянный крест, прочертив красивую дугу в воздухе, скрылся где-то за оградой. Из свежепробитой дыры вылез дакараг, судорожно подергивая слабыми еще крыльями.

Отличное состояние, довольно подумал я. Дневной сон дакарага равен смерти, так что мой противник сейчас был фактически новорожденным. Хотя для новорожденного он, пожалуй, великоват. Тело, покрытое шерстью, в холке превосходило мой рост. Нежить потопталась по земле шестью когтистыми лапами, прижала крылья к телу и коротко взвыла, подняв сплюснутую морду к яркому огню Шимры.

Когда дакараг замолчал, я замер, гася не только дар, но и собственное дыхание. Тварь азартно приподняла хвост, вильнула им — точь в точь милый домашний песик, чтоб ее — и с интересом принялась. Тяжело повернулась к оградке и пошла вперед, брезгливо одергивая лапы после каждого шага. Я впечатленно посмотрел ей вслед, с трудом сдержался, чтобы не присвистнуть, и вытащил из кармана рубин. Подцепил рубец раны на ладони, посмотрел, как свежеразорванные края наливаются кровью, и зажал в ней заговоренный камень.

Потом очень тихо, надеясь только на небеса, зашептал:

— Именем земли, неба, солнца и лун, ветра и воды, огня и воздуха, протяни длань свою на этот мир, озари его взглядом своим, подари ему Фигуру свою...

Магия, по крупице, по песчинке вытянутая из дара, сплеталась со словами, как тонкая нить. Голоса духов Безмирья стали громче, дакараг недоуменно обернулся — и его тело проткнул тонкий красный луч треугольника, вспыхнувшего между тремя рубинами. Камень в моей ладони стал холодным, как лед, и покрылся тонкой корочкой моей крови. Я сжал кулак так, что побелели костяшки, и протянул к твари свободную левую руку.

— Ты попалась, сдавайся!

Нежить досадливо рыкнула, дернулась в одну, потом в другую сторону. Красный луч держал крепко. Оставалось только подойти и добить.

Пальцы окутало белое сияние, сквозь кожу проступили контуры костей. Тварь расширенными красными глазами посмотрела на то, как рождается заклятие, и неожиданно взвыла:

— Не надо, стой!

— Еще чего. — Я не удивился и не испугался. Просто продолжил выплетать из магии одному мне видимый узор, напоминающий комок длинных шипов.

— Я тебе заплачу! Дам золото! Много золота!

— Извини, но меня не интересуют деньги, данные нежитью, — ответил я.

— Что, если я нежить, так у меня уже и прав нет?! — возмутился дакараг. — Думаешь, я от хорошей жизни на этом проклятом кладбище живу?!

— И людей ты тоже из чувства долга кушаешь?

— Так ведь всем надо есть, — растерялся он. — Что нам, что людям.

— Капусту не пробовал? — скептически уточнил я.

Нежить часто пытается взять магов на жалость, а то и заключить с ними договор на сотню-другую лет. Некоторые соглашаются, но выгоды не получают никакой. Так что я не верил дакарагу, подсознательно ожидая, что он просто тянет время. Только для чего?

Ответ на этот вопрос я получил быстро. Очень быстро. Красные лучи треугольника лопнули, как перетянутые струны, осыпав могилы тысячами искр. Разум померк в глазах нежити, и, распахнув пасть с тремя рядами клыков — и как она только жрет?! — тварь бросилась на меня. Но не успела сделать и одного скачка, как заклятие сорвалось с моих рук и маленьким белым огоньком угодило прямо в открытое горло.

Дакараг по-щенячьи пискнул, сделал отчаянный рывок — и рухнул у моих ног, бешено молотя лапами. Я отскочил в сторону, возблагодарил Аларну за сотрудничество и спрятал в карман бесполезный уже рубин.

Писк нежити захлебнулся противным утробным бульканьем. Сквозь спину, ребра и грудь, пришивая тварь к земле, быстро прорастали длинные белые шипы. Красные глаза погасли, быстро остекленели, сделавшись кукольными. Только кукла, даже если это кукла-оборотень, никогда не примерила бы на себя такой образ.

Я помахал ладонью в воздухе, сбрасывая с нее остатки магии, и вытащил из-за спины меч. Жаль портить такую роскошную шкуру, но селянам, если они вдруг захотят, хватит и дырявого туловища. Убедившись, что нежить мертва, белые шипы начали вползать обратно, оставляя после себя рваные раны. Кровь не потекла — у нежити ее было мало — а только запеклась корочкой по краям, надеясь их запечатать.

Не получилось.

— Без головы не воскреснешь, — мрачно пообещал я, поднимая меч. — А еще золото обещала...

В Схоронники я вернулся на рассвете, успев подремать в дикотравном поле. Шерсть на голове дакарага за ночь печально обвисла, глаза покрылись мутной зеленой пленкой. Светлячок шел вперед неохотно: мой боевой трофеей не вдохновлял коня на подвиги. Еще бы. Животные боятся нежити намного больше, чем люди. Правда, не все. А те, что путешествуют с магами, со временем привыкают.

Несколько женщин, собравшихся у колодца, проводили меня потрясенными взглядами. Я шутливо отсалютовал им головой, и все три страшно побледнели. Светлячок, заметив, как качается на моей руке мертвая голова, всхрапнул, топнул копытами, но не остановился. Еще

и не такое видел, а раз оно мертвое, то бояться нечего.

Село было небольшим, всего десять дворов и корчма по правую руку от тракта. По левую располагались огороды, на которые бросал свою широкую тень лес. Дальше, за домами, простирались поля — белые, желтые и зеленые латки. И только на самом горизонте, так далеко, что была видна только низкая черная полоса, стояла Тальгара. Теперь можно решить вопрос, ехать туда или нет — деньгами я уже почти разжился, а новые сапоги в селе не купишь. Да и к Кеорну надо зайти, посмотреть, как дела в Академии и узнать последние новости из Башни. Вдруг охоту на русалок уже запретили, а я об этом еще не знаю?

Впрочем, охотиться на подводных жительниц могли только дураки — русалки дурили головы всем, кто совал свой нос в их дела. Так что еще неизвестно, кто за кем охотился. Но тем не менее охота на них была официально разрешена, и это разрешение столько народу угробило, что думать страшно. На месте королевы я бы давно его отменил, но Ее Величество, видимо, таким образом сокращала численность населения в Велиссии. А то вдруг война, а у нас одни идиоты? Умные-то люди на русалок охотиться не будут, поостерегутся.

Дом старосты ничем не отличался от остальных. Такой же деревянный, с соломенной крышей и резными петухами на ставнях. Сквозь открытые окна пробивались призраки занавесок, за которыми смутно виднелось пятно печи. Я выпрыгнул из седла, отряхнулся, подхватил голову дакарага и направился к порогу. Поднялся по ступеням, постучал. Торопливое "иду-иду!" сменилось томительным ожиданием.

Соседи старосты зря времени не теряли: собрались вокруг двора, как на редком цирковом представлении. Поскольку сам мужик выходить не торопился, я с видом победителя поднял на уровень груди свой трофей. Селяне восхищенно ахнули, поцокали языками. Какой-то детина в рваном фартуке печально произнес: "Эх, какой у него меч, небось, эльфийский...", но его никто не поддержал. Обворовывать мага, оказавшего селу помощь, было неловко и неправильно.

Темные фигурки трех вдов возвышались гротескными изваяниями среди других людей. Я усмехнулся, вознамерился поведать селянам байку об усекновении нежити, но не успел: дверь все-таки открылась. Староста обвел односельчан мутным сонным взглядом, недовольно покосился в сторону восходящего солнца и спросил:

— Ну... Ты уже убил упыря, выходит?

Я с гаденькой улыбкой бросил голову к его ногам:

— Это был не упырь.

Мужик брезгливо отшатнулся, подтянул штаны. Наклонился. Присмотрелся. Потыкал пальцем в нос дохлой нежити, удовлетворенно кивнул и перевел на меня взгляд. Я сделал вид, что этого не замечаю, с веселой улыбкой поглядывая на собравшихся у забора людей. Один мальчишка боязливо гладил Светлячка. Тот снисходительно терпел, но в темных глазах коня виднелся какой-то каверзный огонек.

— Ну, раз такое дело... — Староста встал, пихнул дакарага ногой. Голова, нелепо щерясь, скатилась по ступеням. — Спасибо тебе, колдун. Всем селом благодарны. Обращайся, если чего надо — мы люди честные, чем сможем, поможем.

С этими словами мужик развернулся и вознамерился захлопнуть за собой дверь, но створка осталась на месте. Я не двигался и ничего не говорил — просто подцепил ее магией, как крючком. Староста подергал не поддающуюся преграду, недоуменно нахмурился. Я с интересом пронаблюдал, как на его лице появляется смутная тень понимания.

— Что ж ты, колдун, в собственный дом меня не пускаешь?

— "Спасибо" в карманах не звенит, — язвительно напомнил я. — И в тавернах не пропивается.

— Последние деньги у меня отберешь? — печально спросил староста.

— Не последние, а заработанные. — Я наставительно поднял указательный палец. На кончике ногтя засветился крохотный серебряный шарик, быстро обрастающий кольцами разрядов. — Послушай, ты же не хочешь ссоры? Вижу, что не хочешь. Просто отдай мне обещанные золотые, и мы закончим этот неприятный разговор. Я даже на завтрак и отдых претендовать не буду, просто уберусь, и все.

Староста зачарованно наблюдал, как шарик превращается в кольцо, а потом, памятуя о потерянных рубинах — в треугольник. Я досадливо поморщился, и энергетический сгусток исчез, впитавшись под кожу.

— Извини, парень, — рассеянно сказал мужик. — Нет у меня денег.

Я уже собирался ответить, но кто-то из селян крикнул:

— Ясное дело, что нет! Ты ж вчера все в корчме пропил на радостях!

— А тебе какое дело?! — возмутился староста. — Пропил и пропил, собранные деньги идут на нужды... — он запнулся, переступил с ноги на ногу и смолк.

— На нужды села, — укоризненно сказала одна из вдов. — А не на пересохшее горло его старосты.

Повисло молчание. Я с ледяным спокойствием расстегнул сумку и вытащил свой помятый диплом. Бережно его разгладил, загнул обратно стертые уголки. Оглянулся.

— Тут кто-нибудь читать умеет? — поинтересовался я, демонстративно не глядя на старосту.

Но ответил мне именно он:

— Да. Я умею. Или ты думаешь, что управителем я стал благодаря красивым глазам?

Я улыбнулся. Не потому, что мне было весело — просто я любил улыбаться. Иногда людей это пугало больше, чем мое напускное спокойствие. Вот и старосте стало тревожно, протянутые к диплому руки мелко тряслись. Я даже побоялся, что он дорвет драгоценный пергамент, но отбирать его не стал.

— Читайте, — щедро предложил я. — Вслух. И погромче, чтобы все слышали.

Мужик подслеповато сощурился, поднес диплом в глазам. Затем начал читать — нараспев, как студенты на первом курсе, но суть до нас доходила. По мере прочитанного брови старосты заползали все выше на лоб, и между ними все явственней проступала косая морщинка.

— "Этот документ, заверенный... две росписи, одна печать... является дипломом об окончании Академии Магов. Хастрайну Неш-Тавье присваивается четвертая степень и жетон факультета Некромантии и Переходов, а также квалификация специалиста по классическим обрядам и ритуалам"... Ты некромант, — понял староста, протягивая диплом обратно.

— Вот и познакомились. — Я принял пергамент, осторожно свернул его и спрятал в сумку. — Так вот. Если я не получу обещанную плату, я возьму эту голову и, видит Аларна, воскрешу дакарага. И пусть он дальше бегает в ваше село. Пока не приедет другой дурак, согласный поработать бесплатно.

Мужик замаялся. Я выждал пять минут, спустился с порога и подхватил свой трофей. Воскресить не воскрешу — подобные ритуалы в некромантии запрещены — но создам

бодренького зомби, способного портить селянам настроение от двух недель до месяца. Вот тогда-то староста и попляшет. Жаль, что я этого не увижу.

Люди расступались передо мной, старательно пряча глаза. Я устроил ногу в стремя, забрался в седло и окинул селян оценивающим взглядом. Понял, что напутствие не нашло отклика в их душах, и тихонько присвистнул. Светлячок покорно двинулся в сторону леса, цокая подковами по крупным камням на дороге. Однако далеко уехать нам не дали.

— Господин некромант, постойте!

Я придержал поводья и обернулся. Ко мне приближался давешний детина в рваном фартуке. Его симпатии явно переметнулись на мою сторону, потому что, поравнявшись со мной, он бросил волчий взгляд в сторону дома старосты. Я хмыкнул, поняв, что любителя выпивки ждет воспитательный разговор. А может, и не только разговор. Интересно, как будут смотреться синяки на его физиономии?

Детина перевел взгляд на меня. Я пару мгновений смотрел в светлые, то ли голубые, то ли серые глаза человека, прежде чем он не выдержал и начал рассматривать конскую гриву.

— Вы это... не сердчайте на нас. Не все же такие жадные. Вот. — Он протянул мне приятно позвякивающий мешочек. — Там восемь золотых серебром. И если надо чего будет, приезжайте, я травками тут торгую, — детина улыбнулся, словно вспомнив о любимой игрушке. — Вам отдам задешево. Для хороших людей не жалко.

— Спасибо, — кивнул я. — Рад видеть, что в Схоронниках еще остались не только щедрые, но и умные люди.

Детина усмехнулся и снова посмотрел на старосту. Тот замер на крыльце, боязливо к нам приглядываясь. Я развернул коня и уже собрался ехать обратно, к Тальгаре, когда "умный человек" смущенно поинтересовался:

— Скажи, а ты бы его и правда того... воскресил?

От волнения он перешел на дружеский тон, но я не стал его осаживать. Только многообещающе улыбнулся и протянул ему голову дакарага.

— Правда. На, подвесишь в своей лавке, вместо чучела будет.

ГЛАВА 2,

в которой я пытаюсь сломать себе мозги

Оружейная лавка Оарна поражала меня всегда. Здесь можно было найти все, что угодно, от гномьих секир до легких друидских ножей. Как человек умудрялся договариваться со всеми расами и ни разу с ними не поссориться, оставалось загадкой для горожан. Особенно всех удивляли отношения Оарна с лесными эльфами: гордый народ при нем не кичился своей избранностью, а принимал торговца, как равного. Пожалуй, в городе оружейник был единственным, кто на вопрос: "А у тебя есть друзья среди остроухих?" мог дать подробный ответ с множеством имен, которые порой мелькали при дворе королевы.

Кстати, о королеве. Меня всегда удивляло то, что Ее Величество так радушно приглашает эльфов на балы. То есть в какой-то мере это понятно: политика вынуждает уделять союзникам внимание, — но ведь можно ограничиться официальными приемами, как поступают все умные люди. А то баронессы, графини и прочая знать так и скрипят зубами при виде изящных эльфиек, превзойти которых по красоте могут разве что дриады. Но дриады покидают свои долины еще реже, чем остроухие — леса, так что скрипеть и в их

адрес повода не возникает.

Я однажды бывал на королевском балу: когда Сулшерат представлял Ее Величеству будущих выпускников факультета. Это было чем-то вроде традиции. Каждый год деканов, а иногда и простых учителей приглашали во дворец, показать обществу результаты своих трудов. Я тогда Сулшерата не опозорил: держался отстраненно, как и подобает некроманту. Несколько раз меня все-таки втянули в танец, и первой моей партнершей была именно эльфийка: сначала сдержанная и молчаливая, а потом жутко заинтересованная моим рассказом о последнем экзамене, который я, хоть и с большим трудом, но сдал.

— Эм-м, — прозвучало за моей спиной. — Хастрайн?!

Я отвлекся от воспоминаний, обернулся и расплылся в широкой улыбке. Торговец ни капли не изменился: все такая же крепкая фигура, короткий ежик русых волос и насмешливые глаза под густыми кустистыми бровями. Не единожды перебитый нос сверкал свежей ссадиной, по краям которой оседала светло-серая порошь.

— Привет, Оарн, — сказал я.

— С ума сойти, неужели это и правда ты?! — Торговец хлопнул меня по плечу, словно проверяя мою материальность. И, убедившись, что я не иллюзия, повторил: — С ума сойти!

— Я же совсем недавно был здесь, — растерянно ответил я, потирая плечо. — Кстати, спасибо за меч, он действительно отличный.

— Твое "недавно" было полгода назад, — сварливо пробормотал Оарн. — А меч и в самом деле хорош. Правда, я таких уже не продаю.

— Почему?

— Так весна же. В лесах сейчас праздники, оружие никто не вывозит. Пойдем в "Золотую подкову"? Расскажешь, как у тебя дела, чего напутешествовал. Да и у меня найдутся кой-какие новости, — предложил он, уважительно поглядывая на приколотый к карману моей куртки жетон.

— Так чего же мы стоим? — улыбнулся я. — Пошли!

Торговец бодро направился к выходу из лавки, но на полпути передумал и провел ладонью по лицу. На мгновение задумался. В таверну впускали даже уличную чернь, но уподобляться ей Оарну явно не хотелось.

— Сейчас, умоюсь, — буркнул он и скрылся за шторой, отделяющей жилую часть лавки от торговой. Насколько я помнил, там была лестница, но торговец подниматься не стал: звучно зафыркал и заплескался, мне аж завидно стало.

По мнению наших общих знакомых, между мной и Оарном должна была вырасти огромная непреодолимая пропасть. Не потому, что торговец был ребенком из хорошей семьи, а меня забрали из селянской, и даже не потому, что мы часто дрались и задирали друг друга в детстве, сталкиваясь на улицах Тальтары. Просто Оарн тоже пытался поступить в Академию, на факультет прорицателей. Но безуспешно: если у мальчика, каковым он тогда был, сразу не обнаружили дар, то по мере взросления у него уже не оставалось шансов. Если не развивать дар — даже призрачный — и не использовать его постоянно, он продержится недолго — от силы года два-три. А потом навсегда угаснет. Так что на втором курсе, когда меня посвятили во все эти тонкости, я перестал скалиться в адрес сына торгоша и попытался ему помочь: таскал свои конспекты, рассказывал теории, рисовал схемы самых простых заклинаний. И очень скоро понял, почему Оарна не взяли в Академию: друг с таким трудом осваивал материал, что я порой отчаивался и не приходил сутками, честно отсиживая занятия до последней лекции. Но потом во мне просыпалось то ли упрямство, то ли

безумство, и я снова выманивал Оарна из дома. И тем самым сохранил его дар — пусть слабый и хаотичный, но настоящий.

Кеорн, мой бывший сокурсник, был уверен, что торговец не сможет вечно быть благодарным. Что ему надоест общаться с тем, кому он должен не какую-нибудь мелочь, а магию. Но, вопреки всему, пропасть не возникала. Может быть, в этом случае играло большую роль расстояние: я редко посещал города, предпочитая ночевку под открытым небом любому постоянному двору. Если бы мне предложили жить в королевском дворце, я бы не протянул там и недели. Город же не был закрытым, но каменные дороги, стены, ограды, блеклые провалы окон и, главное, большое количество людей здорово действовали на нервы, заставляя с тоской вспоминать о лесной тишине, болотных тропах, кладбищах и даже комарах.

Но порой приходилось потерпеть. В мастерской знакомого гнома я заказал новые сапоги, в лавке травника договорился о нескольких полезных отварах и тем самым отложил свои дальнейшие странствия на целых четыре дня. Четыре дня на нормальной постели, с нормальной ванной, едой, прислугой и возможностью отдохнуть — что может быть хуже?!

Мои печальные мысли прервал Оарн, выглянувший из-за шторы. Он успел не только умыться, но и переодеться, и вместо потрепанной рабочей рубахи на нем красовалась новая, с красной вышивкой на вороте. Друг, небрежно покачивая связкой ключей, вышел из лавки. Я направился следом, и Оарн запер дверь, виновато оглянувшись. Клиентов вокруг не наблюдалось, но душа торговца все равно вопияла о несправедливости и произволе, коий позволяет себе тело.

От лавки до таверны было недалеко, но небольшое расстояние показалось мне путем в несколько миль. Стены трехэтажных домов на вид были исключительно ненадежными, словно вот-вот покачнутся и рухнут на наши головы. Я не боялся смерти, но такая глупая перспектива мне не нравилась — как и осознание того, что после посиделок тоже не удастся покинуть город.

Повеселел я только тогда, когда оказался на пороге таверны. Он был высоким, в восемь ступеней, на последней из которых сидел вышибала. Над его головой покачивалась вывеска. На настоящую золотую подкову хозяин разоряться не стал, заменив ее нарисованной. Рядом с витыми буквами она смотрелась несерьезно, но местные давно перестали замечать эту несущественную деталь. Куда важнее было то, что в таверне продавалась настоящая этолита, за которую ценители вин были согласны выложить намного больше цены, установленной хозяином.

Откуда в Велиссии этолита, не знал никто. Догадки были самые разные — и что вино делают горцы, и что оно приходит из дриадских долин, и что его приносят в мир Боги, — но утверждать с уверенностью было нельзя. Привозили этолиту посредники, из которых никто не мог выбить и одного слова. Проследить их путь — тем более, потому что они приезжали каждый раз из другого места. То из земель друидов, то из эльфийских лесов, а то и из-за моря, к которому не любил приближаться ни один уважающий себя велиссец. Не потому, что море было плохим: просто оно принадлежало Морскому Королевству, правитель которого был человеком жадным и за въезд на свою территорию требовал целых три золотых монеты. Купцов это не останавливало, а вот простые люди предпочитали велисские озера и реки: как говорится, на родной земле и лужа — пруд.

Посетителей в зале было много. И им было очень весело, даже потолочные балки с вязанками лука ходили ходуном. За центральным столом собралась пестрая компания

охотников: мужчины в зеленых, желтых и красных рубахах громко хохотали, напевали райанитские песни, стучали кулаками по столешнице и беззастенчиво лапали разносчиц. Те, впрочем, не возражали.

По соседству с охотниками расположились гномы. Эти были тише, двое или трое уже отгуляли свое и прикорнули на сложенных руках. Их раскатистый храп так естественно вписывался в общий шум, что любой завсегдатай прослезился бы от умиления.

Я досадливо скривился, переглянулся с Оарном и направился к единственному свободному столу. Параллельно нам, от стойки, шла какая-то девица. Заметив конкурентов, она ускорила шаг, но торговец оказался быстрее: выдернув стул из цепких пальцев соперницы, он нагло на него уселся и спросил:

— Тебе чего?

— Какой нахал! — крикнула она. — Я это место первой увидела!

— А мы первыми сели, — обезоруживающе улыбнулся Оарн. — Если хочешь, можешь присоединиться.

Он призывно похлопал по своим коленям. Девица вспыхнула, отвесила ему пощечину и сбежала обратно к стойке, пока друг не опомнился и не дал сдачи.

Я скривился еще печальнее. Ничего не имею против выпивки, но когда вокруг столько народу... Я не хотел отыгрываться на Оарне, но язык повернулся сам собой:

— Женился бы ты.

Торговец уставился на меня, не веря своим ушам. К столу подошла разносчица, но он не обратил на нее никакого внимания. В темных глазах друга плескалось столько негодования, что мне захотелось нырнуть под стол и сжаться в комок, но Оарн только недовольно буркнул:

— От кого я это слышу?

— Да, ты прав, — смиренно согласился я. И обратился к разносчице: — Нам бутылку этолиты, грибов в сметане и картошки, пожалуйста.

— Бутылки две, — вмешался торговец. — И мяса принеси.

Разносчица лениво кивнула и убралась. У меня возникло подозрение, что она не запомнила ни единого нашего слова. Но Оарн оставался спокойным, из чего я заключил, что и мне нервничать не стоит.

Охотники затаили печальную песню о рыцаре-драконоборце, сопровождая ее тонкими отчаянными подвываниями. Из-за стойки на них неодобрительно поглядывал менестрель, сжимая в тонких пальцах потрепанную лютню. Его музыкальный слух явно претерпевал страшные муки, но вмешаться не позволяла то ли гордость, то ли страх. Скорее всего второе: такая орава мужиков его затопчет и не заметит, а то и отберет лютню, подыгрывать своим завываниям.

— Так... как твои дела? — поинтересовался Оарн. Его тихий голос так отличался от всех остальных, что казалось, будто торговцу здесь не место.

— Нормально, — пожал плечами я. — Ничего интересного не случилось. В одном поселке жаловались на вампира, но оказалось, что это тару-тадар.

— Коварно, — хохотнул торговец. Он, как и я, знал, что маленький дух обожает принимать чужие образы. Может, увидел вампира где-нибудь в Безмирье и решил, что он достаточно страшен для того, чтобы пугать людей. Люди, кстати, усердно пугались: в доме сельского старосты было не продохнуть от чесночного духа. Ценный продукт там был везде: в вязанках на потолке, в горшках, на печи, давленный — под полом и в постели, чтобы

вампиры уж точно не польстились ни на самого мужика, ни на его супругу. Тару-тадар, видимо, счел, что столь сильно воняющий дом не достоин его внимания, а потому напал на кого угодно, только не на старосту.

— Селяне вообще очень креативный народ, — улыбнулся я. — Если не могут сразу вызвать мага, то выдвигают такие безумные идеи, будто мы все еще живем в первом веке.

— Они и живут, — пожал плечами Оарн. — Что при инквизиции, что без нее. Село остается селом, и работа там все та же. Кому, как не тебе это знать?

Я поморщился. Второй век начался не так давно, но все тут же начали гордо считать себя новым, более совершенным поколением. Я тоже этим грешил, хотя, как и большинство других людей, родился еще в первом. И очень хорошо помнил, как люди в черных мантиях выволакивали из дома мою мать, а затем вместе с еще четырьмя женщинами увезли ее в город. Отец побоялся сопротивляться, только смотрел вслед телеге, а потом запил и превратился в животное.

А мать публично сожгли, обвиняя в ведьмовстве. За четыре дня до того, как "ведьмы и колдуны" подняли бунт и перебили всех инквизиторов, основав вместо их управления Гильдию Магов. Мир изменился. Изменились и люди. Исчез постоянный страх, смолкли молитвы в храмах, и женщины перестали думать, когда же придет их черед умирать. Так что Оарн неправ: жители сел тоже начали дышать свободнее, не боясь ничего, кроме ежемесячного сбора налогов.

Торговец понял, что не дожидается ответа, и начал тихонько подпевать охотникам. Я уже готов был вскочить и надавать ему стулом по голове, когда в голову пришла более простая мысль: надо просто занять его разговором, и все. Тем более если я буду отмалчиваться, он примет это на свой счет. О своих родителях я рассказывал мало, ограничиваясь короткими фразами вроде "они у меня были". Отец, кстати, был до сих пор, но уже меня не узнавал — только принимал деньги. Привозил я их нечасто и очень надеялся, что отцу хоть немного хватает. Впрочем, о чем может быть речь, когда человека не интересует ничего, кроме самогона?

Я иронично хмыкнул. Оарн не услышал, продолжая петь: "Он шел по горам много дней и ночей, взирая на ширь небосклона, пока среди замка, монет и мечей не встретил убийцу-дракона". Я скривился, протянул руку и помахал в воздухе ладонью. Торговец недоуменно посмотрел сначала на нее, потом на меня, и спросил:

— Ты чего? Хорошая же песня...

— А мне не нравится, — ответил я. — Лучше про золотые крылья спой, раз уж так хочется. А еще лучше просто расскажи, что в городе интересного происходит.

Оарн неожиданно посерьезнел и нахмурился. Учтывая размер его бровей, получилось впечатляюще. Даже разносчица, которая как раз шла к нашему столу, оступилась и нерешительно замерла в трех шагах от нас.

— Не бойся, — подбодрил ее я. — Он только кажется суровым, а в душе добрый-добрый, как домовичок.

— Да, конечно, — растерянно кивнула девушка. — То есть извините, я ничего такого не подумала, просто оступилась!

— Да ставь уже, — вмешался Оарн. — И уходи, мы заняты!

Разносчица окончательно смутилась, торопливо побросала на стол тарелки. Затем бережно, как самую большую ценность в мире, поставила перед нами поднос с бокалами и этолитой. За бутылками обнаружились малосольные огурцы на тарелочке, и я мысленно

похвалил хозяина за предусмотрительность.

Пока друг рассчитывался с разносчицей (в "Золотой подкове" было принято платить сразу, чтобы наевшийся и напившийся клиент не затерялся в толпе и не смылся), я придвинул поближе тарелку с грибами, наколол один на вилку и понюхал. Пахло очень вкусно, но Оарн не дал мне насладиться трапезой: нагло отобрал вилку и отложил в сторону.

— Погоди, есть действительно серьезный разговор.

Я с тоской посмотрел на тарелку, но друг был непреклонен.

— Я уже выбросил это из головы и думал, что ничего важного не произошло, но... — Торговец замялся, словно сомневаясь в правильности своего решения. — Но дар... дар подсказывает мне, что что-то неладно. Что они врут.

— Кто врёт? — насторожился я.

Магия прорицателя у друга проклевывалась редко, но если уж давала о себе знать, то не ошибалась. К нему даже соседи прислушивались с уважением, хотя в городе они обычно и знакомиться-то не торопятся. Впрочем, попробуй не установи контакт с оружейником...

— Воины Альна, — тихо пояснил Оарн. — Ты слышал ту историю с повелителями ветров?

Я кивнул. По-моему, в Велиссии вообще не осталось людей, которые ее не слышали.

Воины Альна — независимый отряд отвергнутых Академией магов, который живет древними пророчествами. Чуть что, так на улицы выбегают их глашатаи и вопят о том, что мир скоро развалится, Боги снизойдут на руины наших городов, а потом отдадут их Дьяволу. На кой Дьяволу руины, они не объясняли, да и вообще старались не вступать в разговоры — орали себе, и все. Но в прошлом году привычки воинов резко изменились, и их главарь, немолодой бородатый мужик со стихийным даром, потребовал аудиенции у королевы. Та очень удивилась и не смогла сдержать любопытства. И воин Альна рассказал ей о древнем пророчестве, пророчестве о четырех существах с нечеловеческой магией, которые якобы способны управлять ветрами. Народ ожидал, что Ее Величество выкинет просителя вон, но королева, следуя одной ей понятной логике, позволила воинам начать поиски повелителей ветров. И те незамедлительно воспользовались этим щедрым даром, обыскивая не только большие города, но и села, хутора и одинокие домики в лесах и на равнинах, в надежде, что кто-нибудь из жителей и окажется существом из пророчества. Однако если повелители ветров вообще были, то дураками они не были и прятались профессионально: проще убить дракона, чем их найти.

— Так вот, — продолжил друг, еще больше нахмурившись, — Три дня назад они привели в город девушку. Объявили, что нашли повелительницу восточного ветра, и отвели ее в бывшие инквизиторские застенки. Глашатаев понабежало, повторили историю еще раз. Мол, это существо владеет неподвластной людям магией, а потому наш мир под угрозой, ибо эту магию скоро обратят во зло. И... знаешь, было в его голосе что-то такое... фальшивое, что ли...

— Ну вот, — наигранно расстроился я. — Он на создание байки о пророчестве целую жизнь потратил, а ты ему не поверил. Не стыдно?

— Это не смешно, Хаст, — поморщился Оарн. — Они ведь убьют ее. Ни за что.

— Откуда ты знаешь, что она ни в чем не виновна? — Я подобрал вилку и все-таки съел гриб. Торговец неодобрительно на меня посмотрел, но я и бровью не повел.

— Просто знаю, и все. Или ты мне не веришь?

Я задумался. Нет, в чутье друга я не сомневался, но связываться с воинами Альна не

хотелось. Мало ли, что за каша в головах у этих фанатиков? Решат, что я сам какой-нибудь повелитель, и затолкают в компанию к девчонке. А после пыток, которые практиковала еще инквизиция, можно вообще признать себя Дьяволом.

— Верю, — медленно сказал я. — Но сделать мы ничего не можем. Иначе придется всю жизнь провести в бегах. Скажи честно, тебе нравится такая перспектива?

— Тот факт, что воины угробят невинную жизнь, мне нравится еще меньше, — подумав, ответил Оарн.

Я присвистнул. Не припоминаю, чтобы за другом водилась привычка спасать девушек из застенков. Даже красивеньких. Кстати об этом...

— Она тебе настолько понравилась? — пошутил я, твердо намереваясь свести к шутке и весь этот дурацкий разговор. Оарн безнадежно покачал головой и потянулся к бутылкам этолиты.

Слава Аларне! Неужели он одумался?!

Искать комнату на постоялом дворе не пришлось: торговец предложил мне остаться в его лавке. Сначала я отказывался: домик был маленьким, удивительно, как Оарн сам в нем помещался. Потом увидел обустройство второго этажа и благоразумно заткнулся. Я подозревал, что на продаже оружия можно много заработать, но чтобы настолько... Мебель была резная, вычурная, которую скорее можно увидеть в жилище благородной дамы, а не крепкого грубого торговца. Оарн, видя мое замешательство, начал виновато оправдываться:

— Я не сам ее покупал. Один эльф купил у меня двуручник, а расплатиться вовремя не смог. Задаток заплатил, пообещал прийти с остатком на следующий день — но не успел, ночью бросился в погоню за каким-то родственником. Я не особо расстроился: меч был не самой лучшей работы, но остроухий вернулся, извинился, доплатил и сказал обращаться, если что-то будет нужно. Я по глупости и сказал, мол, мне кровать нужна, надоело на лежаке спать... Ну откуда я знал, что он мне ее купит?!

Я тихонько рассмеялся. М-да, весело быть торговцем... Попробовать, что ли? Вот только я ни людей, ни эльфов не люблю, так, терплю из-за работы. Оарн, наоборот, любит и пообщаться, и байки потравить. У него это получается искренне, не так, как у меня. Одно дело — помахать перед наивными селянами головой дакарага, и совсем другое — иметь дело с людьми постоянно, запоминать лица, характеры и повадки. А память у меня была рассчитана совсем на другие вещи. Например, на сотни подвидов болотной нежити, которая считалась самой опасной из существующих. Не потому, что обладала завидной силой, просто ей было удобно охотиться: спугнул человека, заставил сойти с тропы, и нормально: ныряй себе в бочаг, обед готов.

Оарн великодушно уступил мне кровать, а сам притащил с чердака лежак. Он отчаянно скрипел под торговцем, но пока не проваливался. Я же забрался под теплое одеяло, вздохнул, вспомнив ночевки у костра, и закрыл глаза.

Под веками закружилась липкая белая муть. Она то превращалась в туман, то рассыпалась на пушистые клочки облаков. Порой в ней мелькали чьи-то глаза — светлые, почти совсем белые, с темными ободками вокруг радужек. Они смотрели на меня, не мигая. Я не сразу понял, что провалился в сон: даже тело продолжало быть таким же тяжелым и чувствовался край одеяла под горлом.

Но я куда-то шел. Это было настолько глупо — идти куда-то, кутаясь в одеяло, — что я выругался и попытался его сбросить, но оно вдруг оказалось таким тяжелым, будто мне на

плечи взвалили гору и велели нести вперед. Мои шаги разносились эхом во все стороны, голова закружилась, и из белой мути начал появляться призрак потустороннего мира. Я растерялся. Во снах нельзя сюда приходить. Только проснуться не получалось, а мир разрастался, поспешно достраивая призрачные башенки и домики, меняя тепло с холодом и напевая свою бесконечную песню. Потом пошел снег. Он появлялся из ниоткуда, потому что неба в мире духов не было — только белое, безграничное ничто, которое принимало такие очертания, какие хотело само. Поверхность под ногами, сначала светлая и непроницаемая, понемногу становилась зеркальной. Сперва под моими ногами возникло серое пятно, потом оно раздалось в стороны, и на нем замелькали отражения: измененное мое, напоминающее ядовито-зеленый росток с маленькими отростками крыльев, и настоящие — духов, темными пятнами шныряющих высоко вверху.

Напев стал громче, в нем начали угадываться целые слова. Я продолжал куда-то идти, оглядываясь по сторонам и надеясь, что никого по дороге не встречу. Потому что сейчас я, пусть и не по своей воле, нарушал закон. А расплата за это могла быть только одна, и она мне совсем не нравилась.

Впереди показалось красноватое пятно. Я дошел до него, присел на корточки и удивленно присвистнул. Кровь. Она размазалась по зеркалу, красная с этой стороны и розовая — с той, и понемногу становилась густой, как кисель. Я поднял голову, прищурился. Чуть дальше виднелось еще несколько пятен, а за ними — темная бесформенная гряда. Она шевелилась: конвульсивно дергалась и жутко хрипела.

Я заколебался. Подойти ближе или повернуть? Не люблю рисковать, когда мне это ничего не сулит. Только вот у умирающего неизвестно чего был такой безобидный вид, что я, старательно обходя кровь и стараясь не смотреть под ноги, все-таки подошел. И застыл, не в силах ни отшатнуться, ни заорать.

Под живыми серыми побегими неподвижно лежало израненное человеческое тело. Побегии заползали в раны, оплетали их, с бульканьем вдавливались поглубже, а человек лежал, глядя куда-то вверх выцветшими светлыми глазами. Голубыми или серыми — разобрать я не смог, потому что радужка быстро затягивалась толстой непрозрачной пленкой. Как у мертвой нежити. Только человек передо мной не был мертвым, в этом я был уверен. Тогда какого черта здесь происходит?!

Я приподнял руку, но над плечом пальцы сомкнулись на пустоте. Ножен на поясе тоже не наблюдалось. Я был безоружен. Стоп... Безоружен? Я?!

Я закрыл глаза и потянулся к дару. Огонек под сердцем затрепетал, послышался тихий шелест, но заклинания не плелись, а схемы не рисовались. Мне стало по-настоящему страшно. Что же это за сон такой, если в нем нет ни оружия, ни магии?

Серые побегии наполнили все раны своей жертвы, и с жутким чавканьем начали наносить новые. Я лихорадочно вцепился в ближайший стебель, потянул его на себя — и неожиданно все растение рассыпалось крупными серыми комьями, напоминающими пепел.

Человек никак не отреагировал. Я нащупал пальцами жилку на его шее — она размеренно вздрагивала, как ей и положено. На ранах не появлялось ни капли крови, и их быстро заполняли крохотные белые снежинки. Они оседали на разорванные края, падали глубже, но не таяли. Только одна, угодившая человеку в широко открытый глаз, быстро исчезла. Но не растаяла, а впиталась в зрачок — и в нем забилося плененное белое пятнышко. С минуту ничего не происходило, а потом от зрачка словно краска поползла — синяя-синяя, быстро наполнившая собой светлую радужку.

Человек вздрогнул и молниеносно сел. С волос, и без того абсолютно белых, посыпались хлопья снега. Я отшатнулся, поскользнулся и упал, впечатавшись спиной в зеркальную поверхность мира. По ней побежали трещины, я попытался подняться — но не смог. Меня как будто пригвоздило к месту. Осталось только тупо наблюдать, как беловолосый человек встает, пошатываясь, и распахивает темные кожистые крылья.

Откуда они взялись за его спиной, я не знал. Но человек уверенно подпрыгнул, и крылья, подмяв под себя воздух, понесли его вверх. Все выше и выше.

Я лежал на зеркале и чувствовал себя полным идиотом. Вот и помогай после этого людям! Они в твою сторону даже не посмотрят...

То, что крылатое существо вряд ли является человеком, до меня дошло не сразу. Но это все равно не оправдывало его дурацкого поведения, а бесило еще больше. Лучше бы я его оставил под тем чертовым кустом, все равно никакого проку!

— Ч-ш-што, развлекаеш-ш-шься? — прозвучало рядом.

Я дернулся, попытался поднять голову, но ничего не получилось. Зато дар наконец проснулся, и я смог почувствовать, кто находится рядом со мной. Лирна, мелкий дух-падальщик, который, вроде бы, живых людей не жрет. Вроде бы.

— Не твоего ума дело, — огрызнулся я. — Проваливай отсюда!

— Какой ты невеж-ж-жливый...

Сначала плеча, а затем и груди коснулись маленькие прозрачные коготки. Дух тяжело приподнялся на слабых четырехсуставчатых лапках, сел на мой живот, подпер пальцем нелепую голову с двумя мордочками. Одна — восьмиглазая, с пяточком вместо носа и тонким надрывом рта. Вторая — кошачья, с трогательным рыжим пушком на ушах.

— Проваливай, я сказал! — рыкнул я, больше всего на свете желая проснуться.

— Ты наруш-ш-шил з-закон, — непреклонно возразила лирна. — Ты долж-ж-жен з-з-за это з-з-заплатить...

Коготки вспороли ворот рубашки, коснулись шеи. Я скорее угадал, чем почувствовал, что на коже после них остаются борозды, быстро наливающиеся кровью.

Я выгнулся всем телом, сбросил чертову тварь, вскочил на ноги и... проснулся. На кровати, под одеялом, в светлой комнате оружейной лавки.

Только шею немилосердно жгло, будто кипятком ошпарило.

Я выкарабкался из-под одеяла, на негнущихся ногах подошел к окну. М-да... Солнце давно взошло, высветив шпили городских храмов и крыши домов, среди которых выделялись красные верхушки корпусов Академии. Внизу сновали люди, волоча корзины: кто пустые, а кто с продуктами или тряпками. Где-то пронзительно орала кошка. То ли кто-то ее пришиб, то ли она страстно этого жаждала.

Все было нормально. Только в голове остались обрывки белого странного сна, вместе с голосом лирны и образом синеглазого человека. А еще под горлом застрял мерзкий колючий комок: то ли вырвет, то ли кровью вытечет, как после сложных ритуалов.

Я уже собирался выйти из комнаты, когда заметил над лежаком старое зеркало. С ходу вспомнить, висело ли оно тут вчера, я не смог, но почему-то был уверен, что днем от него не может быть вреда. Я подошел ближе, заглянул и вздрогнул.

Нет, на меня посмотрел не дух, не синеглазое существо и даже не Аларна. В зеркале было мое собственное отражение: растрепанное, сонное, бледное... и с тремя рубцами на шее, имеющими такой вид, будто заживали несколько недель.

Я присвистнул. Какой же боевой потенциал был у той лирны, если нанесенные ей раны

продолжили существовать и в реальном мире? Не меньше трех огоньков, уверен. У духов низшей ступени нет и половины одного, а высшие выходят за пределы начального круга и поднимаются выше, пока не поймут, что дальше расти некуда. К сожалению, столь мощные сущности обычно не замораживаются общением с людьми, а потому их классифицируют как "предположительно агрессивных". Именно предположительно, потому что те же духи-хранители относятся к заклинателям и некромантам нейтрально, за определенную плату впуская на свою территорию.

Я провел пальцами по ближайшему к ключицам рубцу. Сначала ничего не почувствовал, а потом рана отозвалась легким покалыванием. Как природный источник энергии. Чертов дух, восхитился я, умудрился еще и магический отпечаток поставить! Я потянулся к дару, и он ярко вспыхнул — подобно костру, в который подбросили дров. Ладони удобно устроились на шее, полностью скрыв под собой раны. Покалывание усилилось, а потом и вовсе стало невыносимым: возникло чувство, что кожу пробивают тысячи крохотных иголок, которые со злорадством начинают подтачивать кости. Я пробормотал несколько слов, вплетая их в узор заклинания, чуть-чуть пошевелил пальцами — и покалывание исчезло.

Я опустил ладони. И выругался.

Рубцы ушли под кожу, превратившись в темно-красные пятна. Поверх них протянулись витые белые полосы — будущие шрамы. Звучно, но неприлично помянув Аларну, я сбежал вниз по лестнице, выглянул из-за шторы и огляделся по лавке. Оарна не было, зато в углу стояло несколько ведер с чистой водой. Рядом, на низкой деревянной лавке, валялось скомканное полотенце.

Я оценивающе присмотрелся к ближайшему ведру. Не то чтобы брезговал — просто вдруг торговец в этой воде не только руки мыл? Прожечь ее взглядом не удавалось, и я использовал магический импульс — он серебристой рыбкой ушел на дно ведра, мигнул и растаял. Значит, эту воду не трогали. Ну и славно. Ну и славно.

Я умылся, попробовал что-то сделать со своими волосами, но не добился результата. Они как торчали куда-то вверх, так и продолжили торчать — только вдоль виска к плечу тянулась единственная нормальная прядь светлого, почти белого цвета. Нет, волосы были вовсе не кудрявые, а ровные. Просто им не нравилась моя странная деятельность, и они в ужасе старались держаться от меня подальше. Получалось очень даже неплохо — в лицо они мне не лезли, обрезать их не хотелось, и челка падала на лицо только во время дождя. Да и то неохотно.

Скрипнула дверь, и в лавку спиной вперед ввалился Оарн. В руках он нес охапку темных веток с засохшими листьями, которую триумфально венчала ржавая кочерга. Торговец с пыhtением занес сие богатство за штору, свалил в кучу и от души пнул ногой. Потом обернулся на меня — всколоченный, злой и красный, — и пробормотал что-то не шибко разборчивое про доброе утро.

— Злобное, — поправил его я, с недоумением глядя на кучу. — Нет, я конечно все понимаю, но зачем тебе кочерга?

— Пригодится, — неуверенно ответил Оарн. — Если в ход не пушу, отправлю на переплавку. За это неплохо платят.

— Так она же ржавая, — не понял я.

— Ой, отстань, — отмахнулся торговец. — Много ты в этом понимаешь!

Дверь снова скрипнула, и он торопливо задернул штору, скрывая ведра и ветки от глаз посетителя. Тот не обратил на это внимания — видимо, часто имел дело с Оарном, — и

невозмутимо направился к стойке с гномьими секирами, на ходу оценивающе поглядывая на то, что находилось за стеклянной витриной. Она была небольшой, но оружие за ней пряталось стоящее: друидские заговоренные кинжалы с оплетенными символами рукоятками, горские ядовитые дротики и один-единственный агшел. Неизвестно, как торговцу удалось его достать, но вниманием покупателя магический клинок завладел безраздельно.

Я скептически усмехнулся. Обычно агшелы выдают после последнего экзамена, в качестве дополнения к диплому. Причем ни одного одинакового клинка не существует: их изготавливают специально для того, кому они будут принадлежать. Так что продавать черный клинок — глупая затея, в руках чужака он не проявит и половины своего магического потенциала. Я даже не уверен, можно ли чужим агшелом замкнуть Круг.

— Немного, — покладисто согласился я. — Я пойду, хочу зайти в Академию.

Оарн махнул на меня рукой. Посетитель оторвал взгляд от черного клинка, пробормотал, что желает купить секиру покрепче и подороже, и снова присмотрелся к товару.

Я вышел из лавки... и с трудом сдержал желание нырнуть обратно за дверь. Народу на улице было не просто больше, чем вчера. Его было море, и каждый толкался, хмурился, ругался и спешил куда-то попасть. Я влился в этот живой поток, немного потерпел, но понял, что это безнадежно. Безо всяких опасений свернул в первый же узкий переулок, пнул под подбородок какого-то воришку и уже спустя пару минут оказался на главной площади Тальтары.

Здесь, вопреки всему, народу было немного. Несколько зевак с открытыми ртами таращились на "зимний дворец": небольшое, тонкое, покрытое сложной резьбой строение с огромными стрельчатыми окнами, балконами и куполообразной крышей. Дом был выдержан в небесно-голубых цветах, только у фундамента, будто тени, собрались более темные оттенки. В этом месте принимали королеву во время ее визитов в город, но сейчас оно пустовало: стражники за оградой лениво о чем-то беседовали, периодически грозно поглядывая на площадь.

Соседом "дворца" был высокий черный забор, местами оплетенный диким виноградом. Массивные кованые ворота были приветливо распахнуты, и за ними виднелся покрытый травой двор. С двух сторон от дороги, рассчитанной как на пешеходов, так и на экипажи или всадников, стояли фонтаны. Ничего симпатичного в них не было: обычные груды камней, сваленные абы как, лишь бы стояло. В бесформенной "композиции" с трудом угадывался бортик, а вода, не мудрствуя лукаво, просто стекала по камням и уходила вниз, под землю.

Рядом с левым фонтаном собралась компания подростков лет четырнадцати. Когда я пересек ворота, они неодобрительно на меня уставились. И правильно, в Академии никогда не любили чужаков. Только я не чужак. Я поправил жетон на кармане, усмехнулся, заметив, что взгляды сменились с неодобрительных на заинтересованные, и прошел мимо.

Полоса дороги упиралась в лестницу, ведущую на первый этаж приемного корпуса. Я быстро по ней поднялся и со смешанным чувством гордости и тоски нырнул в темные, полные теней коридоры с множеством дверей. О, кабинет лектора стихийников сместился на первый этаж, надо же! Интересно, чем старик насолил директору? Или он просто устал бесконечно подниматься по ступенькам, чтобы добраться до чашки любимой смородиновой настойки?

Приемный корпус я всегда проходил насквозь, но в этот раз задержался. Приятно было оказаться в месте, где бегал, еще будучи маленьким. Помню, как сбегал с занятий, чтобы погулять в городе, и испытывал заклинание невидимости, чтобы не попасться никому на глаза; помню, как проходил здесь в первый раз и прятался за спину нашедшего меня мага, с подозрением косясь на всех, кто проходил мимо; помню, как шел с сокурсниками на последний экзамен, отчаянно пытаюсь прогнать мрачные мысли; помню, как бежал по нему в последний раз, прижимая к груди диплом и чувствуя, что за спиной вот-вот раскроются крылья и понесут меня куда-то в небо, потому что в груди смешалось столько чувств, что на земле им не хватает места.

И вот теперь я снова шел по корпусу, знакомому до каждой трещинки под потолком, и рассеянно улыбался. Годы учебы отпечатались в памяти ярко, детально, и я верил, что таким и должно быть счастливое детство. Особенным. Необычным. Волшебным.

Коридор вывел меня к двустворчатым дверям, и я толкнул их, заранее зная, что дальше произойдет. И не ошибся: створки разошлись с натужным скрипом, и в глаза ударил яркий солнечный свет. А за ним — не менее яркая картина внутреннего двора Академии, где магии было так много, что она проявлялась во всем.

Солнечные лучи спускались к каменным плитам узкими светлыми лесенками, по которым со смехом носились крохотные длинноволосые фигурки. Волосы их были настолько длинными, что струились по ступенькам сплошным живым потоком. С лесенок фигурки не спускались, бесконечно носясь взад-вперед; и только там, где лучи касались низкой башенки с колоколом, их маленькие дети сидели на крыше, свесив ноги с самого ее края. Ноги — и волосы, которые почти достигали земли и переплетались с блеклым узором, возникающим из ничего.

Его создавал ветер. Он, сам невидимый, бесконечно рисовал в воздухе сложные картины. Они были похожи... и в то же время разительно отличались от морозных узоров на окнах. Ветер тихо пел, но песня его звучала не гудением или свистом, а мелодией. Словно кто-то сидел на крыше рядом с маленькими лучиками и с трепетом перебирал струны арфы, вкладывая в музыку всю свою душу.

У меня сладко зануло в груди. Давно я этого всего не видел. Посторонних людей во внутренний двор не впускали, и правильно, пожалуй, делали. Что может почувствовать обычный человек, которому дали возможность прикоснуться к свету или пожать руку ветру, а потом навсегда ее лишили? Ничего хорошего.

За башенкой простиралось озеро, по берегам которого разросся сад. Я никогда не интересовался деревьями, но, покинув стены Академии и ни разу не увидев нигде подобных, понял, что сад все-таки роскошный. Здесь солнечным лучам было еще веселее: они прыгали в ветках, плясали на воде и создавали серебристые отблески, которые мгновенно превращались в рыб и уходили под поверхность.

Сад, башенку и озеро окружали шесть корпусов Академии. Над входом в каждый трепетали флаги факультетов. Я покосился на наш — могильный крест, за которым распростер крылья дракон, — и улыбнулся. И уже собирался подняться по ступеням порога, когда понял, что мне туда не надо.

Под ближайшим к озеру деревом, спустив ноги в воду и накрыв лицо шляпой, лежал человек. У его руки суетился белый кот с рыжими ушами, то подбивая лапкой пальцы хозяина, то запрыгивая на нее и с недовольным ворчанием кусая. Заметив меня, он пронзительно мяукнул. Несколько лучиков пугливо нырнули под воду, и их волосы

расползлись под ней причудливым золотым узором.

Человек приподнял шляпу, посмотрел на меня и широко улыбнулся. Его грубоватое лицо, обрамленное рыжими кудрями, ничуть не изменилось: все такие же глубоко посаженные глаза, вздернутый нос и россыпь веснушек. Перемена была заметна только благодаря коту: он вырос. А я помнил его маленьким и слепым.

— Кого я вижу! — радостно завопил Кеорн, подхватываясь на ноги и заключая меня в медвежьи объятия. Я забеспокоился насчет целостности своих ребер, но бывший сокурсник отпустил меня и, задумчиво щипая подбородок, стал придирчиво изучать.

— Привет, — сказал я, садясь на траву. Кот-алерогтару с мурчанием запрыгнул ко мне на колени, потерся головой о протянутую ладонь. Почти как настоящий, только кровь чувствует в нем духа, и сердце начинает тревожно биться.

— Отстань от него, Неш, — рассмеялся Кеорн, дергая кота за хвост. — Не видишь: дядя-некромант боится. Ну еще бы! — Он перевел взгляд на меня и задумчиво сообщил духу: — Смотри, Неш, Хастрайн тоже здорово подрос.

Я улыбнулся. Алерогтару соскочил на землю и лег, помахивая хвостом.

— Как дела? — жадно поинтересовался рыжий, садясь напротив. — Ты так нигде и не устроился?

— Мне и на трактах неплохо, — честно ответил я. — А дела нормально. Работаю понемногу, пугаю селян, как в сказках про детей Аларны. А ты как? Как Академия?

— Не изменилась, — так гордо ответил Кеорн, что я сразу понял: в этом есть и его заслуга. — Только некромантов все меньше. В том году двоих нашли, а в этом вообще никого. Сулшерат грустит. Ты бы к нему зашел, а? Он будет рад тебя видеть.

— Как — никого?! — опешил я. — Совсем?!

— Совсем.

Я молча уставился на друга, не веря своим ушам. На факультете некромантии всегда было мало учеников, бывало, что и только один, но чтобы никого вообще... Нет, мир определенно перевернулся с ног на голову, пока я вляпывался во всякого рода истории и не успевал обращать на него внимание.

— Зато стихийников — аж тридцать восемь, — сменил тему рыжий. Неш почувствовал, что спокойствие нарушилось, и приподнял голову, но спустя мгновение снова ее уронил и успокаивающе замурчал. — Сулшерат читает у них лекции по алхимии, пока не привезут хоть какого-нибудь, можно даже совсем слабенького, некроманта. Прошлый выпуск, стыдно сказать, даже на бал не повели. Приглашение получили, но написали вежливый отказ.

— Почему? — окончательно растерялся я.

— Помнишь придворного мага? Такого низенького, темноволосого... — Кеорн дождался моего кивка. — Так вот мы побоялись, что он поймет, какой маленький потенциал у наших некромантов. Им и дипломы-то давать не стали, только жетоны, чтобы работать где-то смогли.

Я хмуро промолчал. Все это очень странно. Конечно, люди часто говорили о том, что магия вымирает — переняли эту привычку у эльфов, — но я всегда считал это глупостью. Слишком много времени прожил в Академии, где она была нормальным, привычным явлением, чтобы поверить в то, что когда-нибудь ее может не быть. Да и внешне все выглядит нормально: лучи, ветряные узоры и вода все такие же, не сильнее и не слабее. А некромантов было мало всегда. Так может, нет причин для паники?

Только вот в груди поселился предательский холод, уверяющий, что это все неспроста.

Но с ходу определить причину я не мог, да и как это сделать человеку, который не является архимагом? Небось надо весь Совет собрать, чтобы понять, куда подевались люди с темным даром.

— Да не волнуйся ты так, — забеспокоился Кеорн, сраженный моим молчанием. — Найдут кого-нибудь. Всегда находят.

— Всегда находят, а в этот раз не нашли, — возразил я. — Пойдешь со мной?

— Куда?

— В гости к Сулшерату.

Рыжий с минуту подумал, поднялся и подхватил на руки Неша. Его лицо еще больше огрубело, губы сомкнулись в недовольную тонкую линию.

— Будь ты проклят, Хастрайн. Ждешь тебя, ждешь, и вроде бы рад потом видеть — но ты же непременно найдешь повод сломать себе мозги.

— Так ведь себе, а не тебе.

Кеорн покачал головой. Я примерно знал, что он мог ответить: "Ты бы подумал о том, чем тебе грозит твое любопытство". Но думать об этом я не хотел, а вышеозначенное качество упрямо тянуло меня к бывшему декану. Я был уверен, что если он и не объяснит, почему факультет пустует, то по крайней мере даст понять что-то еще. Только что? Об этом мое чертово чутье упрямо молчало.

ГЛАВА 3,

в которой я прихожу к увлекательным выводам

Когда мы с Кеорном вломились в кабинет, Сулшерат сидел за столом, сосредоточенно размешивая ложечкой какой-то душистый травяной напиток. Заметив нас, он озадаченно сдвинул брови, смерил меня цепким взглядом и растерянно обратился к рыжему:

— Кеорн, кто этот молодой человек?

— Учитель! — возмутился я. — Да как вам не стыдно?!

Сулшерат присмотрелся... и у него отвисла челюсть. Не сильно, но под верхней губой обнажился ряд неестественно белых зубов. Декан выскочил из-за стола, смешно помахивая так и не брошенной ложечкой, и подошел ко мне, остановившись на расстоянии шага. Маленького шага. Очень маленького шага. В голубых глазах магистра отразилось узнавание, а потом — такой восторг, что я оглянулся через плечо. Вдруг там стоит кто-то еще, а я загораживаю Сулшерату обзор? Но нет, он смотрел именно на меня. И понял я это очень быстро, когда...

— Хастрайн! — воскликнул магистр и хлопнул меня по плечу. — Да чтоб меня стая пагалотов сожрала, это действительно ты!

— Это действительно я. — Я улыбнулся, глядя на Сулшерата сверху-вниз и искренне недоумевая, почему он такой маленький. — Черт возьми, учитель, как же я рад вас видеть!

Магистр радостно улыбнулся, спохватился и вернулся за стол. Попробовал продолжить чинно мешать напиток, но быстро плюнул и переставил чашку на мою сторону стола. Кивнул на кресло в углу кабинета.

— Бери, садись и скорее рассказывай, чем ты занимался все это время!

— О, учитель, это очень долгая история, — отмахнулся я, забирая чашку. Прикинул, переставить кресло поближе или сесть так. Лень победила. — И совсем неинтересная.

Помните практику на третьем курсе, когда мы выезжали на городское кладбище? Так вот род моей деятельности с тех пор ничуть не изменился. Только и вижу, что кресты и могилы.

Постоянные пейзажи дорог, лесов, равнин и полей я скромно опустил. Описать их словами сложно, а Сулшерат все равно не поймет, что я хочу ему рассказать. Магистр и не стал вдаваться в подробности, только пожал плечами:

— Значит, ты зря уехал из Тальтары. Кеорн вон, посмотри, каждый день набирается новых знаний. Скоро поручим ему лекции на первых курсах.

— Я счастлив, — без особой радости буркнул рыжий, но под суровым взглядом декана быстро сник и, пробормотав что-то невразумительное, ретировался.

— Может, и зря, — серьезно кивнул я. — Тем более что за время моего отсутствия Академия изменилась, а я остался прежним.

Сулшерат проследил за тем, как за Кеорном закрывается дверь, и грустно вздохнул:

— Ты неправ, мой мальчик. Все мы изменились. И ты в том числе.

— Разве?

Я почти не испытал интереса, спросил чисто из вежливости. Магистр это понял и с ответом не торопился, задумчиво поглядывая на меня из-за краешка какого-то свитка. Он был исписан мелким косым почерком. Этот почерк, казалось, был мне знаком, но я не придал этому особого значения: на последних курсах конспекты любого студента ходили по рукам, и я изучил не только обычную вязь слов, но и рунную, и эльфийскую, и даже гномью. Хотя считалось, что гномы скорее повыдирают себе бороды, чем поделаются хотя бы одним секретом.

— Я помню тебя светлым, легкомысленным мальчиком с удивительными глазами, — медленно сказал Сулшерат, когда я начал прикидывать, сколько накладных усов могли продать гномы после того, как горцы сдали людям принципы выковки "аршесоны". Пришлось выкинуть эти мысли из головы и вежливо прислушаться. — Глазами настоящего некроманта. А теперь вижу человека, на котором оставил отметину потусторонний мир. Скажи мне, Хастраи, сколько Круговых ритуалов ты провел после того, как покинул Тальтару?

Я растерялся. Ответ вертелся на языке, но я не давал ему прозвучать вслух. Потому что декан за такое по головке не погладит — наоборот, устроит что-нибудь веселое с призыванием души столь же буйного мага, который расскажет мне, как нехорошо постоянно вмешиваться в мир духов и переходов. И приведет в пример собственную нелепую смерть. Мне останется только болезненно морщиться и отнекиваться, пока Сулшерату не надоест — или пока он не придумает что-то поостроумнее.

Сколько ритуалов... Много. Очень много. Причем из них большинство — не по делу, а чисто из интереса. Потусторонние сущности нравились мне. До такой степени, что ради общения с ними я готов был рискнуть всем, благо меня ничего никогда нигде не держало. А селян вряд ли испугает труп некроманта, красочно разлегшийся на выжженной в земле пентаграмме. Скорее, наоборот, заинтересует: можно безнаказанно ограбить колдуна. Деньги оставить при себе, а магические штучки выгодно продать, кто потом что докажет?

Сулшерат укоризненно молчал. Как по мне, зря он это. Отметина, оставленная миром духов — это вовсе не конец света. Это всего лишь показатель, что ты званый гость не только среди живых.

Поэтому я не расстроился и поспешил направить тему в нужное мне русло.

— Учитель, почему в этом году на факультете нет учеников?

Пальцы Сулшерата замерли, прекратив теревить свиток. Магистр по-прежнему смотрел на меня спокойно, только по лицу проскользнула мимолетная тень. И я не был уверен, что правильно угадал эмоцию.

— Некромантов всегда было мало, — осторожно сказал он. — Ты ведь знаешь об этом.

— Мало, — согласился я. — Но разве раньше бывали случаи, чтобы вообще никого не находили? Я ничего такого не слышал. Помните, вы любили рассказывать нам о своих предыдущих учениках — и между упомянутыми вами курсами никогда не было прорехи в целый год.

Сулшерат отложил свиток в сторону и сложил ладони. Его длинные сухощавые пальцы, унизанные перстнями, едва заметно задрожали.

Мне стало не по себе. Неужели магистр боится ответа? Или вопроса? Что такого могло произойти? Чтобы как-то сгладить неловкое молчание, я отхлебнул из чашки. Напиток был едва теплым и терпким. Я одобрительно хмыкнул и взялся пить всерьез, поглядывая на декана из-за краешка чашки.

Долго молчать он не смог.

— Видишь ли, Хастрайн... Сейчас я должен сказать, что ты суешь нос не в свое дело...

— Должен? — мигом отыскал ключевое слово я.

— Да, — задумчиво сказал Сулшерат. — Но я этого не скажу. При условии, что все, сказанное мной, услышат только твои уши.

— Вы оказываете мне честь. — Я старательно скрывал торжество. Магистр всегда отличался болтливостью, а в присутствии любимых учеников эта болтливость переходила всякие границы.

Он разомкнул пальцы, потерев манжет на рукаве мантии.

— Я надеюсь, ты сделаешь правильные выводы. То, что я тебе сейчас расскажу, имеет... э-э-э... некую многогранность... — Сулшерат нахмурился, и на его лице появилось очень знакомое мне выражение. Такое часто бывало на лекциях, когда магистр отходил от основной темы и пытался привести нам пример из жизни, лихорадочно, наспех подбирая слова. Вроде они и вертятся на языке целыми стаями, но выбрать окончательный вариант никак не получается.

Я молчал, вопросительно изогнув бровь. Обычно людей это нервировало, но декан знал все мои привычки, как облупленные, и продолжал воспринимать как своего ученика, которого можно не воспринимать всерьез. Можно, но не желательно. В любом случае, на мой взгляд он не обратил никакого внимания, и еще несколько минут пришлось скучать в ожидании рассказа.

Наконец он решился, вздохнул и сказал:

— Некромантов уничтожают. Если у маленького ребенка пробуждается темный дар, он обречен. Мы не можем обжаловать или устранить этот закон — королева считает, что некрманты опасны и грозят спокойствию в Велиссии. Поэтому мы в безопасности только здесь, в Академии. Еще, может быть, в Аль-Нейтской Башне, потому что глава Гильдии прекрасно знает, насколько ценны дети с некротическим даром.

— У нее крыша, что ли, съехала?! — возмутился я. Хотел разразиться сквернословной тирадой в адрес Ее Величества, но Сулшерат успокаивающе приподнял руки.

— Тихо. Пожалуйста. — Он дождался моего кивка. — Ты совершенно прав, крыша съехала. Но не у королевы, а у ее советника, который тесно контактирует с воинами Альна. Они окончательно обезумели, Хастрайн. Нашли какие-то древние свитки с предсказанием,

что однажды некромантия погубит мир, и растрезвонили об этом повсюду, где только смогли. Не пройдет и месяца, как они начнут охотиться и на дипломированных магов, чтобы уничтожить темный дар, так сказать, с корнями. Поэтому ты должен остаться здесь. Это в твоих интересах, если ты хочешь жить.

Воины Альна... у меня в голове помутилось, возмущение выжгло какое-то холодное, очень неприятное чувство. Сначала повелители ветров, теперь мы. Здорово. Глядишь, скоро они и обычных магов в чем-нибудь обвинят. А потом вообще возродят инквизицию, и все снова будут жить в постоянном страхе.

Наверное, в моем лице что-то переменялось, потому что Сулшерат забеспокоился и позвал:

— Хастрайн?

— Да? — опомнился я, встряхиваясь. На правый глаз упала прядь волос, показавшаяся мне совершенно белой.

— Что с тобой, мой мальчик? — осторожно спросил декан.

Я задумался. Ответить я мог только одно: я не в порядке. В голове медленно заворочалась еще не до конца оформленная, но уже настойчивая идея. Оарну она бы понравилась, а вот магистру — вряд ли.

Но больше спросить было не у кого. Я поставил чашку на стол, повел плечами — мол, все нормально, не волнуйтесь, — и нарочито небрежно поинтересовался:

— Скажите, учитель, что вам известно о повелителях ветров?

Сулшерат удивленно на меня воззрился. Настолько удивленно, что я почувствовал себя тем жрецом Ордена Виноградной Лозы, который предрек королеве смерть от удара молнией, пообещал, что весь мир провалится в пасть к духу-пожирателю снов, а потом быстренько смылся, пока никто не опомнился и не заставил его поговорить с профессиональным прорицателем.

— Мне просто интересно, — соврал я, вдохновленный долгим молчанием. — Мы ведь, выходит, теперь в одной упряжке с ними.

Сулшерат смерил меня чуть насмешливым взглядом своих голубых глаз. И я понял: он прекрасно знает, что я его обманываю. Но краснеть, извиняться и по примеру вышеупомянутого жреца сваливать я не захотел, а магистр почему-то решил поддержать мою игру.

— Я знаю о них совсем немного, — сказал он, бросая взгляд на окно. — Но мои сведения очень отличаются от тех, что предоставили воины Альна. Повелители ветров — это не сверхсущества, которые развалят наш мир. Это обычные люди с необычным магическим даром. Они появляются тогда, когда равновесию наших Врат грозит опасность, и делают все, чтобы ее устранить. Такое случается редко. Насколько я знаю, в последний раз повелители появлялись триста восемьдесят лет назад, во время того... случая... со Старым Герцогством.

Я кивнул, показывая, что понял. О Старом Герцогстве слышали все, более того — об этой истории даже баллады написали. Дескать, сын герцога украл драконье яйцо, а когда из него вылутился драконьш, испугался. Но возвращать "родителям" не стал, а посадил в клетку и поставил ее в центральном поселке герцогства. Над драконьшем насмехались, издевались и восхищались храбростью герцогской семьи. Торжество слабых над сильным продлилось около недели, а потом ящер вырвался на свободу — и его убили. Слишком много людей было вокруг, и маленький страж небес так и не смог впервые в своей жизни взлететь.

Взрослые драконы чувствуют смерть своих детей. Не прошло и часа, как два оэлтага

сожгли Старое Герцогство дотла и навсегда его прокляли. До сих пор эти земли оставались черными и безлюдными. Если там и были повелители ветров, то явно на стороне драконов, а не людей.

— Если это так, почему вы не сказали воинам Альна правду? Может, они пересмотрели бы свое мнение.

Сулшерат досадливо скривился:

— С этими фанатиками бессмысленно разговаривать. Я пытался добиться аудиенции у королевы, но она не стала меня слушать. Ее советник сказал, что я рассказываю о повелителях только потому, что мне это выгодно. Посчитал, что я хочу переманить их на сторону магов, чтобы увеличить нашу силу. И заявил, что не допустит вмешательства Академии в дела королевства, после чего посоветовал мне уйти.

— И вы ушли? — уточнил я.

— Не сразу, — честно признался магистр. — Я успел поговорить с некоторыми своими знакомыми. Быть может, они смогут как-то повлиять на ситуацию.

Я промолчал, приблизительно зная, о каких знакомых речь. Сулшерат, сам не слишком уравновешенный и понятный, нормальных людей к себе не притягивал, а потому его друзьями были такие же психи, как и он сам. Когда наш выпуск представляли королеве, к магистру подходил его старый знакомый. Не помню, как его звали, но один его внешний вид — темно-красная мантия, длинные седые волосы, немного раскосые глаза — уже отчетливо говорил о душевном сходстве с Сулшератом. Если именно об этом знакомом речь, то в хороший исход дела можно уже не верить.

Я встал, улыбнулся и протянул магистру руку. Он пожал ее, и ладонь на мгновение онемела: в перстнях декана пряталась магия.

— Спасибо, учитель, вы мне очень помогли, — сказал я. — До свидания.

Сулшерат не стал задавать глупых вопросов вроде: "Ты не останешься?", "Ты не боишься, что тебя убьют?". Он просто помолчал, кивнул головой и, когда я уже дошел до двери, окликнул:

— Хастрайн!

Я обернулся.

— Что?

— Будь осторожен.

За то время, что я провел в Академии, количество людей на улицах успело сократиться по меньшей мере наполовину. Так было проще: меньше косых взглядов, никаких случайных наступаний на ногу, да и о воришках тоже можно было не беспокоиться. Было. Потому что я очень даже беспокоился, когда свернул в кольцевые переулки, сходящиеся у таверны-логова гильдии воров.

Об этом месте знал каждый горожанин, и каждый горожанин старательно его обходил. Воры не любили, когда на их территории появлялись чужаки. Но если эти чужаки приходили по делу, за которое обещали хорошо заплатить, их принимали с распростертыми объятиями.

Вот как меня. Когда я подошел к маленькой, отделанной мелкими белыми камнями таверне, вышибала подозрительно сощурился, окинул взглядом подступающие к логову дома и нарочито грубо поинтересовался:

— Ты кто такой? Зачем приперся?

— Хочу поговорить с Крысом.

— А-а-а... — Вышибала огорченно поджал губы, но поспешил меня пропустить. — Тогда удачной сделки вам, господин.

Я вежливо поблагодарил и толкнул дверь. Она открылась тихо, но я все равно мгновенно завладел вниманием "посетителей". Один мужик, сидевший справа от меня, недвусмысленно вытащил из-за пояса ятаган, но я и бровью не повел.

Места в зале было много: обычно народ собирался к ночи. Те восемь человек, которые присутствовали, провели меня недобрыми взглядами. Я подошел к первому свободному столу, сел и поманил пальцем замершую у стойки разносчицу.

— Мне жаренную крысу, пожалуйста, — вежливо попросил я, делая вид, что не знаю, что означает произнесенная мной фраза.

— Ой, — облегченно улыбнулась разносчица, — Так вы не... — Она запнулась и махнула рукой: — Идемте, я провожу.

Я лениво поднялся, зыркнул на мужика с ятаганом и направился к девушке. Она поправила выбившуюся из-под повязки прядь волос, снова улыбнулась и повела меня к лестнице.

Крыс жил, ни в чем себе не отказывая: второй этаж сплошь устлала дорогие ковры. На стенах было так много картин, что начинало рябить в глазах, а по потолку вилась сложная золотистая резьба. Люстра представляла собой целую композицию из трех кругов, которые соединяла между собой блестящая синяя нить. Свечи, светло-желтые и тонкие, сейчас не горели: свет лился из распахнутых окон, которые я поначалу тоже принял за картины. Пожалуй, узнать их можно было только по легким голубым занавескам.

Повсюду стояла мебель. Несколько шкафов с посудой, мягкий диванчик, россыпь кресел, пуфиков и подушек. Я сел на диван, едва не утонув в его мягкой обивке, и благодушно проследил за тем, как девушка удаляется по коридору. Он был не менее роскошным, чем зал, но мне почему-то подумалось, что комната Крыса выглядит совсем иначе. А показная роскошь зала и коридора рассчитана на дураков, которые пользуются услугами воров впервые. Первое впечатление очень важно.

Разносчица вернулась быстро, пообещала, что "господин сейчас придет" и побежала по лестнице вниз. Я посмотрел ей вслед, задумчиво хмыкнул и попытался заинтересоваться картинами. Как назло, на них были исключительно пейзажи и натюрморты — то есть как раз то, чего мне и в жизни хватало. Я вполне мог показать художникам-пейзажистам такие места, от которых по-настоящему захватывает дух — вопрос только в том, отважатся ли они туда пойти. Ведь одно дело — спокойно рисовать берега рек, просторы степей или лесные опушки, и совсем другое — видеть камень-алтарь в самом сердце Леса Духов, или сидеть на плоском камне в центре русалочьего озера, или... я мечтательно улыбнулся. Не раз представлял себя художником, иногда даже всерьез пытался рисовать — но талант у меня отсутствовал напрочь. А как было бы здорово...

Низенькая толстая фигура Крыса показалась в конце коридора, и я тут же уделил ему все свое внимание. За главой Гильдии водилась плохая привычка незаметно обворовывать своих клиентов и возвращать украденное при прощании, — так сказать, наглядная демонстрация "чистой работы". Когда я обращался к Крысу в первый раз, он умудрился стащить у меня агшел. Снова позволять ему себя обокрасть я не собирался, а потому торопливо прочитал простенькое, но действенное заклинание поверхностного щита.

Когда Крыс вышел на свет, я с трудом сдержался, чтобы не присвистнуть. За то время, что я его не видел, мужчина окончательно облысел, и это поразило меня даже больше, чем

отсутствие при нем оружия. Глава Гильдии кивнул мне, сел в кресло напротив и уставился на меня цепким взглядом ореховых глаз.

— Здравствуй, Хастрайн, — сказал он. — С чем пожаловал?

— И тебе не болеть, — улыбнулся я. — Мне нужен вор, у которого есть магические отмычки. Я хорошо заплачу.

Если Крыс и удивился, то как-то странно, не по-человечески. Прошло около минуты, прежде чем с его лица наконец сползла холодная, отчужденная маска, и он неловко пошутил:

— Ты собираешься обокрасть родную Академию?

— Нет, — покачал головой я. — Воинов Альна.

Крыс призадумался. Почесал подбородок, провел ладонью по щеке. Сощурился. По его лицу было видно, как одна мысль сменяет другую: вот он хмурится, а вот — морщинки у уголков глаз разглаживаются, и в них появляется вежливая заинтересованность.

— Кого ты хочешь у них украсть?

— Человека. На ее запястьях наверняка будут раклеры.

— Я начинаю догадываться, о ком идет речь, — спокойно кивнул Крыс. И, с минуту помолчав, продолжил: — Что ж, я думаю, тебе подойдет кандидатура Альбиноса. Парень молод, немного вспыльчив, но он — настоящий виртуоз. Тебе придется остаться до вечера.

— Хорошо, — легко согласился я. — Какова цена?

— Четырех золотых монет будет достаточно.

ГЛАВА 4,

в которой я договариваюсь с вором

За что я люблю Крыса, так это за то, что он совершенно не похож на главу Гильдии Убийц. Тот недостаточно опытен, а потому нервничает и сомневается по любому поводу. Крыс же — бывалый вор, который умудряется сохранять спокойствие в любой ситуации. Иногда мне кажется, что когда его убьют (а я почему-то твердо уверен, что смерть мужчины произойдет не по воле природы, а по воле клинка), он спокойно посмотрит на торчащую из груди рукоять и скажет что-то вроде: "Довольно изящная работа. Вы настоящий знаток своего дела". Представляю себе лицо убийцы после этих слов. Наверняка он раскается и побежит за лекарем, попросив свою жертву немного потерпеть.

Вот и сегодня Крыс оправдал все мои ожидания. Он не задавал лишних вопросов, не говорил, что спасать девушку-"повелительницу" бессмысленно, не нудел о том, что воины Альна не спустят мне это с рук. Он просто назвал имя и цену. Ему было все равно, что произойдет потом — Крыс знал, что я выполню свою часть работы, и готов был гарантировать такое же отношение со стороны своего вора.

Я сидел в зале таверны, лениво копаясь в каше с мясом. Есть мне не хотелось, но надо же было чем-то занять время. Посетителей заметно прибавилось, и на меня перестали обращать внимание. Люди обсуждали свои дела, перекидывались профессиональными фразами, пили пиво, принимали заказы. Уже через полчаса я мог выдать городской страже с десяток разыскиваемых преступников, но... но стража мне никогда не нравилась, а жизнь воров была вовсе не лишена романтики.

У людей из Гильдии очень интересный склад ума. Они должны уметь решать

множество задач, получая описание предмета, который надо украсть, и места, в котором он находится. И для этого нужны не только профессионализм и сообразительность, но и фантазия. У ребят Крыса ее было хоть отбавляй, и проявлялась она не только в рабочее время: вокруг сидело, стояло и ходило столько интересных личностей, что я, маг, некромант, знаток потустороннего мира, чувствовал себя чрезвычайно скучным существом.

У стойки, закинув ногу на ногу, сидела девушка с ровными русыми волосами. На ее голове гордо возвышалась маленькая мышь. Девушка то и дело ссаживала ее на плечо, но мышь отличалась завидным упрямством и раз за разом снова взбиралась на голову, устраивая себе пышное гнездо в чудесных хозяйских волосах.

За столом в углу пили пиво трое парней, одетых в темную, неприметную одежду. Один из них мелкими щипцами копался в горстке драгоценных камней, другой равнодушно наблюдал за этим занятием, а третий так нежно прижимал к себе гитару, что я сразу понял: передо мной поэт.

За центральным столом собралась тихая компания, сосредоточенно уминающая всю еду, находящуюся поблизости. В прямом смысле. То есть если рядом проходил кто-то с тарелкой, он рисковал лишиться своего ужина раз и навсегда. Возмутиться пока никто не решился, но я был уверен, что это дело времени. Рано или поздно ребят угораздит отобрать еду у какого-нибудь бугая, и тогда пиши пропало.

Я перевел скучающий взгляд на кашу. Ее количество не уменьшилось, и я в который раз проклял себя за то, что вообще ее заказал.

Мимо прошла разносчица. За ней протянулся тонкий шлейф жутко приторных духов, и я страдальчески поморщился. Вот уж не люблю таких женщин! Выльют на себя полведра какой-нибудь дряни и ходят, думая, что превосходно пахнут. И даже не догадываются, что некоторые личности вроде меня страстно жаждут их задушить...

Я окинул взглядом зал и задержал его на открывшейся двери. В таверну заглянул парень лет семнадцати, с заплетенными в тонкую косу белыми волосами. Совсем белыми. Но не седыми, а цвета первого снега, когда лохматые хлопья кружатся в воздухе, выводя свой замысловатый танец. Парень закрыл дверь, оглянулся, и я увидел, что глаза у него красные.

Я нахмурился. Это и есть "подходящая кандидатура"? Крысу, конечно, виднее, но как-то этот парень маловат для виртуоза...

Альбинос меня заметил, кивнул и быстро подошел к моему столу. Сел. Смерил меня рассеянным взглядом, и мне показалось, что в его красных глазах плещется целое море усталости. Он даже взгляд толком сосредоточить не мог — смотрел то на мою переносицу, то в глаза, то вообще на нос.

Я ожидал услышать слабый, может, даже писклявый голос, поэтому вздрогнул, когда парень заговорил. Размеренно, спокойно — и басом.

— Крыс всегда дает исчерпывающие характеристики.

— Вот как? — растерянно отозвался я, и мне стало стыдно за свой хриловатый баритон.

— Когда я спросил, как ты выглядишь, он ответил, что я без труда найду тебя по глазам, — пожал плечами Альбинос. — И оказался прав.

Я улыбнулся. Все верно. Мои глаза — моя гордость. Они не спешат выцветать, не светлеют и не темнеют, они всегда ядовито-зеленые, и это очень хорошо заметно на моем бледном лице. Сулшерат говорил, что уже только по этому цвету можно узнать некроманта. Но я до сих пор не нашел подтверждений этим словам: у всех моих сокурсников глаза были

не зеленые. И у самого магистра тоже.

— Что ж, — продолжил вор, поняв, что не дождется ответа. — Оплата меня устраивает. Только немного интересно... позволишь задать тебе вопрос?

— Задавай, — благосклонно согласился я.

— Зачем тебе эта девчонка?

Я задумался. Как объяснить не обремененному совестью человеку, что я просто хочу добиться правды? Неважно, сколько она стоит. Главное, чтобы она была. И не маленькими кусочками, а целиком.

— Нужна, — туманно ответил я, не собираясь вдаваться в подробности. Если уж я сам считал свое решение глупым, то что может сказать наемник?

— Понятно. — Альбинос пожал плечами, показывая, что все как раз наоборот. — Хорошо. Когда ты собираешься лезть в инквизиторские застенки?

— Я не собираюсь.

Парень с недоумением приподнял брови. Он так удивился, что даже смог сфокусировать на мне взгляд. Я усмехнулся и пояснил:

— Послезавтра ее повезут в Эскарат, в закрытом экипаже, который поедет по старой дороге. Вдоль кладбищ то есть. Он свернет на тракт только на третьем часу пути. То есть, не свернет.

Альбинос понимающе кивнул.

— Тогда встретимся здесь на рассвете перед делом, — сказал он.

— Хорошо, — согласился я. — И еще. У меня будет к тебе просьба.

— Какая?

— Выспись.

К предстоящей работе я подготовился основательно. Поторопил гнома, у которого заказывал сапоги, забрал у травника уже готовые отвары и пообещал прийти за остальными завтра. Травник вежливо, но непреклонно отметил, что четыре отвара из требуемых приготовить не успеет, и сбил с меня несколько медяков за зря потраченные запасы. Я для вида поворчал, но с мелочью расстался. В лавку торговца я вернулся все еще слегка в образе, и Оарн заметно забеспокоился. Он, как и Кеорн, прекрасно знал, что мое странное поведение обостряется только в двух случаях: когда мне очень скучно и когда я задумал какую-нибудь гадость. На скучающего человека я, видимо, не походил, потому что торговец так яростно пытался вытрясти из меня правду, что в запале пообещал мне два меча, бердыш, клинок любой выковки, дорогой шатаведский арбалет с комплектом серебряных болтов и еще много чего, лишь бы я поделился с ним своими планами.

От всего предложенного (в том числе и разговора по душам) я вежливо отказался и попросил Оарна провести меня в сарай. Там у него было нечто вроде ванной комнаты, и, если бы не нагромождение дров в углу и разбросанный по полу хлам, сарай можно было бы назвать небольшим домиком. Большую его часть занимала самая настоящая ванна, за комплект ритуальных стилетов выдуренная у гномов. Торговец заслуженно гордился ею и ехидно посмеивался над горожанами, у которых можно было найти разве что бадью. К сожалению, ванна от бадьи отличалась только формой, размером и внешним видом, поэтому следующие полчаса мы усердно таскались с ведрами. В ходе работы Оарн все-таки выдурил у меня обещание все объяснить, после чего был жестоко вытолкан из сарая и отправился обратно в дом, на ходу бурча что-то не слишком лестное в мой адрес.

Я хотел запрыгнуть в воду, как в придорожное озеро — с разбегу и с диким воплем, но побоялся, что ванна перекинется, поэтому забрался осторожно и неторопливо. Холодная вода сначала неприятно обожгла кожу, а потом показалась мне божьим благословением. Я закрыл глаза, с ужасом обнаружил под веками все ту же липкую белую муть и распахнул их пошире, с трудом удержавшись от соблазна подпереть парой щепок.

Это что же такого случилось, что потусторонний мир стал так нагло влезать в мои сны? По спине поползли медленные мурашки, переставляющие лапки только из чувства долга. Я повел плечами, и они как будто растворились, растаяли. Нехорошее подозрение, что сны связаны с происходящим в королевстве беспределом, я попытался прогнать. Не получилось. Духи любили вмешиваться в мир живых, и все, вплоть до поведения Ее Величества и глупости воинов Альна, вполне могло оказаться делом их призрачных рук.

В мире было только одно существо, которое могло сказать что-то определенное на этот счет. Но поговорить с ним в городе я не мог. Некромантию ограничивали и без вмешательства воинов, и существовал ряд законов, нарушение которых грозило проведением трех-четырех дней в подвалах под ратушей. Например, запрещалось вызывать духов в крупных городах, не поощрялось поднятие двухуровневых зомби на расстоянии меньше мили от городских стен, не позволялось ходить по улицам без диплома в кармане. Если кто-то из горожан просил помочь с изгнанием домовичка или духа-вредителя, об этом следовало докладывать начальнику городской стражи. И это был еще один повод, из-за которого я так любил скитаться по трактам. Там никто не ограничивал мои права, более того — в моем присутствии часто нуждались. И не так важно, что после того, как я забирал оплату, приходилось уезжать. Главное — можно было использовать дар в любой момент, когда заблагорассудится, без всяких дурацких запретов.

В сарае я провел часа два, а то и больше. Там было тихо, спокойно и пусто, достаточно пусто для того, чтобы ни о чем не беспокоиться. Возвращаться в лавку совсем не хотелось, но я справедливо рассудил, что в случае побега Оарн меня не простит. Городской страже, конечно, не сдаст, но, если я вернусь, у него появится отличный способ толкать меня на разного рода авантюры.

В заставленной товарами части дома было уже темно. Я протянул вперед руку, прошел до шторы и осторожно поднялся вверх по лестнице. Толкнул дверь. В жилой комнате ярко горел дорогой магический огонек — такие продавали в храмах, выдавая за проявление божественной силы в нашем мире. Меня это, надо сказать, забавляло. Храмовники считали магический дар чем-то вроде изъяна, который изменяет человека (и даже делает его похожим на демона) отнюдь не в лучшую сторону. Но они как-то упускали из виду тот факт, что любой маг способен бесплатно сотворить точно такое же "проявление божественной силы" и с дьявольским смехом разнести храмовую теорию о Богах в пух и прах.

Оарн сидел на лежаке, считая разбросанные по покрывалу золотые монеты. Я прикинул, сколько мне понадобится времени, чтобы заработать столько же — вывод получился неутешительный. Отвлекать торговца от его занятия я не стал и сделал вид, что не заметил, как его брови съехались к переносице. Я лег на кровать, попробовал закрыть глаза, но уже знакомая белая муть отбила всякое желание спать.

Прошло около десяти минут, пока Оарн досчитал, довольно хмыкнул и ссыпал деньги в мешочек с золотой вышивкой. После этого он обратил на меня грозный взгляд. Ну, почти на меня. Мои босые ноги никак не отреагировали на проявленное к ним внимание, и торговцу пришлось кашлянуть, привлекая непосредственно мое.

— Да? — обреченно поинтересовался я. Чего греха таить, я надеялся, что Оарн забудет о предстоящем разговоре и не станет меня трогать, но с тем же успехом можно было рисовать гексаграмму под грозовой тучей и верить, что молнию она не привлечет.

— Что "да"? — недовольно буркнул торговец. — Хорош строить из себя молчаливого героя, Хастрайн! Давай рассказывай, что за мысль зародилась в твоей больной голове!

Нет, ну и этот туда же! Я оскорбленно фыркнул, коснулся пальцами ровной пряди волос. Потом тихо и очень спокойно сказал:

— Во-первых, я не считаю себя героем. Ни обычным, ни большим — и от тех, и от других слишком много проблем. Во-вторых, я попросил бы вас, — я старательно выделил последнее слово, — Не разговаривать со мной в таком тоне, потому что это отбивает всякое желание продолжать разговор.

— Пфе, — хохотнул Оарн. — Слушай, не хочу тебя обидеть, но ты ведешь себя, как ребенок. Только не нормальный ребенок, а такой... как из дома на улице Весны, что ли. Помнишь его?

Помню, мрачно подумал я. Фраза "Да чтоб тебя в дом на улице Весны сдали!" была едва ли не самым страшным оскорблением для жителя Тальтары. В этом доме содержали сирот, работать с которыми было попросту невозможно. У каждого ребенка был такой сдвиг в мозгах, что, пребывая там, возникало жгучее желание нарушить городской закон и телепортироваться куда подальше. Я был в доме на улице Весны всего один раз, в конце третьего курса, когда меня попросили изгнать каграса. Этого духа привлекала агрессия, и в приюте сирот он достиг таких размеров, что двигался с большим трудом. Изгнать его было несложно, но с тех пор я обходил улицу Весны десятой дорогой, слишком хорошо помня как духа, так и странные детские взгляды. Вроде и спокойные, бесстрастные, но почему-то угрожающие. Эти взгляды вызывали желание броситься прочь, но я этого сделать не мог — отчасти из-за ценной практики (нечасто приходится изгонять каграсов размером со шкаф!), а отчасти из-за профессиональной гордости (я же некромант! Неужели меня смогут испугать какие-то дети?!)

И вот теперь — меня сравнивают с этими маленькими странными существами. Да еще кто! Друг! Я всерьез подумывал на него обидеться и вообще ничего не рассказать, но это подорвало бы мой и без того сомнительный авторитет еще больше. Поэтому я только скептически приподнял бровь, не став торопиться с ответом.

— Ладно, извини, — пробормотал Оарн, отводя взгляд. — Но ты правда как ребенок. Пусть не такой скрытный, как те, но все равно черт знает, чего от тебя ожидать! У тебя же мысли меняются со скоростью стрекоз, а предупреждать об этом ты никогда не считаешь нужным.

— Я вытащу девчонку, — равнодушно сообщил я, пропустив возмущенную речь торговца мимо ушей. Так равнодушно, что сам поразился безжизненности собственного голоса. Оарн тоже смолк, растерянно хлопнул глазами и спросил:

— Что ты сделаешь, прости?

— Ты слышал.

— Слышал, просто... о Боги, да зачем тебе это надо?!

— Оарн, тебя не поймешь, — честно сказал я, переводя взгляд с друга на потолок. — То ты считаешь, что девчонке надо помочь, потому что она ни в чем не виновата. То бесишься, потому что это рискованно. Определись, что ли. И не беспокойся, я же не прошу тебя мне помогать.

— А зря, — рассеянно пробормотал торговец. — Моя помощь может тебе пригодиться. Спорить с этим было бессмысленно. Но я не мог промолчать и напомнил:

— Если ты тоже ввяжешься в это дело, то от твоей репутации ничего не останется. Городская стража и воины Альна ее растопчут и не заметят. А мне терять нечего, — Я иронично улыбнулся. — Мое имя и приметы знает совсем немного людей. И ни один из них, я уверен, меня не выдаст.

— Конечно, нет. Но...

— Слушай, заткнись, — попросил я. — Я не собираюсь менять свое решение. В Велиссии происходит что-то странное. Я хочу понять, что. Может, отсюда надо побыстрее сваливать, а я об этом еще не догадываюсь?

— Ты дурак, Хастрейн, — тоскливо сказал Оарн и сел на край лежака. — То есть... Если честно, я рад, что ты собираешься помочь этой девчонке. Но когда я тебе о ней рассказывал, я был уверен, что ты и пальцем не шевельнешь. И ты оправдал мои ожидания. Сначала. Что изменилось теперь?

Я задумался. Обещание, данное магистру, нарушать не хотелось. Поэтому я ограничился туманным:

— Воины Альна охотятся не только за повелителями ветров.

— А за кем еще?

— Думаю, ты скоро сам об этом узнаешь. Да и не только ты.

Оарн лег, поворочался, устраиваясь удобнее, и стукнул кулаком подушку. Я этого не видел, но звук был до того характерный, что я с трудом подавил приступ смеха.

Торговцу моя затея казалась опасной и сложной. Я же был уверен в том, что все сложится наилучшим образом. Эта уверенность появилась неожиданно и не подкреплялась ничем, но росла с каждой минутой. Я же некромант, черт возьми! Мне же постоянно везет. Почти постоянно...

ГЛАВА 5,

в которой я исполняю задуманное

Весь следующий день прошел в тумане жуткой усталости. Уснуть мне так и не удалось, и, хотя до этого не раз приходилось не спать сутками, я почему-то чувствовал себя совершенно разбитым. Особенно меня донимала головная боль, тупо пульсирующая в висках и безжалостно едущая по ушам. Левое, обремененное серьгой-амулетом в форме заключенной в круг гексаграммы, чувствовало себя особенно тоскливо.

Видимо, мой внешний вид соответствовал состоянию, потому что ни гном, ни травник не предъявили мне никаких претензий за спешку. Первый с гордостью отрекомендовал мне мои новые сапоги: черные, сшитые из плотного чешуйчатого материала (вот уж не знал, что гномы увлеклись охотой на василисков!), на высокой шнуровке, они действительно заслуживали установленной мастером цены. Второй долго ворчал, что кости летучих мышей и порошок инсидианы ныне очень дорого стоят, но, наткнувшись на ледяное равнодушие с моей стороны, смолк и помог мне рассортировать отвары по внутренним кармашкам сумки.

Можно было унять боль с помощью магии, но потом за это все равно пришлось бы расплачиваться. Поэтому я стоически терпел. В лавку Оарна я вернулся быстро и сразу же завалился спать, наплевав как на лезущий в мои сны потусторонний мир, так и на повторный

поход в Академию. Да, было бы не лишним попроситься с Сулшератом и Кеорном, но наутро мне нужна была свежая голова. Ничего, я все равно уверен, что они меня простят — слишком редко видят для того, чтобы долго сердиться.

Удивительно, но снов я не почти не видел. Только раз возникло чувство, что я куда-то иду, да еще то и дело появлялся до боли знакомый напев. Он то затихал, то становился громче, и проснулся я, когда прозвучала особенно высокая нота. Головную боль как рукой сняло, так что я с наслаждением потянулся, потрогал пострадавшее вчера ухо и, убедившись в его наличии, наклонился за сапогами.

Оарн спал, свесив голову с лежака, и так раскатисто храпел, что я удивился, как меня это сразу не разбудило. Справившись со шнуровкой, я аккуратно застелил кровать, прикрепил к поясу ножны с агшелом и перекинул через плечо ремешок сумки. Таскать меч сейчас не хотелось, и я решил, что окончательно разберусь с собой уже в таверне.

Друга я решил не будить, а потому взял с тумбочки у кровати чернильницу и перо, а в сумке нашарил потрепанный обрывок дешевого желтого пергамента. На мгновение задумался, а потом быстро написал: "Большое спасибо за гостеприимство. Когда буду в городе в следующий раз, непременно зайду к тебе. Следи за новостями. Хастраи́н".

Записку я оставил на видном месте, то есть на подушке. Потом, окинув комнату прощальным взглядом и задержав его на резной спинке кровати, я тихо проскользнул за дверь, сбежал вниз по лестнице и покинул лавку.

На улицах было еще темно, хотя Дайра успела померкнуть и начать медленный спуск к краю земли. Небо завесилось редкими клочками облаков. Крыши домов и тонкие шпили храмов казались тенями из другого мира. Я шел почти бесшумно, стараясь не тревожить эти тени и твердо зная, что вся их нынешняя таинственность исчезнет вместе с рассветом.

Ночь — интересное время. Не потому, что она кого-то там меняет, и не потому, что мысли принимают совсем другой облик. Просто ночь — это время, когда наш мир ближе всего к потустороннему. Когда полог между мирами настолько тонок, что его можно разрушить одним прикосновением — и так же легко вернуть на место.

Среди магов очень популярны легенды о ночных существах. Не о вампирах, которые так волнуют большинство порядочных граждан Велиссии, а о тех загадочных, неизвестных, странных... не знаю, как их назвать. Они не духи и не нежить, а словно часть темноты, причем та часть, без которой ночь потеряет все свое очарование. Сулшерат считал, что эти существа напрямую зависят от каждого из нас. "Только ты один можешь решать, что прячется во тьме за твоей спиной, — говорил он, нравоучительно поднимая палец. — Ты и твоё воображение. Темноты не боятся только серые люди, у которых нет ни одного огонька".

Как по мне, в этом магистр был прав. Огоньки — человеческая душа — очень быстро реагируют на разлитую в воздухе энергию, даже если человек не является магом. А существа ночи, хоть и появляются из ниоткуда и исчезают в никуда, все-таки оставляют после себя магический отпечаток. Так что страх, который люди испытывают в темноте — абсолютно нормальное явление.

Я прошел через кольцевые переулки и вышел к таверне. Сквозь окна, несмотря на раннее время, пробивался тусклый свет. Видно, хозяин решил поэкономить до лучших времен и зажег обычные свечи. Вышибала отсутствовал, так что я беспрепятственно поднялся на порог и открыл дверь.

Пустота общего зала несколько меня поразила. Не было ни одного посетителя, хотя на столах все еще красовалась посуда и стояли свечные огарки — судя по всему, господа воры

разошлись спать совсем недавно. Я тупо посмотрел на едва тлеющие угли в камине, обвел взглядом стойку и вздрогнул, услышав:

— Эй, зеленоглазый!

Я мысленно обозвал себя идиотом. Совсем забыл, как в подобных заведениях приветствуют незваных гостей — стреляют из угла, пока те тупо пялятся на пустые столы. Какой же привлекательной мишенью я был, а? Даже удивительно, что Альбинос не сделал какой-нибудь пакости.

Вор выбрал очень удачное место — спиной к стене. С его позиции открывался обзор на весь зал, коий Альбинос, впрочем, созерцать не спешил. Все его внимание безраздельно досталось мне, и на этот раз взгляд очень даже сфокусировался. Значит, парень внял моей просьбе и отдохнул. Замечательно.

Я сел напротив него, потер виски и спросил:

— Ты готов?

— Да. На всякий случай я подобрал два комплекта отмычек. Крыс говорил, что воины Альна могут использовать не современные раклеры, а старые, с символом Ше.

— Радуга, — несколько разочарованно поправил я. Конечно, не стоило ожидать от вора знания ритуальных символов, но все-таки...

Альбинос вопросительно склонил голову:

— Прости, что?

— Символ, который вы называете "Ше" — это Радуга. Когда она вплетается в сталь при выковке, читается заклинание, которое призывает "семь цветов завязать узлом, заискриться и замереть". То есть заблокировать дар.

Альбинос с минуту подумал над этой информацией, а затем серьезно кивнул:

— Спасибо. Я запомню.

Я равнодушно пожал плечами. Снова начала болеть голова, и одна ее половина как будто была тяжелее второй. Жутко хотелось уронить ее на стол и не поднимать до вечера, но сделай я это — и вся моя затея уйдет коту под хвост.

— Ты ужасно выглядишь, — сказал Альбинос, прищурившись. — Не спал?

— Спал, — тоскливо возразил я. — Но на пользу мне это не пошло, как видишь.

— Я слышал, что маги не болеют человеческими болезнями.

Я удивленно изогнул бровь:

— Это не так.

— Да, сведения людей о магах часто ошибочны, — признал вор. — Например, некоторые считают, что маги могут снимать раклеры с пленников одной силой мысли. А тебе для этого нужны отмычки и человек, который умеет ими пользоваться.

— Ты сегодня удивительно разговорчив, — хмыкнул я, вспоминая прошлую нашу встречу. — Поверь, с магами все не так просто.

Альбинос кивнул, задумчиво нахмурился и поинтересовался:

— Ты будешь есть?

— Нет, — поморщился я.

— Тогда зачем мы здесь сидим?

— Я думал, ты будешь...

— Я уже поел.

— Отлично. — Я поднялся и тут же об этом пожалел: перед глазами поплыли цветные пятна, в которые гармонично вписался отблеск тлеющих угольков. Пришлось подождать,

пока мир успокоится и вернется на свое место, прежде чем сказать: — Тогда пошли.

Старая дорога, с которой открывался восхитительный вид на Кладбище Богачей, выглядела в сто раз лучше новой. По крайней мере, в том месте, где мы с Альбиносом устроили засаду. Плюсов было хоть отбавляй: во-первых, она была полностью выложена синеватым камнем, не скрывающим топот копыт, во-вторых, очень хорошо просматривалась с любой позиции, а в третьих — от нее уходило ответвление к могилам. Деталь вроде бы несущественная, но для некроманта кладбище — верный источник силы и вдохновения. То есть стоило мне посмотреть на кресты, вспомнить об учиненном воинами Альна произволе и "повелительнице", как я тут же преисполнялся уверенности в правильности своей миссии.

Прятаться мы не стали, пораскинув мозгами и решив, что сидящие у могилы родственника люди вызовут меньше подозрений, чем прячущиеся в кустах. Это решение далось нам методом проб и ошибок. То есть сначала мы влезли в кусты, напоролись на скопления шипов и, ругаясь на чем свет стоит, приняли неизбежность плана Б.

"Родственника" мы выбрали победнее и поближе к дороге. Им оказался некий Анек Райю, коего не почтили личным памятником — только увесистым деревянным крестом, на котором выжгли слова "Смерть побеждает любое зло". Видимо, при жизни Анек был не слишком добрым человеком, хотя, если подумать, доброта перед лицом смерти тоже уязвима. Хорошие люди умирают отнюдь не реже, чем плохие.

Альбинос так талантливо изобразил на своем лице скорбь, что я было подумал, будто парень был знаком с этим Райю. Однако вор разнес мое предположение в пух и прах, спокойно пояснив, что чем достовернее мы будем выглядеть, тем лучше. Пришлось тоже загрустить, что при учете не проходящей головной боли далось мне очень легко. Если бы Анек мог нас видеть, он был бы просто польщен оказанным ему вниманием.

Утро разгоралось, проливая на небо оранжевую и зеленоватую краску. Облака уплыли куда-то на север, и сияние, пришедшее из ниоткуда, выглядело до одури неестественно. По крайней мере, до тех пор, пока не появилось солнце. Оно медленно выглянуло из-за края земли, сонно сощурилось и стало заползать выше, оставляя за собой широкую огненную полосу.

Воины Альна не спешили. У ребят явно был в планах завтрак, а то и обед, так что я успел несколько раз отлучиться к дороге, вычертив над ней сложные узоры. Альбинос неодобрительно на меня косился, но ничего не говорил: понимал, что без магии мы экипаж не остановим.

Когда я решил, что предпринятых мной мер вполне достаточно, и снова принялся созерцать надпись на кресте Анека, вор поинтересовался:

— Ты уверен, что ее повезут в Эскарат сегодня?

— Да, — кивнул я.

Вопреки моим ожиданиям, Альбинос не стал возмущаться и напоминать, что мы сидим здесь уже очень долго, а воины Альна по-прежнему не показываются. Он просто промолчал и нахмурился, что можно было истолковать и как сомнение в моих словах, и как просто плохое настроение.

Спустя еще где-то полчаса я тоже забеспокоился. Что, если экипаж решил поехать другой дорогой и мы только зря тратим время? Я попытался прогнать эту мысль, но она тут же обросла десятком вариантов, почему воины Альна могли отказаться от изначального плана. Например, почувствовали магию, которую я потратил на узоры, или получили какое-

нибудь сообщение из Эскарата. Или "повелительнице" удалось сбежать самой. Однако в момент, когда сомнения стали просто невыносимыми и захотелось бросить все и вернуться в город, городские ворота Тальтары покачнулись, открылись, и на дороге появился серый закрытый экипаж.

Я внутренне возликовал, внешне оставшись печальным по случаю преждевременной кончины Анека Райю. Альбинос усмехнулся, исподлобья оценил "противника" и довольно хмыкнул, когда ворота во второй раз дрогнули и начали закрываться. С кладбища экипаж казался букашкой, которую можно прищелкнуть ногтем — то есть пока он до нас доедет, створки окончательно закроются, и стража не заметит неожиданных приключений воинов. До тех пор, пока те не вернутся в город и не заявят о нападении и краже, конечно.

Экипаж ехал неторопливо, возница — человек в алой мантии с капюшоном — на лошадей внимания не обращал, предоставив им идти, как заблагорассудится. Те пользовались свободой действий всюю и еле плелись. Повозка подсакивала на камнях, и через несколько минут наблюдения я удивился, как возница вообще до сих пор с нее не свалился. Будь я на месте "повелительницы" — уже придумал бы не только гениальный план побега, но и как проклясть воинов, не используя магический дар. Благо, методы существовали, пусть для них и надо было быть виртуозом. Ничто так не толкает к быстрому освоению знаний, как понимание того, что скоро тебя настигнет смерть. Особенно если эти знания помогут ее избежать.

Экипаж добирался до кладбища бесконечно долго. Улитки и то могли дать ему фору. Я заметил, что Альбинос больше за ним не следит — вор преспокойно пялился на последнее пристанище Анека в этом мире, словно вокруг не существовало ничего другого. М-да, все таки Крыс был прав — парень знаток своего дела, хоть и кажется для этого слишком маленьким. Хотя... Интересно, а чистокровный ли он человек? Отличать людей от полукровок я еще не научился, а спросить было не у кого. Разве что у Шаира, и это, пожалуй, еще один повод его призвать: все равно в ближайшее время возможности (да и желания) вернуться в город не будет.

Когда экипаж достиг кладбищенской ограды и поплелся вдоль нее, возница бросил на нас настороженный взгляд. Мы предались скорби с удвоенным энтузиазмом. У воина, если это был воин, а не нанятый ими работник, тут же отпали все подозрения. Альбинос потер ладонью щеку, дождался, пока возница перестанет на нас смотреть, и бросил косой взгляд на дорогу.

Я знал, что он ищет. Узоры. Только вот искать их уже не надо...

— Вставай, пошли! — крикнул я, перепрыгивая через ограду и начиная умопомрачительный забег к экипажу.

Возница удивленно оглянулся, но сделать ничего не успел: полоса дороги перед лошадьми вспыхнула, раздался ровный, будто отдаленный, гул, и животные с диким ржанием бросились к обочине. Там их ждали неприветливые колючие кусты, которые внесли в ситуацию еще больше хаоса. Мужчина вылетел со своего места, описал красивую дугу в воздухе и рухнул куда-то в кусты.

Дверца экипажа распахнулась, на мгновение явив нам оббитые красной тканью сиденья и темный силуэт в углу, и на дорогу выскочило трое мужчин. Один был в красной мантии, другой — в белой, а третий — в синей. Последний так мило улыбался, что я понял: сейчас мне покажут, где раки зимуют, и подробно объяснят, почему нельзя нападать на воинов Альна средь бела дня.

Красные мантии носят как служители секты, так и люди, которые на них работают. От таких не стоит ждать серьезных проблем. Все, что они могут, в лучшем случае заканчивается умением фехтовать, в худшем — беспорядочно махать кулаками в надежде хоть раз попасть по обидчику. Белые мантии носят старшие служители, которые наделены небольшой, но приятной властью: они могут распоряжаться действиями и временем своих младших "братьев", заставляя их как оглашать очередные пророчества, так и мыть полы в особняках, где обитает верхушка воинов. Синие... Синие носят природные маги, поэтому с мило улыбающимся человеком придется быть осторожным.

— Так-так-так... — протянул Белый, смеривая меня ироничным взглядом. — Что мы видим? Выпускник Академии Магов, — он усмехнулся, заметив мой жетон, — Совершает глупое нападение на наше братство... С очень непонятными целями. Что тебе нужно, маль...

Окончание слова утонуло в низком жутковатом бульканье. Чуть выше ключиц воина словно из ниоткуда материализовалась рукоять метательного ножа, медленно сползающая ниже и вспарывающая человеческую плоть без малейших усилий. Мне не надо было оборачиваться, чтобы понять: нож бросил Альбинос.

И тем самым положил начало решительным действиям.

Человек в красной мантии с диким ревом бросился на меня, а Синий ушел в сторону, отгораживаясь от нас экипажем. Я увернулся от одного удара, второго, а затем услышал, как из-за повозки доносится спокойное бормотание.

Аларна меня заberi! Шаман! Такие маги, конечно, медленнее обычных, но черт знает, что может получиться из их волшбы. Я выхватил из ножен меч, махнул им перед лицом противника — острое прошло в ногте от испуганно выпученных глаз. Красный решил не рисковать своей жизнью зря и бросился прочь, к городу, где его ждало спасение.

Или не ждало.

Метательный нож настиг человека в пяти шагах от повозки. Мужчина упал, забился, как рыба на берегу, и спустя пару минут затих.

Я осторожно заглянул за экипаж... и столкнулся с шаманом. Синий растерялся и упустил черный матовый ком, который сжимал в ладонях — тот покатился по земле, оставляя за собой черный выжженный след. Я от души треснул шамана по тупой башке, вложив в удар все свое негодование. Синий закатил глаза, обмяк и хряснулся на землю у моих ног.

— Мой учитель говорил, что оставлять свидетелей неразумно, — прозвучал спокойный бас за моей спиной. — Этот червяк побежит в Академию и сделает все, чтобы узнать, кто на него напал. А, учитывая твою внешность, это будет очень просто.

— Я не собирался никого убивать, — сказал я, оборачиваясь. Альбинос невозмутимо подбрасывал в воздух третий нож — он делал два оборота в воздухе, прежде чем снова упасть в ладонь вора. — Я хотел оглушить. Стереть память.

— Я слышал, что это легко, — кивнул Альбинос, ловя нож и пряча в рукав куртки. — Но не навсегда. Есть заклятия, которые способны вернуть память, правда?

— Да.

— Значит, мы возвращаемся к тому, что оставлять свидетелей неразумно.

Вор отеснил меня в сторону, присел рядом с шаманом и приподнял его голову. Задумчиво хмыкнул, прежде чем стянуть с шеи Синего покрытый серебром амулет. Я отвернулся, зная, что произойдет дальше. И не ошибся. Тихий хруст показался мне громом среди ясного неба, и к горлу подступила тошнота.

Альбинос вышел из-за повозки и направился к Белому — забирать свой нож. Наблюдать за этим мне абсолютно не хотелось, поэтому я подошел к дверце экипажа и осторожно ее открыл. Темная тень в углу испуганно сжалась, обхватила себя руками за плечи и судорожно, как в последний раз, вздохнула.

— Не бойся, — попросил я. — Тебе никто зла не причинит. Выйди, пожалуйста, на свет.

Она не двигалась, но и страх, еще мгновение назад густо разлитый по экипажу, исчез. Прошло около минуты, прежде чем "повелительница" приподнялась, держась за сиденье, и спрыгнула на дорогу.

Невысокая, в рваном льняном платье, ниже колен превратившимся в лохмотья, девушка уставилась на меня таким звериным взглядом, что я попятился. Ее бледное, покрытое ссадинами лицо не имело определенного выражения и больше всего напоминало статую. Пухловатые губы, чуть вздернутый нос, миндалевидный разрез пронзительно синих глаз — девушка показалась бы мне симпатичной, находишься мы в какой-нибудь другой ситуации. Ее вьющиеся иссиня-черные волосы падали на плечи, создавая странный, но приятный контраст с бледной кожей.

— Кто ты такой? Что тебе нужно? — спросила "повелительница", и в уголках ее глаз сверкнули слезы. — Совершишь казнь прямо здесь, не доезжая до Эскарата?

— Нет, — растерялся я. — Я хочу помочь.

Она замерла, глядя на меня с огромным недоверием.

— Слушай, если бы я хотел совершить казнь, я бы ехал в одной повозке с этими ребятами, — пожал плечами я. — Но они почему-то валяются на дороге, а ты стоишь передо мной и совершенно несправедливо обвиняешь.

Девушка нахмурилась. С минуту помолчала, кусая нижнюю губу, а потом спросила:

— Чего ты хочешь?

— То есть?

— Ты убил воинов и спас мне жизнь. Значит, потребуешь что-то взамен. Что?

Теперь задумался уже я. Нет, ответ для нее у меня был, но требовать рассказа обо всем здесь, на дороге, показалось мне неразумным. Поэтому я подождал, пока вернется Альбинос, и только после этого снова заговорил:

— Протяни вперед запястья, пожалуйста.

— Зачем? — тут же насторожилась девушка.

Я молча посмотрел на ее запястья. Темные широкие браслеты, сковывающие магию, не имели определенного цвета: они становились то черными, то синими, то серыми. Под материалом, покрывающим раклеры снаружи, плескалась живая субстанция, пульсируя темными рваными клочками, казавшимися крохотными копиями грозовых туч. Девушка проследила за моим взглядом и окончательно растерялась.

— Ты снимешь их? Так просто?..

— Не я. Он.

Альбинос приветственно кивнул. "Повелительница" несколько нервно качнула головой в ответ, но возражать не стала. Протянув руки вперед, она обреченно зажмурилась, словно ожидала грома и молний. Однако их не последовало. Вор вытащил из внутреннего кармана куртки связку тонких витых шпилек, отцепил от нее одну и вдохновенно заковырялся в замке первого браслета.

Прошла минута. Вторая. Девушке надоело жмуриться, и она приоткрыла один глаз.

Альбинос не обратил на это никакого внимания. Спустя еще пару минут замок щелкнул. Раклер раскрылся и упал на дорогу, тонко, почти хрустально зазвенев.

Я наклонился, поднял его и спрятал в сумку. Синеглазая нахмурилась, но ничего не сказала.

Вор показал нам то, что осталось от первой отмычки — черный оплавленный кусочек металла.

— Вот почему я не люблю иметь дело с магией, — буркнул он, пряча ее в карман. — Одни убытки от нее.

— Тебе за них платят, — равнодушно напомнил я.

Кстати, об оплате. Не обратив внимания на скептическое фырканье Альбиноса, я выудил из кармана кошель и отсчитал шесть золотых монет. Это куда больше изначальной цены, но парень заслужил. Во-первых, избавил меня от необходимости марать руки, а во-вторых, ни разу не попался под ноги. В общем, вел себя, как настоящий профессионал, заслуживающий поощрения своего, пусть и не слишком честного, труда.

Мелодичный звон отзнаменовал падение второго раклера. Его я тоже спрятал в сумку. Можно было отдать Альбиносу, но вряд ли парень захочет так рисковать: воины Альна наверняка прошерстят весь город, узнав, что пленница не доехала до Эскарата.

На запястьях девушки остались жутковатые кровоподтеки, но она все равно с наслаждением их потеряла. В цвете ее глаз появилось что-то металлическое, и я понял, что "повелительница" впервые за черт знает сколько времени касается дара. На то, чтобы поверить, что способности вернулись, ей потребовалось несколько минут. После этого девушка благодарно улыбнулась и сказала:

— Спасибо. Вам обоим. Извините за недоверие. В последнее время я совсем забыла, что в мире иногда случаются чудеса.

— Мы на такой высокий статус не тянем, — заверил я ее. — Надо уходить.

— Для начала, — иронично начал Альбинос, — было бы неплохо прибраться здесь. Или хотя бы лошадей отпустить.

— О, — тупо выдал я. Признаться, о животных я совсем забыл, да и они как-то странно притихли. Что, впрочем, и неудивительно: люди с магическим даром странно влияют на любых живых существ. Это одна из причин, по которой Кеорну домашнего любимца заменяет дух-алерогтару. — Тогда ты займись ими, а я пока трупы уберу.

Альбинос спокойно кивнул и пошел к лошадям. Синеглазая посмотрела на меня и приподняла левую бровь:

— Трупы уберешь? Интересно, как? Методом сожжения?

Я поморщился:

— Не люблю такие примитивные методы. Вонять же будут.

— Они и так будут, только попозже, — усмехнулась "повелительница"

— Главное, чтоб от дороги подальше, — вернул ей усмешку я.

Она промолчала и скрестила руки на груди, ожидая моих действий.

Поднять одноуровневого, самого тупого зомби проще простого. Это действие не сопровождается ритуалами. Нужен только рисунок и выверенный речитатив, который я зазубрил до такой степени, что мог уже не вдумываться в слова.

Звезду и Круг я вывел в воздухе. Символы замерцали, объединились и налились кроваво-красным сиянием, в котором лицо синеглазой приобрело прямо-таки демонический лик. Казалось, что в том месте, где горела пентаграмма, солнечный свет пугливо съезжился и

померк. Я подождал, пока сияние достигнет своего апогея, и размеренно, с ледяным спокойствием в голосе заговорил:

— Именем Солнца, Двулуния и Земли, через Мосты до нового Мира, где Вода, Огонь. Воздух и Магия сплетены в единый венок, пройди дорогу до самого конца, чтобы вернуться и нести свет, чтобы родиться и закричать впервые, чтобы погибнуть, но не позволить себе уйти, ибо смотрит на тебя смертоносный лик Круга...

Труп Белого дернулся, захрипел и медленно, словно вспоминая, как это делается, поднялся на ноги. Его "братья" проделали то же самое, и троица зомби, глядя перед собой остекленевшими мертвыми глазами, остановилась перед пентаграммой. Символ одновременно и притягивал их, и причинял боль, которая воспринималась мертвецами как должное.

— Ваш путь лежит через кладбище, — пафосно изрек я, останавливаясь по другую сторону Круга. — За которым равнины, леса, рощи и Река. Пройдите его достойно, как подобает настоящим сыновьям Круга!

— Ы-ы-ы, — согласился Синий зомби, развернулся и, подавая пример остальным, бодро потопал к кладбищу. Стоило им отойти на десяток шагов, как пентаграмма начала медленно гаснуть, пока не исчезла совсем.

— Потрясающе, — выдохнула синеглазая, глядя вслед трупам. Отсюда они выглядели вполне нормально, разве что у шамана была неестественно повернута голова. — Выходит, ты некромант? Я много слышала о магии Смерти, но вижу ее впервые. И, должна сказать, я совсем по-другому ее представляла. Куда ты отправил этих людей?

— Рад, что сумел произвести впечатление, — криво улыбнулся я. Головная боль вернулась и с удвоенной силой вгрызлась в виски. — Не так важно, куда. Через четыре часа они развалятся, но будут уже далеко.

— Я тоже считал, что черная магия выглядит иначе, — сказал Альбинос, подходя. — Более грандиозно, что ли.

— Ну извини. — Я пожал плечами. — Изменить ее облик в этом мире никому не по силам.

— Это неважно.

Вор протянул мне руку. Я ссыпал в его ладонь монеты, и Альбинос удовлетворенно кивнул, едва заметно приподняв светлую бровь. После этого он пошел путем зомби, явно намереваясь выйти на новую дорогу и как ни в чем не бывало вернуться в Тальгару. Он не стал прощаться и ни разу не обернулся, но упрекать его в этом не имело смысла. Наемник — он и в Морском Королевстве наемник, скрывается сразу по получении оплаты.

— Красивый парень, — тихо сказала синеглазая, поворачиваясь ко мне. — Ему, наверное, очень не хватает крыльев.

— Крыльев? — растерялся я.

— Ну да. Он же инфист. Обычно они крылатые.

Ага, так он все-таки не человек! Я бросил взгляд на фигуру Альбиноса, но не смог поверить в то, что он относится к расе вестников несчастья. Инфисты чувствуют беду за милю и стараются от нее уходить. Наверное, очень сложно работать вором при таком чутье... Если у парня оно есть, конечно.

— Надо идти, — напомнила "повелительница". И тут же нахмурилась: — Или ты сс мной не пойдешь? Слушай... Мне нужна твоя помощь.

— Помогаешь людям, помогаешь, а им все мало, — пошутил я. — Пойду. И чем быстрее

мы уйдем с дороги, тем лучше. Как тебя зовут?

— Сима.

ГЛАВА 6,

в которой возвращается мой приспешник

Когда над землей поднялась Дайра, лес проснулся. Он задышал ровно и глубоко, сбрасывая свое дневное оцепенение и возвращаясь в привычную сказку: разбудил духов, подбросил углей на дно озер, позвал ветер. С появлением последнего Сима заметно заволновалась, но спустя несколько минут успокоилась, сказав, что ветер принадлежит не ей. Я всерьез озадачился этим вопросом, но требовать объяснений не стал. Рано.

Лес был маленьким, но магии в нем было хоть отбавляй. Духи провожали нас задумчивыми взглядами, словно сомневаясь, имеем ли мы право продолжать путь. Провожали — но не преследовали. Только одинокий таркот, то и дело поправляя искрящиеся волосы, с тихим смехом мелькал за деревьями, привлеченный нашей живой кровью. Сима никак на него не реагировала, и я счел, что мне тоже беспокоиться не стоит: в конце концов, таркоты не охотники и не убийцы. Они существуют за счет природной энергии и ей же питаются, пока не придет время спать. А потом их место занимают уже другие духи.

Искрящийся отстал от нас тогда, когда лес превратился в непролазную чащобу. Нас же переплетающиеся ветки и низкие кусты не остановили. Привал мы сделали только тогда, когда Сима, разом растеряв всю свою уверенность, споткнулась и укатилась на дно поросшего инсидианой оврага. Девушка почти сразу встала и заверила меня, что способна продолжить путь, но я настоял на передышке.

Мы натаскали хвороста и разожгли костер. Огонь, созданный магией, не хотел становиться нормальным и менял цвет с синего на зеленый, а потом наоборот. В его свете лицо моей спутницы казалось бы мертвым, если бы не глаза. Они сияли, как у ребенка, и казалось, будто эмоции в них плещутся, как волны в море. Сложно отвести взгляд — и еще сложнее заставить себя посмотреть снова.

Очень скоро посмотреть на огонь собрались шьероны. Их тонкие, почти совсем прозрачные силуэты с любопытством выглядывали из зарослей, но не решались подойти ближе. Алые одежды, меньше всего напоминающие женские платья и больше всего — непомерно длинные мужские рубахи, привлекали мое внимание не хуже хищных желтых глаз. Они сверкали отовсюду, как спустившиеся с небес звезды.

У ног шьерон вились маленькие извивистые существа с темными, покрытыми древними символами телами. У этих глаза были изумрудно-зелеными, но внимание мелких духов привлекал не огонь, а эмоции, которые испытывали шьероны. Будь я на их месте — и тоже с удовольствием повился бы, пусть это и выглядело унижительно.

Мне всегда было интересно, что чувствуют потусторонние существа. Несмотря на то, что Сулшерат не один раз повторял, что духи мертвы, а потому эмоций у них нет, мне казалось, что все совсем наоборот. Некоторые сущности живы гораздо больше, чем многие из людей. Просто не любят показывать это чужакам, которые призывают их и заставляют выполнять странные приказы. Но если не призвать духа, а отнести к нему, как к равному, если посмотреть под правильным углом...

— Куда ты смотришь? — тихо спросила Сима, оглядываясь. — Что ты там увидел?

— А?

Девушка повторила.

— А-а... Шьероны. Ты их не видишь?

— Нет, — поежилась она, придвигаясь поближе к костру.

Я улыбнулся:

— Не бойся, они не подойдут. Эти духи не любят людей. Их привлекает огонь.

— Может, стоит его погасить?..

— Нет, — возразил я. — Зачем? Ты же все равно их не видишь. А у них в распоряжении только одна ночь, и, по-моему, они имеют полное право посмотреть на то, что для них равносильно чуду.

Сима удивленно подняла брови. Я улыбнулся. Не она первая, не она последняя: людей, знакомых с магией, часто ставит в тупик мое мнение о духах.

— Ты относишься к ним очень странно. Обычно магов не интересует, что чувствуют потусторонние существа, — сказала девушка. — Лишь бы не нападали.

Я пожал плечами. Не интересует — и ладненько. Духи прекрасно обходятся без людей. По крайней мере, нейтральные. Агрессивных же над оврагом не наблюдалось, а значит, и причин для беспокойства нет.

— Если честно, я их боюсь, — продолжила Сима, переводя взгляд на огонь и хмурясь. — В городе, где я родилась, духов было очень много. Однажды я увидела, как нечто невидимое рвет на куски лошадиный труп. Это было так... странно. Словно что-то сидит внутри и пытается выбраться, разрывая тело.

— Бывает, — кивнул я. — Поверь, тебе еще повезло. У большинства людей знакомство с потусторонними сущностями происходит не так спокойно.

Сима заинтересованно подалась вперед:

— А как оно прошло у тебя?

— Не слишком приятно. — Я поморщился.

— И все же?

— Не стоит. Лучше расскажи, наконец, что за чертовщина происходит в братстве воинов Альна, почему они считают вас такими страшными и зачем я тебя спас.

— Объяснить тебе последнее я не в силах, — рассмеялась Сима, стараясь скрыть разочарование. Видимо, думала, что услышит интересный рассказ. Нет, несомненно, мое знакомство с духом-убийцей было ОЧЕНЬ интересным, но вспоминать события того дня не хотелось. Особенно для человека, которого я едва знаю.

— Тогда объясни первое и второе, — пожал плечами я.

Девушка испытывающе на меня посмотрела. Я ответил скептическим взглядом, тем самым показывая, что каждое ее слово будет подвергнуто сомнению. Она улыбнулась уголками губ и надолго замолчала, словно взвешивая, что мне можно рассказать, а что — нет. Я заскучал и снова отвлекся на шьерон, отбросив на задний план мысли о том, что сейчас я услышу если не правду, то хотя бы часть ее.

Когда Сима заговорила, ее голос странно изменился: окреп и утратил мелодичность, взамен приобретя горечь. История, какой бы странной она ни была, явно значила для девушки очень много.

— К повелителям ветров давно относятся с опаской. Не только воины Альна. Любой опытный маг, увидев наш дар, начинает панику. К тому же все... осведомленные люди

слишком хорошо помнят историю Старого Герцогства, где наши предшественники выступили на стороне драконов, а не людей. Люди почему-то уверены, что справедливость доступна только им, а огнедышащие ящеры — нечто вроде обычных животных, без развитого разума и чувств. Меня раздражает это мнение. И я не сомневаюсь в том, что повелители того времени поступили правильно, позволив оэлтагам сжечь Герцогство.

Сима замолчала. Я тоже не спешил подавать голос, раздумывая над ее словами. С драконами понятно — люди давно возненавидели крылатое племя и стали ставить его едва ли не ниже орков. А вот утверждение насчет магов показалось мне весьма интересным. Начинают панику... Интересно, почему? Что такого в даре этой девушки и ее... хм... друзей?

— Если говорить именно о воинах Альна, — снова заговорила Сима, и я превратился в слух, — То мне кажется, что их глава заключил сделку с какой-то сущностью. Я видела его, когда меня по... поймали. — Голос девушки дрогнул. — Знаешь, что бывает, когда договариваешься о чем-то с духом?

— Знаю, — кивнул я. — Сквозь кожу начинают проступать потусторонние символы. Какой был у этого главы?

— Что-то вроде цветка с множеством лепестков. Под левым глазом. Причем знак выглядел так, будто не сам проявился, а был нарисован.

— Сможешь набросать? Хотя бы приблизительно, — попросил я, доставая из сумки уголь и пергамент.

Сима неуверенно кивнула. На все про все у нее ушло около пяти минут. Когда она вернула мне лист, на нем красовалось нечто вроде хризантемы с шестью загнутыми лепестками и одним длинным, уходящим вверх, как шип на инсидиане.

Я был уверен, что где-то видел этот символ. Но убей не помнил, где. Девушка терпеливо ждала, пока я что-нибудь скажу на этот счет, и мне пришлось признать свою беспомощность:

— Не могу вспомнить, что он означает.

— Та же проблема, — нахмурилась Сима. — Я видела его раньше. Но когда и при каких обстоятельствах... — она покачала головой. — Одно знаю точно: это связано с какой-то книгой. И читала я ее очень давно, раз не помню названия.

— Может, руны? — предположил я. — Духи любят их использовать. И я их понимаю. Со стороны очень забавно выглядит, когда какой-нибудь вельможа пытается вспомнить, что означает тот или иной символ.

— Мы не вельможи, и все равно не в курсе, — улыбнулась Сима.

— Зато нам есть, у кого спросить. Не делай такое лицо. Лучше продолжи рассказ, а я пока подумую над этим цветочком.

Девушка недоуменно приподняла брови, но спорить со мной не стала. С минуту подумала, кусая нижнюю губу, а потом сказала:

— Мы... Нынешние повелители... Гораздо слабее тех, что были до нас. Но магия у нас та же. Изначальная, самая первая магия нашего мира. Та самая, на которой он был построен. Только уничтожить творение создателей мы не сможем, даже если захотим, потому что тоже являемся делом их рук. Так что воины Альна беспокоятся зря.

— Создателей? — переспросил я.

— Да. Ты о них не слышал?

— Нет. Только о Богах.

Сима рассеянно улыбнулась, став похожей на служителя храма Аларны. Тот делал точно такое же лицо, когда выяснялось, что прихожанину неизвестна хоть одна прописная истина о Богине. Особенно его забавляло, что в храм часто приходили люди, не подозревающие о том, что Аларна покровительствует мертвецам.

О ней ходило много легенд, и версии разных храмов часто отличались друг от друга. Если в одном говорили, что Аларна сама создает блуждающих, то в другом это приписывали природным источникам энергии. Сходились храмы только в одном: помимо живых людей в мире существуют мертвецы, которые не отличаются от нас ничем, кроме алых глаз. Они точно так же, как мы, едят, разговаривают, путешествуют, заводят семьи — но никогда не стоит забывать о том, что они мертвы. Теория была очень интересной и заставляла вспомнить о законе, запрещающем воскрешать людей. Существовал он только в некромантии и установлен был методом проб и ошибок. Сулшерат показывал нам схемы, необходимые для возвращения души обратно в тело, и рассказывал немало историй о некромантах, которые потеряли свою жизнь, пытаясь вернуть чужую. Я посвятил изучению схем немало времени — и мне всегда казалось, что в них чего-то не хватает, что что-то надо исправить. Но рисковать и пробовать я не стал, решив подождать, пока в мире появится какой-нибудь гений, который решит этот вопрос за меня.

— Боги приходят из Безмирья, Хастрайн, — сказала Сима, отвлекая меня от мыслей. — Но попасть в мир без разрешения создателей не могут. То есть тот, кто создал этот мир, счел, что ему подойдут именно такие Боги, и позволил им обосноваться здесь. Поэтому нельзя отрицать их существование. Они действительно есть, и, может быть, даже слышат нас. И неважно, что люди, эльфы, дриады... да все, кто только есть, дают им разные имена. Они все равно слышат. Но не всегда готовы помочь.

— Они никогда не готовы, — пожал плечами я.

— Неправда. Если тебе не помогали, значит, ты неправильно просил.

— Я не просил вообще. Не вижу в этом смысла. Будь Боги столь могущественными, как о них говорят в храмах, разве были бы в мире войны? Умирили бы дети? Появлялась бы нежить, уничтожающая любого, кто попадет на пути? И это я еще молчу о чуме, других болезнях, о ненависти...

— Ты неправ, — перебила меня Сима. — Совсем.

Я изобразил на лице интерес:

— Почему?

— Потому что создатель дал этому миру свободу. Предоставил нам право самим решать, что хорошо, а что плохо. Не бывает абсолютного зла, Хастрайн. И абсолютного добра тоже. Одно перетекает в другое, стоит только измениться обстоятельствам.

Я промолчал, жалея, что вообще начал этот глупый разговор. Девушка недовольно скривила губы, но больше ни в чем убеждать меня не захотела. Наверное, поняла, что это бесполезно. Но, пока я думал, стоит ли погасить костер перед тем, как лечь спать, она заговорила снова.

— Хорошо, к черту создателей и Богов. Мне нужна твоя помощь.

— Какая? — устало буркнул я.

— Я оставила Шейна в потустороннем мире.

— Ты... Что? — Я растерянно уставился на девушку, и меня словно окатило ведром ледяной воды. Она не шутила. Только молча смотрела на меня, да еще с такой надеждой в глазах, словно я сам был этим самым создателем.

— Когда меня поймали, — тихо сказала Сима, — Я не успела замкнуть Круг с этой стороны, и Шейн остался с той. Он... Он повелитель северного ветра. Из нас четверых только он один умел выходить в потусторонний мир. Я не могу вытащить его сама.

Я затейливо выругался, и девушка съежилась, словно ожидала удара. Пришлось заверить ее, что я помогу, когда отдохну, и уговорить немного поспать. Она, пусть с неохотой, но согласилась, а я еще долго лежал, разглядывая закрывающие небо ветки и старательно отгоняя мысли о том, что люди, проведенные в мире духов больше одного дня, обратно не возвращаются.

Я проснулся от тихого мелодичного звона, прозвучавшего над левым ухом. Что-то холодное прикоснулось к неловко загнутой шее. Пришлось приподняться, оглядеться вокруг и с раздражением осознать, что и звук, и холод являются проделками моей серьги-амулета. Магическая железка предупреждала об опасности, которой я в упор не видел. Овраг был пуст, костер не горел, и вокруг не было никого, кроме меня и Симы. Девушка спала, подложив руку под голову. Я прислушался и ухмыльнулся, уловив едва заметное сопение.

Причина беспокойства серьги обнаружила себя только тогда, когда я встал, потянулся и собрался заново развести костер. Стоило мне наклониться за погрызенной кем-то веткой, как из травы, мелькнув лысым хвостом, очень похожим на стебель инсидианы, выпрыгнуло нечто. Оно напоминало большую крысу, которая без труда задушила бы кошку, и на половине прыжка так дико завизжало, что я с ругательством отшатнулся назад. Существо зависло в воздухе на долю секунды, а потом превратилось в черную птицу с двумя алыми перьями на крыльях. Птица неловко взлетела, села на выступающий из склона оврага корень и недовольно буркнула:

— Вот тебе и радость от встречи!..

Я с трудом сдержал желание присесть.

— Шаир?!

— Неужели он меня узнал? — скептически ответила птица. И уже нормальным голосом продолжила: — Извини, Рожденный в Снегу. Я долго до тебя добирался. Приходилось менять облик, чтобы таркоты ничего не заподозрили.

— Ты же сильнее, — удивился я. — С чего тебе их бояться?

— Я потратил очень много сил на дорогу, — пожаловался дух. — И пока что не могу даже приличный вид принять, не говоря уже о защите. — Он заметил Симу, дернул головой и поинтересовался: — Это она? Повелительница восточного ветра?

Я тоже бросил взгляд на девушку. Она по-прежнему спала, не проявляя никаких признаков беспокойства. Значит, действительно не видела духов. И не только не видела, но и не слышала, потому что от "крысиного писка" проснулся бы даже покойник.

— Идем, надо поговорить, — сказал я, оборачиваясь к Шаиру.

— Что, прямо сейчас? — расстроился он. — Я думал, ты меня покормишь.

Я закатил глаза:

— Не носи чепухи. Ты сейчас выглядишь как птица, а не как человек.

— Ой, — Шаир расправил одно крыло и с интересом на него воззрился, — И правда! Ладно, дай мне Кружок. Пока сгребу все, что в нем накопилось, как раз успею все тебе объяснить. К слову, ты большой молодец, Рожденный в Снегу, — добавил он, снова поворачиваясь ко мне. — Я и представить себе не мог, что ты так быстро ориентируешься.

Я скептически фыркнул и отмерил пятьдесят шагов от костра, на ходу расстегивая и

вынимая из уха серьгу. Амулет-гексаграмма был предметом непростым: мало того, что засекал присутствие агрессивных существ, так еще и кропотливо собирал избыточную энергию, пряча ее в обычном на первый взгляд металле. Этой энергией я мог поделиться с любым существом, вплоть до сказочного Медведя, обитающего в Лесу Духов. Этот фольклорный персонаж столь же легендарен, сколь и Алтарь Аларны, кой, если верить слухам, расположен в самом сердце все того же Леса.

Шаир дождался, пока я остановлюсь, и распахнул крылья. М-да... Сравнить духа-убийцу с обычной птицей можно было только до тех пор, пока он не начинал двигаться: в воздухе промелькнуло смазанное черное пятно, и в следующий миг на моем плече сжались темные когти. Приспешник выхватил из моих пальцев амулет и так же быстро оказался на земле — только по коже с опозданием пробежал легкий холодок, как всегда бывает при соприкосновении существ из двух разных миров.

— О-о-о, — восторженно протянул Шаир, наблюдая, как амулет приобретает алый цвет. — Много насобирал, хвалю.

— Обходился своими силами, — подтвердил я.

Мне очень хотелось услышать его версию событий, но наблюдать за перевоплощением тоже никогда не надоедало. Поэтому я решил, что разговор может подождать пару минут, и постарался не моргать, чтобы ничего не пропустить.

Сначала птица стала увеличиваться в размерах. Потом ее затянуло непроглядной черной дымкой, которая, с минуту поклубившись в одном месте, подросла до уровня моих плеч и немного раздалась вширь. Потом из дымки выглянули кожистые крылья с торчащими на краях когтями — и почти сразу с чавканьем втянулись обратно. Потом дымка рваными ключьями осыпалась на землю, скользнула в траву — и вместо птицы на меня посмотрел человек.

Шаир был непревзойденным мастером по смене облика. Он менял свой внешний вид каждую нашу встречу. Оставаться духом ему никогда не хотелось, а человеческие тела его увлекали, заставляя каждый раз искать, как он сам выражался, "трогательный изъян". И с моей стороны было бы несправедливостью не отметить, что в этот раз Шаир превзошел сам себя.

Передо мной стоял невысокий парень с роскошной гривой зеленых волос, частично завязанных в хвост, а частично падающих на худые плечи. У него были миндалевидные, как у Симы, серые глаза, в которых плавали, сталкиваясь друг с другом, яркие золотистые искры. Парень безмятежно улыбнулся, поправил воротник вышитой рубахи и с интересом спросил:

— Ну как?

— С волосами перебор, по-моему. В прошлый раз было лучше.

— Ой, не начинай. Рыжие уже давно вышли из моды. Сейчас популярны необычные цвета, которых не достигнешь простыми методами. К примеру, ваша королева разгуливает по своему дворцу, поправляя сиреневые косы, и надеется, что кто-то обратит на нее внимание. Жаль ее. Никто ведь не обратит: она сама запретила страже на себя смотреть. А господин герцог побоится высказывать ей свое мнение, поэтому заверит, что Ее Величество — самая прекрасная женщина на свете. И будет терпеливо ждать, пока ее волосы снова примут нормальный цвет.

— Ты неплохо осведомлен в делах королевы, — растерялся я.

Шаир пожал плечами, опустил правый уголок губ:

— В ее дворце происходят интересные вещи.

— Это какие же?

— Присядь, Рожденный в Снегу, — попросил дух, подавая пример. Смотреть на него сверху-вниз оказалось неудобно, поэтому я послушался и сел. Шаир улыбнулся, поймал мой взгляд и сказал: — Разговор недолгий, мне просто стоять лень.

— Ты в своем стиле, — серьезно ответил я.

Улыбка парня стала еще шире. Опущенный уголок губ поднялся обратно: дух растерял всю свою серьезность, пока готовился к разговору. Зато моя осталась на месте, поэтому Шаир уже спустя минуту погрузился, нахмурился и поинтересовался:

— Что именно ты хочешь узнать?

— К примеру, — начал я, кивнув на Симу, — Не врет ли мне эта девушка.

Дух в человеческом теле покачал головой:

— Нет. Не врет.

— Забавно. — Особой радости я не ощущал, но отступать было поздно. — И про духа правда?

— Какого духа? — удивился Шаир.

Я нахмурился, но непонимание в его глазах не было поддельным. То ли дух действительно не знал подробностей нашего разговора, то ли главе воинов Альна покровительствует вовсе не потусторонняя сущность. Мысль о том, что Сима могла допустить ошибку, я сразу отмел: иначе Шаир сказал бы, что в ее словах была доля неправды. Поэтому я открыл сумку, заглянул в ее мрачные глубины и осторожно вытащил на свет божий пергамент, на котором девушка изобразила "хризантему".

— Ты можешь сказать, что это за символ? — осторожно спросил я, наблюдая, как вытягивается лицо собеседника. Судя по всему, сказать он мог, но очень не хотел этого делать. Мне пришлось настаивать: — Ша, мне нужно это знать. По-другому мы не выпутаемся. Повелители — это хорошо, особенно если у них действительно такая замечательная магия. Но эту сущность надо изгнать. Иначе братство воинов возьмет под свой контроль королеву, а нам это вряд ли сулит что-то хорошее.

— Этот символ, — начал Шаир, с таким видом возвращая мне пергамент, будто надеялся, что я его сожгу, — Принадлежит вовсе не сущности, Рожденный в Снегу. Для моего мира он так же опасен, как для твоего. Это метка высшего демона.

Я тихо возрадовался, что слушал его сидя. По спине пробежало стадо мурашек, испугалось, что на новой территории его ждет что-то еще более ужасное, и промчалось в обратном направлении. Я прикусил нижнюю губу. Высший демон...

Каждая религия нашего мира, каждая история каждого Бога неизменно гласит: существуют Ад и Рай. Эти легендарные места созданы специально для людей, чтобы после смерти либо вознаградить их за достойную жизнь, либо, наоборот, наказать, чтоб не расслаблялись. И если Ад представлялся мне чем-то вроде скопища огромных залов, где ходить можно только по стеклу, удовольствие извлекать из увечий и морально расти исключительно за счет издевательств над другими, то Рай казался воистину пугающим местом. Подумать только, попадешь туда — и все проблемы исчезают, как по мановению волшебной палочки! Живешь спокойно, слушаешь песни ангелов, учишься играть на арфе — и потихоньку деградируешь, потому что больше учиться там нечему. Не с чем бороться. Не над чем думать. Знай гуляй себе по цветочным полям, напевай божественно правильные песни и не вздумай искать себе приключений, потому что это недостойное занятие для такого святого существа, как ты. Это ж можно от скуки помереть — или превратиться в

тупое животное.

Так вот, и в Аду, и в Раю обитают сверхсущества, которые превосходят по силе даже вампиров Безмирья. В Аду это демоны, которые имеют так много подвидов, что перечислять их можно до бесконечности. Названные Шаиром высшие — самые сильные. Именно с ними люди заключают договоры, где ценой за богатство, высокий чин, уничтожение города, проклятие врага или черную магию является человеческая душа.

Рай же щедро предоставляет миру ангелов. Это светлые, добрые, очень сильные существа, смысл существования которых заключается в... музыке. Ангелы чтят ее, как единственное бессмертное творение людей. Когда я учился на третьем курсе, Оарн утверждал, что видел Рай во сне — и слышал тамошнюю музыку, окутывающую разум нежной пеленой и баюкающую его, словно ребенка в колыбели.

— То есть, — сделал вывод я, — Я очень-очень зря влез в эту историю, да?

— Да, — согласился Шаир. — Но отступать уже поздно, поэтому терять тебе нечего. Демону вряд ли интересна возня с повелителями. Если бы ему пообещали что-то по-настоящему стоящее, вы бы не добрались до этого леса.

— О, меня это очень утешает. Особенно если учитывать, что глава воинов Альна не успокоится и все равно уговорит высшего что-то сделать.

— Вы в этот момент будете уже далеко.

— Если сумеем вытащить повелителя из твоего мира — да. А если нет, можно будет вообще никуда не идти, — пожал плечами я.

— Из моего мира? — удивился Шаир.

Я красноречиво покосился на Симу. Дух тоже на нее посмотрел и обеспокоенно нахмурился.

ГЛАВА 7,

в которой я знакомлюсь с огненным фениксом

Шаг. Второй. Третий. Одно слово, произнесенное коротко и резко — как удар мечом по незащитному противнику. Который так безропотно терпит наносимые ему увечья, словно уже давно мертв.

Лезвие агшела подернулось мутной полупрозрачной пленкой. При соприкосновении с землей клинок шипел, как живой, и оставлял за собой черную выжженную линию. Уже не первую: рядом с опушкой обнаружилась вполне пригодная для ритуала поляна, и на ней тут же расцвела хищная пятиконечная звезда. Сейчас я добавлял к ней основные символы, нараспев читая активирующее заклинание.

Лучи медленно загорались, наливаясь блеклым зеленым огнем. Сима, стоящая напротив меня, с интересом наблюдала, как языки пламени подбираются к ее ногам. За ней с не меньшим интересом следил Шаир, на губах которого играла легкая, удивительно добродушная улыбка. На такой куда легче подловить какую-нибудь бабулю, а не духа-убийцу, но факт оставался фактом.

После того, как Сима проснулась, мне пришлось пожертвовать для нее один амулет из своих скромных запасов. Благодаря маленькой зеленой стекляшке, свободно болтающейся на шее, повелительница смогла видеть духов. Пока что все ее впечатления ограничились моим приспешником, так как шьероны, таркоты и прочая лесная живность уже отошли ко сну. Но

будущий переход в потусторонний мир обещал ярко впечататься в ее память, поэтому с ритуалом я не спешил. Каждое мое движение, каждый новый виток символа были до того четкими и выверенными, что под конец я поймал на себе умиленный взгляд Шаира. Иронично хмыкнул, поняв, что он издевается, и поставил четыре точки над перекрещенной буквой "Г".

— Сойдет, — сообщил я, выпрямляясь. Сима натянуто улыбнулась, ожидая грома и молний, но их не последовало. Наоборот, огонь по линиям рисунка погас, и на поляне наступила нехорошая тишина.

Девушка озадаченно посмотрела на меня. Я поднял ладони (вернее, одну ладонь и кулак, так как в другой сжимал рукоять агшела) и пояснил:

— Это еще не все.

— Ага, — подтвердил Шаир. — Магия Смерти состоит не только из рисунков и слов, детка. Без платы мои агрессивные братья не пропустят вас в наш мир.

— Платы? — растерялась Сима.

— Ага, — повторил дух, переводя взгляд на меня. — Давай ложись, что ли.

Я не обратил на него внимания: торопиться все равно было некуда. Парень-повелитель либо очень талантлив, либо уже мертв, и еще пару минут в любом случае подождет. Поэтому я стянул через голову ножны на ремне, в которых болтался меч, и начал медленно расшнуровывать рубашку. Сима наблюдала за сим действием с немым вопросом в глазах, на который я не собирался отвечать. Увидит сама.

Ножны, которые я передал Шаиру, глухо звякнули о землю за границами Круга. Справившись со шнуровкой, я лег на землю, устроившись так, чтобы моя голова и ноги находились в двух противоположных лучах пентаграммы.

— Что он делает, забирает меня Аларна? — не выдержала Сима. Судя по ее лицу, девушка была готова в любой момент сорваться с места и заставить меня встать, но Шаир грубо ее одернул:

— Заткнись и стой на месте! Вот так, детка, — уже спокойнее добавил он. — Просто стой и жди. Закрой глаза, если не нравится.

Дух убедился, что повелительница подчинилась, и с жадным вниманием уставился на меня. Я занес агшел над своей грудью, острием вниз, и спокойно поинтересовался:

— Скажи, Сима, а как Шейн переходил из одного мира в другой, не принося жертвы?

Девушка открыла рот, но не издала ни звука. Потом закрыла. Потом с такой обидой на меня посмотрела, что мне захотелось извиниться и быстренько закончить разговор.

— Повелители имеют в нашем мире особый статус, — пояснил мне Шаир. — Их кровь слишком ценна, чтобы проливать ее в Ведьминых Кругах. Поэтому духи принимают их появление в мире, как должное, неизбежное. Вот вроде и противные ребята, и загрыз бы с удовольствием, но нельзя. За это могут так щелкнуть по носу, что полсущности отшибет. Восстанавливайся потом — и материально, и с точки зрения нервной системы...

— Понятно, — кивнул я. На правый глаз упала прядь волос. Я так удивился ее появлению, что пальцы, сомкнутые на рукояти агшела, ослабели. Клинок коротко блеснул, как промелькнувшая в воздухе стрекоза, и вошел в мою плоть, как в масло.

Мне ни разу не удавалось понять, чувствую ли я что-то в этот момент. Тело словно переставало мне принадлежать, и все восприятие мира угасало на корню. Только спустя секунду, невероятно растянутую и внезапно отпущенную, как резинка, в ушах гулко стукнуло, во рту появился привкус крови, и небо, которое я только что видел, исчезло.

Прозвучал крик, в котором не было ни одной эмоции, и превратился в знакомый непонятный напев. С минуту я падал в непроницаемую темноту, прислушиваясь к голосам духов, а потом их мир начал себя показывать.

Сначала появилось дерево. Если бы не серебряные, полнящиеся отблесками листья, оно напоминало бы березу. Потом возникла поверхность — не пол, не земля и не зеркало, а нечто, смутно напоминающее солнечные лучи. На этом чем-то стояла Сима, с таким видом глядя себе под ноги, что мне стало ее по-настоящему жаль.

За спиной девушки стоял Шаир, небрежно поправляя закатанные по локоть рукава куртки. Заметив меня, он приветливо кивнул и спросил:

— Куда теперь?

Сима резко обернулась, только сейчас поняв, что он все это время был рядом. Дух отсалютовал ей бровями, не отвлекаясь от своего занятия. Девушка перевела взгляд на меня, побледнела и подняла дрожащую руку, указав на мою грудь.

— Может... может, ты его вытацишь?

— А? — Я посмотрел вниз и увидел рукоять агшела. — Нет. Не время. Понимаешь, чтобы попасть сюда, надо остановить свое сердце, — добавил я в напрасной надежде ее успокоить. — Это прекращает все физические процессы в теле и начинает энергетические. Магии становится много, гораздо больше, чем в живом мире, потому что открывается пространство для дара. Это и есть плата. Духи пьют мою магию, пока я нахожусь здесь. Поэтому нам следует поторопиться.

— И... как нам найти Шейна? — тихо спросила Сима, отводя глаза.

— Представить его. Как можно ярче и точнее.

Повелительница кивнула и задумчиво нахмурилась. Ее синие глаза потемнели, приобрели жутковатый неживой цвет. В мире духов часто происходит подобное. Каждый меняется по-разному, в зависимости от своих внутренних качеств. Я, например, становлюсь более жестоким, хотя на моей внешности это никак не отражается. Вроде бы. Что изменилось в Симе, я с ходу понять не смог.

Шаир наконец разобрался с рукавами, шикнул на какого-то мелкого духа (тот с писком скрылся от греха подальше) и невозмутимо изрек:

— Он такой маленький, седой и синеглазый. А еще немножко больной на голову. Или не немножко. В общем, не стоит напрягать свои извилины, детка. Я проведу.

Сима так быстро повернулась к нему, словно хотела дать звонкую пощечину. А может, действительно хотела, но дух исчез и снова появился уже за ее спиной. Когда вконец раздосадованная повелительница его обнаружила, до нее явно успела дойти одна простая истина: очень глупо нападать на духов, находясь в их мире. Шаир-то мстить не будет (во всяком случае, пока я рядом), но кому-то другому может очень не понравиться издевательство над собратом, и тогда пиши пропало.

— Откуда ты знаешь, как выглядит Шейн? — неуверенно спросила Сима.

Шаир обворожительно улыбнулся и пожал плечами:

— Детка, этот мальчик так часто приходит сюда, что его знают даже лирны.

Дух протянул ей руку, и девушка неуверенно за нее взялась. Вторая ладонь Шаира досталась мне. Приспешник оглянулся, убедился, что свидетелей его самоуправства нет (кроме нас, конечно) и шагнул назад. Лучистая поверхность треснула под его ногами, и мы все провалились в сплошное царство яркого света, слепящего глаза. Лучи, почти такие же, как в Академии, закружились вокруг в безумном хороводе. Сима вскрикнула, попробовала

вырвать свою ладонь из пальцев Шаира, но дух вцепился в нее, как клещами, и только обидно рассмеялся.

Я буркнул что-то недовольное, и приспешник умолк, по-детски обиженно надув щеки. Мы продолжали... нет, не падать, а плавно скользить куда-то вниз, хотя яркому миру тепла и света не было ни конца, ни края. Мне уже начинало казаться, что зрение вот-вот плюнет на все и меня покинет, когда лучи вдруг исчезли, и наступила тьма.

Скольжение замедлилось, ноги наши опору. Шаир отпустил нас и брезгливо вытер руки о штаны.

— Наконец-то, — пробормотал он.

Никто ему не ответил. И я, и Сима были заняты тем, что наблюдали, как мир в который раз строит себя с нуля. Сначала появился пол — крупные черные плиты с множеством белых прожилок, напоминающих паутину. Потом вверх потянулись стены, обрезая бесконечное пространство до одного зала. На них с тихим шипением возникли подсвечники. Мертвенно-синие огоньки свеч сделали помещение еще более мрачным, чем оно было до этого. И наконец центр зала заволкло туманом, клубящимся, как живое существо. Когда он исчез, мы увидели резной столик, за которым сидел и невозмутимо смотрел на нас седой человек.

— Привет, Сима, — сказал он.

— Здравствуй, Шейн, — кивнула повелительница, решительно подходя к столу. Седой бросил на нее растерянный взгляд, но ничего не спросил. Поэтому Сима пояснила сама: — Это Хастрейн. Маг из Гильдии. И его приспешник, Шаир. Дух...

— Убийца, — продолжил Шейн, глядя на Шаира. — Я вижу.

В его голубых глазах отражались огоньки свеч. Парень выглядел ужасно: худой, даже тощий, с хищно заострившимся лицом и такой потерянный, будто плохо понимал, что вообще вокруг происходит. Долгое пребывание в мире духов явно не пошло ему на пользу, будь он хоть тысячу раз повелитель.

— Вытаскивай нас, Хаст, — лениво посоветовал Шаир.

— Да, — односложно ответил я, касаясь рукояти агшела. Медленно-медленно, как во сне, я начал вытаскивать клинок из своей груди. Потусторонний мир стал стремительно таять, образы повелителей размыло, как нарисованные на стекле. А потом все исчезло, только сердце оглушительно стукнуло раз, другой и забилось, словно запертая в клетке птица.

Когда я открыл глаза, мне почудилось, что в кронах деревьев кто-то есть. Кто-то, из-за кого смолкли птицы и пропал ветер, с опаской затаившись где-то у самой земли. Однако не успел я встать, как эта иллюзия пропала, и в лесу прозвучала первая неуверенная трель. Ее тут же подхватили крылатые сородичи, и все вокруг наполнилось звуками. Будь лес чашей — они переливались бы через край.

Шаир сидел на самом краю луча пентаграммы и с интересом наблюдал за Симой, которая помогала Шейну подняться. Вернее, пыталась помочь. Парень, хоть и держался за ее руку, приводить тело в вертикальное положение не торопился и мелко дрожал, как от озноба. Я ругнулся и подошел ближе, отеснив повелительницу в сторону.

Один рывок — и Шейн уже стоит, пошатываясь и глядя на меня безумными глазами. Я как-то сразу сообразил, что сейчас от него не стоит ждать добра, и легко уклонился от первого удара. Повелитель, вложивший слишком много силы в замах, дернулся вперед и тяжело рухнул на колени. Всхлипнул-выдохнул и снова поднялся, на этот раз — без

посторонней помощи. Взгляд голубых глаз стал еще безумнее.

Сима испуганно охнула и отшатнулась подальше. Шаир, наоборот, приблизился.

— Не бойся, детка, — посоветовал он девушке. — Это естественное состояние. После долгосрочных визитов в наш мир людей иногда и похлеще разносит. Если они находят выход, конечно. Десять-двадцать минут, и твой дружок придет в норму.

Я буркнул нечто согласное. Дар, тело и разум, ослабевшие после ритуала, подчиняться мне толком не хотели. А вот у Шейна энергии было хоть отбавляй, и он не замедлил ею воспользоваться.

Парень развел руки, закрыл глаза — и над поляной воспарил огненный феникс, заглушив своим криком птиц. Пернатые поняли, что сегодня не их день, и разлетелись кто куда — мы услышали только торопливый шелест крыльев. Сима закричала, что надо уходить, пока Шейн не вошел во вкус. Я был полностью с ней согласен, поэтому начал быстрое отступление к деревьям. Рядом промелькнул радостно улыбающийся Шаир. Дух, как и всегда, брал от жизни все, не заморачиваясь страхом, но и не пренебрегая осторожностью.

Лес встретил меня неприветливо. Несколько веток больно хлестнули по лицу, под ноги попался корень. Я упал, сдавленно выругался и обернулся. И обомлел.

Убегать не имело смысла. Огненный феникс сел на землю, не причиняя вреда ни деревьям, ни траве. Шейн осторожно гладил его по голове, как любимого домашнего питомца. Парня, похоже, совсем не смущало то, что каждое перо птицы было языком пламени. Его лицо стало спокойным, даже умиротворенным. Не осталось и следа безумия. Поймав мой взгляд, повелитель виновато улыбнулся и пожал плечами, мол, не держи зла, я не специально.

Я выругался еще раз, чтобы отвести душу, и вернулся на поляну. Феникс встретил меня настороженным присвистом, на который Шейн ответил схожим, но более мелодичным звуком. Птица повела крыльями и исчезла, оставив после себя скопище кружащихся в воздухе искр. Через пару минут не стало и их.

— Извини, — сказал повелитель. — Сам знаешь, после мира духов люди себя не контролируют.

— Ерунда, — отозвался я. И не смог сдержать любопытства: — Что это за заклятие?

Седой улыбнулся и протянул мне сжатую в кулак ладонь. Разжал пальцы. На молочно-белой коже ярко мерцала единственная пойманная искра, эдакое подобие небесной ночной звезды.

— Это не заклятие. Это существо Ветра.

— Странно. Очень напоминает огненную стихию, — съязвил я, думая, можно ли взять искру из ладони Шейна. Парень, сам того не заметив, дал отрицательный ответ: бережно спрятал ее в карман, еще и хлопнул по нему для верности.

— Правильно, — согласился он. — Существа Ветра могут принимать любое обличье. Огонь, вода, земля, воздух — это все не так важно. Где Сима?

Резкая смена темы меня несколько удивила, но настаивать я не стал.

— Наверное, успела отбежать подальше. Мы думали, что ты нападешь.

— Я собирался, — честно признался Шейн. — Поэтому и позвал феникса. Он меня успокаивает.

— Голос у него не очень, — буркнул я, вспоминая крик огненной птицы. Очень жаль пернатых, разлетевшихся с поляны — вдруг после такого представления они все умерли от

разрыва сердца?

Шейн удивленно на меня посмотрел. Сейчас его глаза казались почти детскими, столько в них было наивности и непонимания. Мне подумалось, что он сейчас спросит нечто вроде "почему люди дышат?", но парень сообразил, что я хоть и маг, но не повелитель, и пояснил:

— Фениксы поют только перед смертью. Я думал, ты знаешь.

— А я думал, что они вымерли еще полвека назад, — пожал плечами я.

Повелитель нахмурился, но ничего не сказал. Да и смысл? И он, и я понимали, что призванная им птица не была настоящей. А остались ли настоящие — не знал никто, кроме разве что духов. Можно спросить у Шаира, но слишком страшно услышать "нет".

Приспешник, будто почувствовав, что я о нем думаю, вышел на поляну. Шейн с интересом наблюдал, как он приближается, сунув руки в карманы и насвистывая какой-то замысловатый мотивчик. Дух же обратил на повелителя не больше внимания, чем на букашку, прошел мимо и скрылся в кустах.

Я вздохнул. Шаир всегда так себя ведет. Когда из людей рядом нахожусь только я, он шутов, весел и надежен. Когда же людей становится больше двух, у него словно что-то переключается в голове, и дух превращается в развязного и ироничного психа. Так что самое время отправить его с каким-нибудь поручением — например, передать Оарну и Сулшерату, что я в порядке и проблем пока нет.

Спустя еще несколько минут из-за деревьев вышла Сима. Девушка недовольно хмурилась и прямо-таки излучала желание кого-нибудь задушить. А может, не кого-нибудь, а всех. Под ее взглядом Шейн поежился и отступил на несколько шагов назад. А потом еще на несколько. И еще, пока не закончилось свободное пространство и путь к отступлению не преградил подлый древесный ствол.

— Я совсем не... — начал повелитель, но Сима его перебила:

— Совсем не хотел показаться нам недружелюбным? Мы в курсе. Но из-за тебя я влезла в какие-то колючие заросли, — девушка провела пальцем вдоль свежей царапины на щеке, — И теперь жажду крови. Желательно твоей.

— Нельзя смешивать кровь повелителей, — жалобно пробормотал Шейн, пытаясь вжаться в дерево и стать его частью. Я с трудом сдержал смех, наблюдая за этой случайной пародией на дриад.

— Да мне все равно, — рыкнула Сима и обернулась ко мне. В ее взгляде возникла рассеянность, а потом — задумчивость. Наверное, она сочла, что будет нехорошо убивать Шейна при свидетеле, потому что отошла. Но смотрела она на него по-прежнему недобро, поэтому на приказ открыть портал в Айл-Минорские графства парень отреагировал с огромным энтузиазмом.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я нахмурился, наблюдая за тем, как он чертит на земле руны перехода. Отправляться ли мне с повелителями — или возвращаться в привычную колею, странствовать по Велиссии и не думать ни о чем, кроме нежити, гонораров и местах, где можно купить или починить необходимое снаряжение? Ответа у меня не было. С одной стороны, нечестно бросать их теперь, когда я знаю о высшем демоне и маразме (тоже, кстати, высшем) в рядах воинов Альна и голове королевы. С другой... Что, если со временем я стану для них бесполезной обузой? Конечно, обо мне с моими способностями сложно такое сказать, но если магия повелителей действительно столь хороша, как о ней говорят...

— Готово, — сообщил Шейн, замыкая сложный узор. Многострадальная поляна, испещренная символами, приобрела крайне необычный вид.

"Вот когда стану обузой, тогда и подумаю", — решил я.

От того места, где рунная вязь начиналась, до того, где она заканчивалась, протянулась сизая дымка. Шейн шагнул в нее и исчез. Из кустов заинтересованно выглянул Шаир, поймал мой взгляд и вопросительно приподнял бровь.

— Убери здесь, когда мы уйдем, — попросил я. Дух разом погрузился, и я торопливо добавил: — А потом отправляйся в Тальгару. Найди Оарна и Сулшерата. Каждому скажи, что я в порядке, но глава воинов Альна заключил союз с высшим демоном, и всей Велиссии, возможно, скоро будет весело. От себя ничего не добавляй, будь так добр.

Шаир деловито кивнул.

— Ты ведь пойдешь с нами, правда? — поинтересовалась Сима, подходя ко мне. Шейна рядом не было, поэтому взгляд повелительницы значительно подобрел.

— Мне интересно, что будет дальше, — честно ответил я. — Но не волнуйся. Когда мое присутствие вам надоест, я уйду.

— Разве может кому-то надоест общество некроманта? — улыбнулась девушка. — Да и мы перед тобой в долгу. Сначала ты спас меня, теперь Шейна.

Ну да. Разумеется. Знакомая песня. Это, конечно, приятно, когда люди тебе благодарны и не боятся признать, что ты здорово им помог. Но иногда эта благодарность переходит всякие границы, а мне бы этого очень не хотелось. Поэтому я поспешил сменить тему:

— Зачем вам в Айл-Миноре?

— Там живет третий повелитель, — пояснила Сима. — А если нам повезет, то и Лефранса тоже уже там. Поэтому, думаю, стоит поторопиться. Иначе они забеспокоятся и натворят... чудес.

С этими словами она отвернулась и, не дрогнув, шагнула в пространство портала.

ГЛАВА 8,

в которой повелители задумывают гадость

В Академии порталам отводилось целых шесть учебных часов. Мы изучили не только принципы их постройки и выбора направления, но и биографии первых магов, решившихся попутешествовать столь экзотическим способом. Их постигла не самая завидная судьба: кому-то оторвало руку, кому-то ногу, кто-то лишился зрения (ибо только Боги имеют право комкать пространство!), но Сулшерат называл эти лишения сущей мелочью по сравнению со сделанным магами открытием. Ну не знаю. Я бы на их месте дождался рождения того психа, который составил окончательный вариант рун перехода, и только после этого начал бы рисковать.

Сейчас порталы так прочно вошли в обиход, что маги выделили три способа их использования. Первый — и самый простой — создавался выплеском чистой энергии, который пробивал дыру в пространстве. Таким образом маг на время выходил из мира, подправляя получившееся измерение таким образом, чтобы оно вывело в необходимое место. Этот способ часто использовали во время войн, когда было выгодно на время исчезнуть и снова появиться под самым носом у врага. Второй же состоял из узоров, нарисованных в двух местах: точке входа и выхода. То есть маг договаривался со своим

коллегой из другого города, оба по пять минут занимались художествами, а потом один сводил все эти труды к одному единственному шагу, коий выбрасывал его на голову ожидающего. И, наконец, третий способ — самый надежный — это те самые руны перехода. Несмотря на то, что придумал их маг, которого приняли за безумца, руны работали, как часы: не отклоняясь ни на сантиметр от точки выхода. Чертили их только в одном месте, а в другом рисунок проявлялся сам по себе. Между точкой входа и выхода образовывалось нечто вроде тоннеля, по которому человек проносился с огромной скоростью. Впечатления после такого "полета" всегда были незабываемые.

Вот как сейчас.

Вывалившись в какие-то кусты, я испытал дикое желание не вставать и полежать еще час-другой, пока не перестанет кружиться голова. Но меня весьма бесцеремонно поставили на ноги, отряхнули и скептически поинтересовались:

— Ты не часто пользуешься порталами, да?

— Предпочитаю ходить пешком, — пробормотал я, пока черно-белое пятно превращалось в Симу. — Или ездить на лошади. Но Светлячка я оставил в Тальтаре. Как знал, что придется... — я помахал руками, пытаясь передать девушке свои ощущения во время перехода, и тягостно скривился.

— Ничего, привыкнешь, — преувеличенно бодро ответила она. — Мне тоже сначала не нравилось. Но потом я оценила порталы по достоинству — экономия времени налицо.

— Да ну ее к дьяволу, такую экономию, — отмахнулся я. — Где мы?

Сима указала на шпили, которые возвышались над деревьями:

— Тинхарт живет там.

Я прикинул расстояние и одобрительно хмыкнул. С нашей стороны было бы невежливо вламываться к человеку во двор, а так и приличия соблюдены, и размяться после портала можно.

Под кустом, на который я упал, быстро таяли смутные очертания рун. За невезучим растением обнаружилась дорога: ровная, усыпанная мелкими светлыми камнями, она ввела к кованым черным воротам. Вокруг росли каштаны. Их листву вызолотил солнечный свет, превратив деревья в необычные драгоценные изваяния.

Шейн успел выбраться на дорогу, оценить ситуацию и начать нервно тереть кольцо с черным камнем, надетое на указательный палец. Судя по всему, украшение было амулетом, и я удивился, что не заметил его сразу. Сима нетерпеливо вытолкала меня в компанию к седому, а потом вышла сама. Оглянувшись, пошевелила пальцами и сказала:

— Мы здесь как на ладони. Пошли быстрее.

Шейн послушно зашагал к воротам.

— Ты думаешь, он все еще там? — хмуро спросил он.

— Он обещал нас дождаться, — ответила повелительница. — Значит, там. Если ты вспомнишь хоть один раз, когда Тинхарт не сдержал свое слово, я задушу тебя на месте.

Парень только равнодушно пожал плечами. Если он и помнил, то говорить об этом Симе явно не хотел. А учитывая ее обещание, был абсолютно прав.

До ворот мы добрались быстро. Вблизи оказалось, что тяжелые черные прутья загнуты в гротескной попытке изобразить драконов. Крылатые ящеры были сами на себя не похожи, так что я не удивился, что изначально композиция показалась мне бесформенной. Хочешь выделиться — будь добр сделать все в лучшем виде, а не абы как.

Я с таким недовольством разглядывал прутья, что не заметил, как с той стороны к

воротам подошел слуга. Он был одет в легкую серую рубашку и широкие штаны. Длинные каштановые волосы были заплетены в косу, четвертой прядью в которой выступала черная лента с золотым узором. Слуга окинул нашу компанию внимательным взглядом, молча кивнул и вытащил из кармана штанов связку ключей.

— Рад вас видеть, господа, — сказал он, открывая одну створку.

— Мы тоже рады, Нару, — улыбнулась Сима, проходя во двор. — Есть новости?

— Только о том, что вы сначала попались воинам Альна, а потом неведомым образом от них сбежали, — пожал плечами Нару, терпеливо подождал, пока мы с Шейном зайдем, и закрыл ворота. Проверил тяжелый замок, удовлетворенно хмыкнул и сделал приглашающий жест.

Я окинул дорожку скептическим взглядом. Особняки знати меня вдохновляли еще меньше, чем города, так что торопиться не хотелось. Хотя жилище Тинхарта, надо признать, впечатляло — небольшой белый замок с тремя стеклянными куполообразными крышами, от которых тянулись в небо шпили. Узкие стрельчатые окна напоминали бойницы, а вход, в отличие от городских особняков, начинался не со ступеней, а с высокой плавной дуги, вершина которой превращалась в квадратную площадку перед настезь открытыми дверьми.

Особняк окружал сад, в котором не было ни одного дерева. Только кусты. Обрезать их, придавая форму, замковая прислуга не стала, так что растения радовали глаз веселой пышной зеленью. Между кустами росли низкие белые и розовые цветы, а под окнами вились причудливые клумбы с розами. Их запах перебивал все остальные и щекотал ноздри, но почему-то не раздражал. Только вызывал странные растерянные чувства. Слишком ярко вспоминался мой первый визит на городское кладбище Тальтары, где могилы богачей окружали желтые и красные розы. Ухаживать за ними приходили слуги живых наследников, но на мертвой кладбищенской земле цветы все равно погибали, ломались и сохли. Поэтому запах роз у меня ассоциировался с увяданием и тоской, которую можно почувствовать только у могилы. Пусть в ней покоится даже не родственник или близкий человек. Осознание того, что что бы ты ни делал, в конце от тебя все равно останется только холмик и горстка праха под землей, иногда кажется нелепым, глупым и... страшным. Даже для таких, как я, хотя я точно знаю — смерть совсем не такая, как принято о ней думать.

Мы поднялись по дуге, слуга услужливо распахнул перед нами двери и посоветовал искать хозяина в кабинете. Сима величественно кивнула и направилась в полутемный зал, полностью покрытый бело-розовым камнем. Потолок тонул во мраке, из которого выступали контуры витого светильника. Хозяин замка не стал заморачиваться ни мебелью, ни коврами, и я заподозрил, что к нему редко приходят желанные гости. Иначе зал был бы обставлен совсем по-другому, а не оставался пустым, будто повелитель любил томить недругов в ожидании, не оставив им даже картин или книжных шкафов для разглядывания.

Сима уверенно пересекла зал, открыла неприметную дверцу в углу и скрылась в неудобном узком коридоре. Идти — или, вернее, просачиваться — там можно было только по одному, и я предусмотрительно пропустил вперед Шейна. Не знаю, почему, но так мне стало спокойнее. А вот когда парень держался позади, мне казалось, что я упускаю из виду серьезную угрозу — особенно если вспомнить внушительную демонстрацию силы в лесу.

К счастью, коридор быстро закончился и вывел нас к очередной двери. Сима вежливо постучала, дождалась приглашения войти и незамедлительно вырвалась на свет божий, который после темного хода нас временно ослепил.

Проморгавшись, я разглядел просторную светлую комнату с огромной кроватью под

балдахином, обилием пушистых ковров и покрытыми резьбой стенами. Резьба вилась, переплеталась и превращалась во все такие же гротескные силуэты драконов, как на воротах. Под стенами стояло несколько заваленных свитками столов, закрытый дверцами шкаф и нечто угловатое, покрытое плотной темной тканью. Рядом с одним таким нечто и стоял хозяин комнаты, с вежливым интересом разглядывающий нас.

Он был невысок, широкоплеч и здорово напоминал воина в отставке. Золотистые волосы, что-то между желтым и рыжим, были завязаны в хвост на затылке, губы растянuty в неком подобии улыбки. Хищные желтые глаза подслеповато щурились, и в их уголках собрались едва заметные морщинки.

— Сима, Шейн, я рад вас видеть, — сказал повелитель, делая три шага навстречу. — До меня доходили не самые лучшие новости. Я не знал, что и думать.

— Все хорошо, Тин, — заверила его Сима. — Нам помог вот этот молодой человек.

Она кивнула на меня. Я встретился взглядом с Тинхартом и заметил, что вокруг желтых радужек вьется красная кайма. Он явно не был человеком, но определить расу без посторонней помощи я, как всегда, не смог. К тому же мужчина, заинтересованный моей скромной характеристикой, спросил:

— Сколько тебе лет?

— А? — растерялся я, ожидавший совсем другого вопроса. — Ну... Почти двадцать.

— И ты некромант?

— Да.

— Удивительно, — заключил Тинхарт, видимо закрепив за мной диагноз психа. — Но забавно. Вы, наверное, проголодались с дороги? Я прикажу накрывать на стол.

Не дожидаясь нашего ответа, он вышел из комнаты, используя для этого другую, парадную дверь. Я обернулся на ту, через которую пришли мы, и вместо створки обнаружил старинный выцветший гобелен. Силуэты на нем угадывались с трудом, но в комнате повелителя была только одна тематика: драконы, драконы и еще раз драконы. Только на гобелене они, в виде исключения, не были гротескными.

— По-моему, я ему не понравился, — сказал я, подходя к окну. Оно выходило на сад, и на месте Тинхарта я бы умер от тоски при виде раскинувшихся внизу роз.

— Ерунда, он на всех так реагирует, — отмахнулась Сима. — Когда мы встретились в первый раз, мне было шестнадцать, и Тин игнорировал меня неделю. А потом начал разговаривать, но называл меня не иначе как малявкой или непоседой. Считал себя великим покровителем, милосердно позволяющим жалкой мне путаться у него под ногами. Сначала было обидно, а потом я привыкла.

Представить себе, как повелительница терпит чьи-то насмешки, у меня почему-то не получилось. Поэтому я промолчал, отвернулся от окна и по примеру Шейна сел на первый попавшийся стул. Красочно представил, как сводчатый потолок комнаты рухнет нам на головы, и поморщился в надежде прогнать видение. Оно прогоняться не захотело и дополнило себя почти реальным хрустом костей, от которого меня мороз продрал по коже. Я мысленно проклял свое воображение и с трудом сдержался от призыва духа-хранителя, который не только охраняет, но и успокаивает. В крайнем случае подошел бы и порошок шегреды, но у меня его не было. Шегреда в Велиссии считалась большой редкостью и стоила огромных денег, поэтому приобрести ее было практически невозможно. Маги вроде меня часто ходили в гости к эльфам, которые выращивали в своих лесах столько ценных трав, что отдавали их за бесценок. Правда, с одним условием: не рассказывать об этом велиссим

торговцам. Пока что дураков не находилось, и Золотые Леса по-прежнему принимали магов радушно. Пусть эльфы и считались высокомерным народом, человеческое колдовство немало их забавляло, поэтому порой они вели себя не разумнее детей.

— Хастрайн? — неожиданно позвал Шейн.

Я посмотрел на него. На лице парня отразилась мучительная внутренняя борьба, в которой, похоже, победило любопытство.

— Что тебе известно о духах-пожирателях снов?

— То же, что и всем, — удивленно ответил я. — Высшие независимые сущности, которые не поддаются контролю и призыву. Убивают страхами и могут контролировать человеческие сны, показывая жертве как кошмары, так и нормальные видения. Насколько мне известно, пожирателей невозможно изгнать или уничтожить, даже если использовать ритуалы из черной магии. Сулшерат... мой наставник рассказывал, что у Крагарры Огненной, шестой правительницы королевства Шаэл, был в числе покровителей пожиратель снов, и именно его силой была выжжена Звезда Неповиновения между пятью основными городами. Вроде, все.

Шейн медленно кивнул и так нахмурился, что его брови почти сошлись на переносице. Сима с недоумением на него покосилась, но спрашивать ничего не стала. Я восхитился ее выдержкой, но сам промолчать не смог:

— А почему ты спрашиваешь?

— Я видел такого духа, — пояснил повелитель, не поднимая глаз. — Но не почувствовал его ауры. Вообще. Как будто передо мной было не живое существо, а пустое место.

— Показать тебе, я полагаю, не могло?

Шейн не ответил, только пожал плечами. Но мне подумалось, что если бы он сомневался в реальности пожирателя, то вопросов задавать бы не стал. Одно непонятно: что его удивляет? Дух по сути находился, что называется, "у себя дома", поэтому мог бродить где заблагорассудится. Может, его привлекла магия повелителя, а может, он просто решил поиздеваться над человеком, оказавшимся не на своем месте.

Сима оказалась умнее меня и сразу предположила худшее:

— Ты видел странные сны?

Шейн поднял голову, но никаких чувств в его глазах не отразилось. С минуту он молчал, задумчиво глядя на Симу, а потом ответил:

— Нет. Если ты помнишь, после возвращения в мир живых я еще не спал.

— Тогда почему тебя так беспокоит этот дух? — растерялась повелительница.

— Что-то происходит с моим даром, — удивительно спокойно пояснил парень. — Во время призыва феникса я этого не заметил. Но когда я составлял портал, магия тянулась через силу, будто что-то пыталось удержать ее внутри.

Я задумался. Про пожирателей снов было известно очень немного, и я понятия не имел, что дух мог сделать с даром повелителя. Особенно если вспомнить слова Шаира. "Повелители имеют в нашем мире особый статус. Их кровь слишком ценна, чтобы проливать ее в Ведьминых Кругах. Поэтому духи принимают их появление в мире, как должное, неизбежное. Вот вроде и противные ребята, и загрыз бы с удовольствием, но нельзя. За это могут так щелкнуть по носу, что полсущности отшибет". Может, пожирателю снов не страшны установленные кем-то законы? Или, что куда вероятнее, он хочет найти выгоду во всей этой истории с магами и демоном. В конце концов, почему демону можно развлекаться

в мире живых, а духу нельзя?

— Видеть дар другого человека могут только архимаги, — с сожалением сказал я. — Так что я ничем не могу помочь. Предлагаю дожидаться возвращения Шаира, если, конечно, он не устроит спектакль "дух-убийца, обиженный неблагодарным покровителем", и спросить у него, нет ли на тебе отпечатков магии пожирателя.

— Без проблем, — согласился Шейн. Впрочем, без особой радости, но выбора не было. Разве что вернуться в Тальтару и попросить помощи в Академии, где нас, скорее всего, тут же сдадут прямо в руки воинам Альна и их неугомонному демону.

Дальше разговор не клеился, поэтому я даже обрадовался, когда в комнату вернулся Тинхарт. Он пообещал нам, что завтрак скоро будет готов, и засыпал своих сообщников новостями из королевства. Мы узнали, что: а) Ее Величество королева издала закон, согласно которому каждый теперь обязан посещать храмы и выплачивать налог на их содержание; б) братство воинов рыщет по всей Велиссии в поисках Симы, искренне считая, что девушка сама разнесла экипаж; в) глава братства устраивает грандиозный праздник по случаю рождения сына, на который приглашена знать не только Велиссии, но и Гро-Марны, Лакрита, Эн-Норда и Айл-Минорских графств.

— То есть нам выпадает отличный шанс пошпионить, — заключила Сима, с немым вопросом глядя на Тинхарта.

Золотоволосый улыбнулся и кивнул, словно в мире не было вещи обыденнее, чем попытка поймать на горячем главу уважаемого и высокостоящего братства.

ГЛАВА 9,

в которой испытание выпадает моим волосам

Идея пробраться на праздник главы воинов Альна здорово увлекла повелителей: они начали готовиться за неделю, приводя в замешательство слуг и обитающего в замке призрака. Тинхарт познакомил нас с краткой характеристикой будущей жертвы: маг-стихийник по имени Зарат Ладор, вспыльчивый, но решительный, а местами даже жестокий. По слухам, в подвалах под его крепостью находилось нечто вроде инквизиторских застенков, где глава братства держал своих злейших и глупо попавшихся врагов. Повелитель почему-то считал, что излюбленным орудием убийства Зарата является железная дева, однако подтверждений этой теории не было. Зато она сподвигла всех к еще более тщательной подготовке, заставив задуматься о своем внешнем виде и поведении. Глава братства ни за что не должен был узнать Симу, да и насчет Шейна мы немного волновались, поэтому их ждали наиболее пугающие перемены. Тинхарту везло больше всего: этот повелитель был человеком известным, но о существовании у него магического дара не знал никто. Меня заставили ознакомиться с его "краткой" биографией, в ходе чего я узнал, что золотоволосый является потомком дриады и эльфа, носит титул графа (что и неудивительно, при учете места его обитания) и возглавляет Третью Союзную Армию. Причем возглавляет он ее неспроста: Тинхарт "воевал" на землях нынешнего ЭнНорда во время осады их северянами, и показал себя с наилучшей стороны. То есть каким-то святым образом сделал так, что дриады, жительницы долины, заключили с северянами союз, длившийся до сих пор.

Пока все готовились, подбирали наряды и не вызывающее подозрений оружие, я проводил время в подземных залах замка. Не то чтобы мне опротивел свет, просто под

землей было как-то спокойнее. Правда, сначала пришлось пережить приступ паники (что, если замок рухнет мне на голову?!) и несколько пообвыкнуться. Зато потом гулять по подземельям стало жуть как интересно: Тинхарт превратил их в некое подобие галерей с картинами, оружием, драгоценностями и книгами. Запрещенными книгами, что только прибавляло им привлекательности. Фолианты о черной магии и некромантии я читал взахлеб, узнав несколько интересных вещей. Во-первых, в истории все-таки были некроманты, воскрешающие людей. В книге приводился исправленный ритуальный рисунок, который я старательно перечертил и наконец испытал чувство гармонии. Исправлять больше ничего не хотелось. Во-вторых, можно было обойти правила о посещении мира духов во снах. В-третьих, я нашел отличную статью о пожирателях снов, которую торжественно вручил Шейну, а потом и проштудировал сам. Правда, вывод был неутешительный: эти духи выходили к людям сами, а их воздействие на них не оставляло никаких следов.

В тех же подземельях я познакомился и подружился с замковым призраком, милейшим созданием по прозвищу Град. Призрак поведал мне печальную историю своей жизни, про которую можно было написать небольшой роман с печальным концом. Причем роман из разряда эльфийских, так как в истории призрака присутствовали драконы, тройка заклинателей (в которую входил он сам) и другой мир, из которого парня выбросило после смерти. Град погиб в возрасте двадцати восьми лет, принеся себя в жертву ради окончания войны.

За день до праздника Сима начала меня преследовать, сначала намекая, а потом прямым текстом говоря, что мои волосы следует уложить. Аргументировала она это тем, что я и без торчащих во все стороны волос обладаю слишком приметной внешностью. Я не отказывался, но и соглашаться боялся: достигнуть гармонии со своим внешним видом для меня было чертовски сложно, а растрепанная прическа была неотрывным его атрибутом. Однако этой гармонией пришлось пожертвовать, так как Сима ОЧЕНЬ настаивала. К счастью, после моего согласия она оставила меня в покое, угрожающе пообещав, что это ненадолго — пока она не разберется с собой и Шейном. Однако я был рад и краткой отсрочке, зарывшись в книги с головой и беседуя только со стариной Градом. С ним же я совершал короткие вылазки в замковую кухню, где разживался едой и плохой репутацией среди прислуги.

Однако мой час все-таки пробил, и Сима выволокла меня на верхние этажи. Я ругался, грозился рассказать все Шаиру и пытался сбежать, но повелительница была непреклонна. Она затолкала меня в комнату с высоким, в мой рост, зеркалом, усадила в кресло и угрожающе занесла над моей головой расческу. Выглядело это так, будто палач вместо плахи забрел в лавку цирюльника, а тот попросил временно его заменить. И палач честно старался, убеждая своего клиента:

— Я аккуратно, честное слово.

— Ага, — мрачно кивнул я, косясь на палача, тьфу, на Симу. Она запустила расческу в первую же прядь, дернула на себя, выругалась и чуть не оставила на моей голове лысину.

— Ну у тебя и патлы!

— Какие есть...

Я зябко поежился, когда девушка начала перебирать волосы, в которых засели зубцы. Расческа не хотела выпутываться, но Сима была упрямее, поэтому спустя минут двадцать одержала победу. Разочарованная прядь тут же скомкалась в тяжелый клубок, который бесследно уничтожил радость повелительницы.

— Я схожу за маслом, — угрюмо сказала она. Видимо, это был план на крайний случай, и девушке совсем не хотелось так скоро его осуществлять.

— Каким маслом? — насторожился я, но ответа не дождался. Дверь за Симой захлопнулась, и я испытал жгучее желание быстренько смыться. На подходе к выходу оно почему-то ослабело, а потом, игнорируя створку, в комнату заплыл Град. В прямом смысле заплыл — призрак легкой сизой дымкой просочился сквозь стену, сформировался в полупрозрачную человеческую фигуру и сочувственно улыбнулся.

— Она не отстанет, Хаст, — сказал он, кивая на дверь. — Я видел, как она вчера готовила масло. Из корешков и каких-то грибов, — добавил он в ответ на мой вопросительный взгляд. — Толком посмотреть не получилось. Но то, что ты от нее не отвяжешься, пока твои волосы не будут ровненько лежать на плечах, — это факт.

— Ну спасибо, утешил, — с тоской протянул я. — Мне, между прочим, мои волосы дороги!

— А Симе очень не хочется оставлять тебя здесь, — печально вздохнул призрак. — Она считает, что я плохо на тебя влияю.

— Это еще почему?

— Говорит, ты проводишь слишком много времени с мертвыми. Как по мне, для некроманта это нормально, но она так не думает. По-моему, ты ей понравился.

— Угу, — буркнул я, вставая.

Понравился так понравился, мне-то какое дело? Хотя это странно. Обычно я вызываю у людей совсем противоположные чувства.

Наученный горьким опытом, к окнам я больше не подходил, бесконечно разглядывая покрывающую стены резьбу. Причину своей любви к драконам Тинхарт так и не назвал, пришлось догадываться самому. Догадка получилась неточной и не выдерживала критики. Суть ее была такова — эльфы всегда почитали крылатое племя, и эльфийская кровь в хозяине замка оказалась сильнее дриадской. Даже если это было не так, свою тягу к драконам золотоволосый не мог и не хотел пресекать, видя их повсюду. Порой они мерещились ему в чистом синем небе, и я поражался спокойствию, с коим слуги относились к выходкам повелителя. Люди, конечно, ко всему привыкают, но крик "дракон!!!", по-моему, звучит жутковато и в первый раз, и в сотню последующих.

Сима вернулась со старым черным котелком, в котором плескалось нечто зеленое. Я с опаской принюхался, но запах был вовсе не плох — мягкий и почти незаметный. Девушка на всякий случай угрожающе сдвинула брови, но, не дождавшись сопротивления с моей стороны, просто попросила сесть. Что я и сделал, краем глаза заметив, как Град снова растворяется и впитывается в стену.

— А из чего это... э-э-э... масло? — поинтересовался я, когда девушка нагло пристроила котелок на моих коленях.

— Тебе лучше не знать, — мрачно ответила Сима.

— Брось, я же некромант! — Я соорудил уверенную и заинтересованную рожу. Повелительница смерила меня подозрительным взглядом, нехорошо усмехнулась и сказала:

— Из осиновых корней и упырь-травы.

— О, — удивился я, — Необычная смесь.

Сима неопределенно хмыкнула, сложила ладони чашечкой и опустила их в масло. Оно набиралось в них неохотно и медленно, так что прошло около минуты, прежде чем "жидкость" переместилась на мою голову. Голове тут же стало холодно, и этот холод,

спустившись по шее, перебежал на спину и охватил лопатки.

Каждый опытный зельевар знает: ингредиенты с прямо противоположным эффектом лучше не смешивать. Осина считается верным средством от упырей, вурдалаков и прочей нежити, а вот упырь-трава, наоборот, нежить привлекает. Если же ее по глупости съест или нанюхается человек, результат будет плачевным. Превращения в упыря, конечно, не будет, но отупение и упадок сил гарантированы.

И вот теперь этой дрянью мажут мои волосы, чтобы они, черт возьми, лежали...

Спустя два часа я... или не совсем я? Пусть будет так: спустя два часа измененный вариант меня стоял перед зеркалом. И очумело пялился на произошедшие в собственной внешности перемены.

Рядом, гордая донельзя, устроилась Сима. В ее взгляде так и читалось ожидание похвалы, но я молчал. Молчал и смотрел на свое отражение, не желая признавать, что оно действительно мое.

А я-то думал, что меня не волнует внешний вид! Оказалось, я чертовски ошибся...

Волосы больше не торчали. Они аккуратно рассыпались по плечам, падали на лицо и даже перестали быть жесткими. Масло, пусть и было сделано по весьма странному рецепту, свое дело сделало. Только вот я не ожидал, что прическа так сильно влияет на внешность.

Единственное, что осталось неизменным — это глаза. Уже неплохо. Лицо же потеряло всю свою угловатость, и я стал похож на холеного аристократа. К счастью, только похож: мое отражение выглядело слишком дружелюбно для человека при власти. По словам Симы, это было плохо, так как меня собирались выдать за троюродного брата Тинхарта. За кого повелители хотели выдать себя, я пока не знал, тем более во внешнем виде девушки никаких перемен не произошло.

— Красавец, — заключила Сима, не дождавшись моей реакции.

— Ну спасибо, — угрюмо ответил я.

Во взгляде девушки засквозило недоумение:

— Тебе не нравится?

— Нравится, наверное. — Я сел в кресло, поймал первую попавшуюся прядь и начал ее теревить. — Просто к такому себе я еще не привык.

— Тебе и не надо привыкать, — пожалала плечами Сима. — Это всего на четыре дня. Потом ты либо снова используешь масло, либо продолжишь наслаждаться своими торчащими волосами. Почему они торчали, кстати?

По голосу девушки было непонятно, обиделась она или нет. Я понадеялся, что гневной тирады в адрес моей неблагодарности не будет, и ответил:

— Понятия не имею.

— Странно. Я думала, есть какая-то причина.

Может, и есть, мрачно подумал я. Только вот меня она никогда не беспокоила. В торчащих волосах есть один огромный плюс: они не лезут в лицо. С расчесыванием и стрижкой, конечно, возникают проблемы, но обычно мне на них глубоко наплевать. Я могу не стричься годами — волосы толком не отрастают, а вполне себе мирно торчат, не создавая никаких проблем. Разве что люди иногда странно на меня смотрят, но это может быть вызвано чем-то другим.

Сима подошла к двери, постояла рядом со створкой около минуты и тихо попросила:

— Сними, пожалуйста, амулет.

— Зачем? — насторожился я.

— Он слишком заметен. Его могут запомнить, — несколько виновато ответила она. — И потом узнать по амулету тебя. Нам это не нужно. Я не прошу тебя оставлять его здесь, — торопливо добавила девушка, видимо, опасаясь, что я откажу. — Можешь просто спрятать в карман.

Уже что-то.

— Хорошо, — согласился я.

Сима кивнула, нахмурилась и вышла из комнаты. Я задумчиво проследил за тем, как закрывается дверь, и поймал себя на том, что заплетаю недавно пойманную прядь в косичку. Косичка получилась тоненькая и слабая, а потому расплелась, как только я ее отпустил.

Снять амулет... Я поморщился, обозвал себя нехорошим человеком и осторожно вытащил серьгу. И в тот же миг нить, объединяющая меня с Шаиром, натянулась и лопнула, заставив меня вздрогнуть. Рука сама по себе дернулась обратно к уху, и мне пришлось сделать огромное... нечеловеческое усилие, чтобы не вернуть амулет на место.

Я не знал, сможет ли Шаир найти меня без серьги. Может, оно и к лучшему: внезапное появление духа-убийцы в бальном зале вызовет нездоровый интерес как к моей персоне, так и к повелителям, а "нам это не нужно". Тем более запомнить мага по приспешнику проще простого, даже если этот приспешник — стихийный элементал. Помню, как кто-то из магов-стихийников шутки ради впустил в наш корпус элементала воздуха, а Сулшерат изловил его и скрутил в бараний рог, злорадно пообещав, что найдет и приславшего его студента. И нашел, причем всего за час. Далее последовал скандал с деканом факультета стихийников. Сулшерат даже настаивал на отчислении провинившегося (если он сейчас магией разбрасывается, вы представляете, что из него вырастет?!) студента, но в итоге все ограничилось выговором и двухнедельным запретом на использование Дара.

Позже, недели через две, магистр читал нам лекцию о том, как узнать мага по приспешнику. Тогда мне казалось, что это чертовски сложно, тем более связь покровитель-приспешник иногда выходила за привычные рамки. После прохождения темы меня отправили на практику в Зверогрит, где бесчинствовал дух-сонник. Сулшерат клялся и божился, что он кому-то принадлежит, но в первый день мне казалось, что дух действует сам по себе. Пришлось приложить немало усилий, чтобы понять: связка была сделана случайно. Женщина-друидка родила мертвого ребенка, а потом, плача, обмолвилась, что отдала бы жизни всех детей ради одного единственного. И эти слова услышал сонник, взамен на живого младенца выторговав у женщины разрешение приходить в Зверогрит по ночам. Друиды, обычно нелюдимые и скрытные, попросили помощи у велисских магов, почти сразу получив меня — не очень умного подростка. Не очень умного, потому что я провозился со всей этой историей целых два дня, требуя то показать мне детские трупы, то познакомить с выжившими зверогритскими детьми. Я бы, наверное, так ничего и не понял, если бы не встретил на улице дочь той самой женщины. От нее так разило смертью, что казалось, будто девочка из племени тех самых мертвецов, которым покровительствует Аларна. Останавливать ее я побоялся, но почти сразу понял: именно из-за этого ребенка все началось. Чтобы сохранить девочке жизнь и не отдать ее мать под суд зверогритского Совета, пришлось заключить с сонником союз. Я позволил духу видеть мои сны, достаточно яркие для того, чтобы его заинтересовать. Убить некроманта такому духу не по силам, поэтому за свою жизнь я несколько не опасался. И очень надеялся, что мой обман не раскроется — перед друидами я все списал на стихийный выплеск энергии потустороннего

мира, который дети не перенесли.

Я поднялся, потянулся и выглянул в коридор. Убедился, что там пусто, и только после этого покинул комнату. Быстро пробежал по замку, никуда не заглядывая и надеясь никого не встретить, и спустился в милые моему сердцу подземные залы.

Галереи с оружием я прошел быстро — в последнее время там часто появлялся Тинхарт. Повелитель серьезно отнесся к выбору оружия, которое мы могли взять с собой, но среди множества мечей, секир, ножей, кинжалов, стилетов и прочего, прочего, прочего быстро потерялся и запутался. К счастью, сейчас он отсутствовал, так что в подземную библиотеку я пробрался незамеченным.

Библиотека была знатной, под стать своему владельцу. Высокий сводчатый потолок, белые стены и множество стеллажей. Резьба в виде драконов вилась повсюду, даже по мебели: видимо, здесь Тинхарт потерял над собой контроль. На стенах виднелись подсвечники, покрытые пылью — живое освещение уже давно заменял синий магический огонь, ярко горящий почти у каждой полки.

Бродить вдоль стеллажей я не стал. В углу стоял стол, заваленный книгами. Заваливал его я, поэтому без колебаний плюхнулся на стул и обвел взглядом все свое "богатство". Подумав, я взял книгу о заклинательстве.

Оно заинтересовало меня после рассказов Града. В мире призрака заклинателями считались люди, способные приручать драконов. И их было чертовски мало (наверное, драконы сопротивлялись). В нашем же мире заклинатели работали с духами, но относились к ним с куда меньшим почетом, чем мы, некроманты. Если мы любили поговорить с потусторонними сущностями и предпочитали заключать с ними добровольные союзы, то заклинатели просто заставляли их себе подчиняться. Ни о каких покровителях-приспешниках и речи быть не могло: духи ненавидели заклинателей. Как и заклинатели духов, впрочем. А еще они не любили нас, потому что считали, что им достались жалкие отголоски нашего Дара. Мол, раз некроманты могут нормально работать с потусторонним миром, почему мы не можем? Обидно же.

Теперь я пытался найти что-то общее между заклинателями из мира Града и нашими. Может, наши на самом деле тоже должны приручать драконов, а не лезть в мир духов, который им враждебен? Однако понять это пока не получалось. Не помешала бы помощь призрака: если бы он показал мне хоть одно заклинание, разобраться было бы проще. Но я не терял надежду найти что-нибудь в книге.

Наверное, зря.

ГЛАВА 10,

в которой меня называют могильным червем

Утро перед праздником выдалось подозрительно тихим.

Я проснулся, совместил завтрак с дочитыванием книги и пополнил свой походный конспект несколькими полезными заклинаниями. Конспект, как и несколько его собратьев, обитал в моей сумке и с удовольствием впитывал в себя разного рода знания. Вот и сегодня он обрадовался, что я помню о нем и собираю всякие интересные вещи, и рисовал мне потешные мордочки в уголках страниц.

Поясню. Во время учебы в Академии я нашел одно полезное заклинание. Даже очень полезное. Оно позволяло превращать неодушевленные предметы в одушевленные, причем

настолько одушевленные, что было сразу видно: ты имеешь дело не с простой тетрадью, а с тетрадью, в которой живет чья-то душа. В моем случае — очень любопытная душа, как и в четырех тетрадях до нее. Заклинание было удобным еще и потому, что конспекты мог видеть только я и те, кому я разрешу — остальным они казались обычными чистыми тетрадями. Это создавало ряд преимуществ, в числе которых были и такие, как а) во время учебы у меня невозможно было списать; б) я был уверен, что выписанные мной заклинания не попадут в чужие руки и не устроят конец света; в) при обыске никто бы не догадался, что тетради имеют какую-то ценность; и г) мне просто нравилось, что у меня есть любопытные души в сумке.

После завтрака тишина и покой исчезли без следа. Тинхарт поднял всех слуг в замке и объявил, что до обеда должна прибыть какая-то важная гостья. Какая именно — он не сообщил, но я подозревал, что речь идет о четвертой повелительнице. Той самой, о которой упоминала Сима, стоя у портала в лесу.

Узнав новость от уже знакомого мне дворецкого, я отправился возвращать на место книгу. И с удивлением обнаружил, что замок больше не вызывает у меня ни отвращения, ни страха. Я привык даже к высоким потолкам, которые поначалу вызывали у меня панику, и резьбе на стенах. Гротескные драконы перестали казаться такими уж страшными. И вообще, покидать жилище Тинхарта мне совсем не хотелось. А признаваться в этом — тем более, так что книгу я отнес, потренировался в создании безразличного выражения лица и только после этого поднялся наверх.

Ну, почти поднялся. На лестнице я столкнулся с огненно-красным вихрем, который, врезавшись в меня, недовольно пискнул и голосом Симы сообщил:

— А я как раз тебя искала! Как волосы?

Задав свой вопрос, девушка выпрямилась и посмотрела на меня сверху-вниз. Это вообще очень удобно делать, когда стоишь на три ступеньки выше, чем твой собеседник.

— Э-э-э... — растерялся я, рассматривая девушку. Перемены, произошедшие с ней, были настолько велики, что узнать повелительницу можно было только по голосу.

Трогательное сердцеподобное лицо обрамляли огненно-рыжие кудри, которые, казалось, не расчесывали с самого рождения. Глаза цвета березовой листвы смотрели надменно и (как мне показалось) с толикой презрения. И только уголки губ неудержимо ползли вверх — я не сообразил, улыбнуться Сима хочет или рассмеяться. Она была одета в восхитительное зеленое платье в глубоком вырезом и широкими рукавами, один из которых из-за того, что девушка положила руку на перила, показался мне крылом.

— Что, нравлюсь? — улыбнулась Сима, демонстрируя мне левое ухо. По хрящу вплоть до мочки вислась причудливая серьга в форме ветви дикого винограда, на листьях которого произрастали явно чужеродные цветы. Серьга мне не понравилась, но обижать девушку не хотелось, поэтому я кивнул и сказал:

— Да, тебе очень идет.

Сима просияла. Даже веснушки на ее щеках как-то разом посветлели.

— Спасибо, — сказала она. И поинтересовалась: — А ты почему еще не одет?

— Наверное, потому, что мою дорожную куртку забрали "на постирать", — ляпнул я. — Да и как-то неудобно ходить по замку в верхней одежде. Кто знает, что обо мне люди подумают? Моя репутация и так изрядно пострадала.

— Почему? — удивилась Сима, уступая мне дорогу. Мы вместе пошли по лестнице вверх, и она подобрала юбку, чтобы не наступить на ее края. — Тинхарт о тебе хорошего

мнения. И прислуга, соответственно, тоже. Да и вообще, Хастрайн, какая куртка? Там же будет бал! Твою одежду уже приготовили, на кровати твоей лежит. Иди переодевайся, и побыстрее!

— Побыстрее? — уныло уточнил я. — Зачем?

— Потому что нам еще портал надо активировать и уточнить сценарий! — проорала девушка в конце лестницы, стремительно убегая через скупо освещенный зал.

— Какой сценарий? — тупо переспросил я, но она меня не услышала.

Я продолжил подъем и по дороге сообразил, что сценарий — это, наверное, наша легенда о том, что я — родич Тинхарта и так далее. "Так далее" — потому что продолжение истории мне было неизвестно. Повелители строили свои коварные планы втроем, заперевшись в комнате золотолового, и никого в них не посвящали. Но, видимо, час откровений наконец пробил, и вскоре я узнаю много нового и интересного.

Дверь в свою комнату я открывал медленно. Ну мало ли, вдруг парадная одежда взбесится и на меня нападет? И действительно — напала, но не одежда, а служанка, которую прислали, дабы помочь мне облачиться в это непонятно что.

— Ой, господин маг, наконец-то вы пришли! — завопила она, распахивая дверь и за локоть втаскивая меня в комнату. — Я уж вас заждалась! Скорее раздевайтесь, тьфу, то есть переодевайтесь, а то опоздаете!

Я хотел ей напомнить, что до праздника еще уйма времени, но не нашел в себе сил перебить вдохновенный девичий щебет. Убедившись, что я не собираюсь убежать и даже проявляю некий интерес к своему новому убранству, служанка тут же окунула меня в мир последних замковых новостей. Новости были неинтересные. Самым главным событием было то, что кучер собирался жениться на "жуткой толстой поварихе", которая "настолько толстая, что не пролезает в дверной проем". Я коварно спросил, на кой кучеру понадобилось такое счастье. Девушка замешкалась, и, пока она придумывала правдоподобный ответ, я осторожно, но настойчиво вытолкнул ее из комнаты.

Оставшись наедине с самим собой, я скептически посмотрел на предназначенные мне тряпки. К счастью, Тинхарт счел, что его троюродному брату необязательно блистать великолепием, а потому в число тряпок входили черные штаны, черные сапоги со шнуровкой и узорами на голенищах, белая рубашка с серебристой, почти незаметной вышивкой, изображающей сцепившихся драконов, и длинный черный плащ с глубоким капюшоном. Наверное, на случай дождя. Ну да, вдруг портал выбросит нас не там, где надо, а я без капюшона? Заботливо.

Расставаться с привычной одеждой не хотелось, но я подозревал, что если откажусь от предложенного образа, гнев Симы будет страшен. Поэтому я с неохотой натянул свой новый "костюм", зашнуровал сапоги и, перекинув плащ через плечо, вышел в коридор.

Спускаясь по лестнице, я с опаской поглядывал на голые стены. Коварная стратегия Тинхарта "так сдохни же ты от пустоты в этом замке" безотказно действовала не только на врагов, но и на... нет, в разряд друзей я не попадаю... ну, скажем, доброжелателей. Вот так ходишь по нежилой части замка, и как-то не верится, что тут есть такие замечательные подвалы и комнаты с драконами на стенах.

Только оказавшись в гостевом зале, я вспомнил, что понятия не имею, где искать повелителей. Поэтому сходил в кухню, где разжился информацией и бутербродом. Информация была не очень хороша — повар сказал, что Тинхарт и компания находятся в саду — зато бутерброд оказался просто чудом кулинарии. Большой кусок хлеба был до

половины (с математической точностью!) пропитан соусом, на котором покоились крупные куски мяса и мелкие кусочки свежих огурцов. Вкушая чудо сие, я неторопливо прошел через зал, спустился по дуге и с минуту постоял у входа в замок. Сначала бутерброд доел, потом осмотрелся. И обнаружил повелителей в беседке рядом с оградой, где они преспокойно пили чай и обсуждали грядущие перспективы.

Беседка, в виде исключения, была выкована не в форме дракона. Она была произведением искусства и выглядела, как раскрывающийся бутон. Ее даже покрасили по такому случаю, и на вид это было очень забавно: так, будто люди сидят в синем цветке, не подозревая, что лепестки в любой момент могут схлопнуться и их задавить.

Когда я присоединился к чаепитию, Тинхарт приветливо кивнул, а Шейн отсалютовал мне куском пирога. Первый повелитель выглядел великолепно — его одежда была выдержана в бело-зеленых тонах с редкими золотыми вставками. Второй меня немного разочаровал: я-то думал, что он изменится не меньше Симы. Наколдует себе брюхо и лысину, к примеру. А оказалось, что он просто заплел волосы в нечто очень сложное с множеством переплетенных между собой косичек и надел черную мантию с высоким воротником, как у храмовников Аларны. Или не как?

— ...Как я уже говорил, охраны будет немного. Зарат сам мне об этом сообщил. Сказал, что не хочет портить людям праздник, — задумчиво говорил Тинхарт, грея руки о чашку. Очень напрасно грея: начиналась жара. — Как по мне, это значит совсем другое. Он просто уверен, что демон не даст его в обиду.

— Но это глупо, — ответила ему Сима, опуская чашку на блюдце. — Всем известно, что демоны непостоянны. Они могут в любой момент наиграться и бросить человека одного... или почти одного. И тогда все его планы рухнут, как карточный домик.

— Не совсем так. Да, демоны непостоянны — но не когда их с человеком объединяет сделка. Так что Зарату и правда нечего бояться. Я не знаю, что он пообещал своему... защитнику, но это явно что-то очень ценное. Ладно, — кивнул своим мыслям Тинхарт и посмотрел на меня. — Теперь поговорим о нашем вранье.

— Я твой троюродный брат, — покладисто согласился я. — А этот вот — храмовник какой-то. Храмовник-еретик даже, — кивнул я на Шейна.

— Тут ты прав, — согласился тот. — Почти. Видишь ли, я приехал в ваши края из Морского Королевства, дабы приобщиться к традициям враждебных соседей. Не смешно, — добавил Шейн, увидев выражение моего лица. И продолжил: — К традициям приобщился, религии разведаль и влился в культ Аларны. С тех пор несу истину в человеческие сердца, в надежде искоренить злые помыслы и посеять повсюду мир, добро и любовь. К сожалению, человеческие сердца черствы, злопамятны и не любят признавать свои ошибки, поэтому в последнее время я несу свет истинной веры только тем, кто желает его видеть... или слышать, не суть важно, — пожал плечами Шейн, так крепко вжившийся в роль, что мне действительно стало не смешно. Я мало знал об этом человеке, но сейчас видел в нем истинного храмовника, свято уверенного в своей правоте. Если бы не фраза "не суть важно" — Шейн бы за милую душу сошел за своего.

— С этим разобрались. — Тинхарт воспользовался монологом друга, чтобы допить чай, и повеселел. — Теперь смотри.

— Куда смотреть? — поинтересовался я.

— На жену свою смотри, — улыбнулся повелитель. — Вон, сидит напротив. Красивая.

Если бы напротив меня сидел сам Тинхарт или Шейн, меня бы на месте хватил

инфаркт. Но перспектива замужества с Симой не показалась мне такой уж ужасной, и я легко согласился, что, пожалуй, эта женщина достаточно для меня хороша.

— Обо мне вы знаете, — продолжил золотоволосый, не реагируя на несдержанное хихиканье Симы. — Если что, на вопросы ответить сможете. Теперь запоминайте: вы приехали из ЭнНорда. Всё. Больше ничего о себе не рассказывайте, делайте вид, что это страшная тайна.

— Э-э-э... — растерялся я. — А разве люди живут в дриадских долинах?

— Живут, — подтвердил Тинхарт. — Там, где раньше был Риггс. Дриады построили там небольшой городок — якобы для приезжих. Если приезжие остаются насовсем, никто не возражает — так что вы, можно сказать, хорошо устроились.

Я помолчал. Подумал. Шейн и Сима ничего не спрашивали — значит, как я и думал, знали все заранее. То есть чаепитие затевалось исключительно для меня. Ну что ж, я польщен, но не очень. Бывали в моей жизни случаи и получше.

Не находя в своей голове достойных огласки вопросов, я совершил покушение на пирог и чай. Чай был чудо как хорош — все-таки в богатстве и титуле графа есть свои плюсы. Обычные люди себе такие напитки позволить не могут, а тут пей, сколько влезет. Чем я бессовестно и воспользовался.

Только через две чашки в моей голове появился достаточно умный вопрос. До этого времени повелители сидели молча — Сима пила чай, Шейн глядел в небо, словно надеясь, что Аларна снизойдет до общения с ним, а Тинхарт любовался розами. Что хорошего он в них нашел, я по-прежнему не знал, и сад золотоволосого продолжал напоминать мне кладбище богачей. А я хоть и люблю кладбища, но не настолько, чтобы жить на их территории.

— Так, — буркнул я, переводя взгляд на чайный осадок на дне чашки. Он напоминал то ли горы, то ли корабль. — Что мы имеем. Граф Ивэль прибывает на праздник к Зарату Ладору... кто он там у нас? Никто? Ну и славненько. Нечего всяким гадам титулы получать. Так вот, граф прибывает и прихватывает с собой троюродного брата, его жену и господина храмовника. И эта самая жена почему-то носит имя девушки-повелительницы, которая — о ужас! — сбежала от братства воинов Альна, которое возглавляет вышеупомянутый Зарат. Вы не находите в этом ничего странного?

— На самом деле не находим, — ответила мне Сима. — Потому что имени они моего не знают. Но Тинхарт предусмотрел возможную опасность и выдумал нам новые имена. Поэтому я — Лура, — (я с трудом сдержал смех) — ты — Шег, а он — Райн.

Я с большим сомнением посмотрел на Шейна:

— А почему это ему достался кусок моего нормаль... настоящего имени?

— Не придирайся, — скривилась Сима.

— Верно, — поддержал ее Тинхарт. — Очень глупо ограничивать конспирацию сокращением своего имени. Поэтому это самое сокращение досталось Шейну, а тебе, как бы взамен — его переименованное имя.

— Ясно, — не согласился, но плюнул на вопросы я.

Окончание и без того короткого слова утонуло в реве охотничьего рога. Я заподозрил, что это не рог, а рожище, и охотники везут его на телеге, а дуют так вообще вчетвером. Словно в ответ на мои мысли, рог проревел повторно и смолк, сменившись слитным возгласом повелителей:

— Ну наконец-то!

— Что наконец-то? — не понял я.

— Дело в том, — немедленно пояснил Тинхарт, — Что на вас моя компания не заканчивается. Сейчас ты познакомишься с графиней Эгшер.

Я хотел что-то спросить, но золотоволосый меня уже не слушал. Он встал и выскочил из беседки, как в задницу ужаленный. Сима и Шейн остались на своих местах, но обернулись в сторону ворот — те как раз распахнулись, и открывшего их Нару едва не затоптала белоснежная лошадь. Всадница, чье тело скрывали доспехи, а лицо — шлем, невозмутимо придержала поводья, и слуга успел спастись. Зато к лошади... тьфу, к гостю вышел улыбающийся Тинхарт — он преспокойно ссадил ее с седла и указал на нас.

Ходячий доспех посмотрел в указанном направлении, кивнул и угрожающе пошел вперед. Мелкие камни, которыми была усыпана дорожка, отчаянно хрустели под жуткими железными сапогами. Графиня Эгшер — а, судя по тому, что уже ворота закрывали, это была она, — дошла до беседки, села на лавку рядом с Шейном (ума не приложу, как ей это удалось при таком количестве железяк на теле) и сказала:

— Всем привет, а вот и я.

— Привет, — радостно откликнулась Сима. — Я так рада тебя видеть!

— Я тоже рада, — согласилась графиня, не удосужившись даже поднять забрало. — Здорово выглядишь, кстати. Не знала, что ты у нас Богиня маскировки. Шейн?

— Да?

— Неплохие косички. Сам сплел или помог кто?

— Если Аларна к тебе благоволит, ты можешь творить и большие чудеса, — флегматично ответил повелитель, игнорируя яростный взгляд Симы. Судя по всему, помогала Шейну именно она, и графиня это заметила.

— Умница, рыжая. Я знала, что сам он так не умеет.

Сима, к моему удивлению, польщенно улыбнулась. А я-то думал, что сейчас она прибьет графиню, даже не заметив доспехи. Однако та, наверное, была избранной. Назови Симу рыжей кто-то другой — девушка размазала бы его по стенке и потом с удовольствием ходила мимо кровавого пятна, ощущая неподдельную гордость за свое великое деяние.

Я улыбнулся. Повелительница немало меня забавляла.

Графиню моя улыбка чем-то оскорбила, и она подалась вперед, совсем не по этикету устроив локти на столе. Подперев шлем тяжелыми латными перчатками, она уставилась на меня пустым провалом на месте глаз. Я улыбаться прекратил и вопросительно приподнял бровь.

— Так-так-так, — сказала графиня, и из-под забрала ее голос прозвучал, как из погреба. — Кто принес эту гадость в дом?

— Никто не приносил, — пожал плечами я. — Гадость сама пришла.

— Леф, это наш друг, — вмешалась Сима. — Он меня спас. И Шейна тоже.

— Это потому, что Аларна мне благоволит, — с прежним равнодушием в голосе сказал седой. — Она поруководила действиями своего чада, пусть душа его и осквернена дьявольской гнилью.

— Фи, — я готов был поклясться, что графиня поморщилась. — Ты же знаешь, Шейн, я не люблю храмовников. И некромантов тоже, — добавила она, немислимым образом сжимая латную перчатку в кулак.

— Что поделать, чадо, — отозвался Шейн. — Пути господни нам понять не дано. Великая Богиня сводит своих чад во имя великих дел, и они должны принять это и

объединиться. Смири свою гордыню, и человек с оскверненной душой покажется тебе простым, как облако в ясном небе.

Графиня помолчала. Потом еще помолчала. В общем, пока она молчала и переваривала услышанное, в беседку вернулся Тинхарт и поллюбопытствовал:

— Ну как, драка уже была?

— Нет, — грустно ответила графиня. — Шейн посоветовал мне засунуть в задницу свою гордость и объединиться с этим могильным червем.

— Я не так сказал, — ревниво возразил седой.

— Да мне без разницы, — пожала плечами она. Доспехи встретили это действие дружным скрежетом. — В общем, так, червь, — обратилась ко мне графиня. — Я, конечно, постараюсь потерпеть и все такое, но если однажды ты проснешься с разорванным горлом, не удивляйся.

— Люди с такими ранами обычно не просыпаются, — равнодушно ответил я.

— Люди — нет. А некроманты могут.

— Значит так, ребята, — вмешался Тинхарт. — Или нет... — Он помолчал, размышляя, и решил, что проще воздействовать на каждого по отдельности: — Значит так, Леф. Ты неукоснительно следуешь совету Шейна и относишься к господину магу, как к равному. И уж тем более не называешь его могильным червем. Ясно?

— Ясно, — с неохотой согласилась графиня.

— Хастрайн, — перевел на меня взгляд золотоволосый, — К тебе у меня претензий нет. Разве что добавь к своей вежливости немного терпения. Лефранса вспыльчива, как и любое другое дитя племени нарвертов, и иногда теряет над собой контроль.

Я очень удивился, но постарался ничем этого не выдать. Если до слов Тинхарта я думал, что сам разберусь со стервозной графиней, то после них крепко в этом засомневался. Нарверты — это вампиры нашего мира, которые, впрочем, встречаются даже реже, чем твари из Безмирья. Но между теми и этими вампирами стоит непреодолимая пропасть. Наши кровопийцы — вовсе даже не кровопийцы и едят нормальную еду. Правда, об этом знают очень немногие, а потому нарвертов на всякий случай побаиваются. А вот вампиры из Безмирья — дикие существа, которые сходят с ума от близости человеческой крови. С этими лучше не связываться и быстро отправлять их туда, откуда они пришли.

И вот теперь оказывается, что четвертая повелительница — дитя племени нарвертов, вампирша. И это уже открытие, поскольку в Академии считают, что нарверты не владеют магией. Видно, для повелителей ветров сделали исключения и в этом — мол, пусть рождаются, кем хотят, лишь бы существовали...

Причина поспешных сборов и раннего переодевания в парадную одежду так и осталась для меня секретом. По-настоящему готовиться к празднику начали только под вечер. Тинхарт с Шейном выбрали один из залов (по их словам — тот, который не жалко) для начертания рун перехода. Меня с Симой оттуда выгнали, сказали, что обойдутся своими силами. Девушка посчитала, что так и должно быть, поэтому невозмутимо убралась в библиотеку. От нечего делать я пошел с ней и теперь бродил между стеллажей, разглядывая корешки книг.

Помимо тех, которые я прочел, здесь было еще очень много настоящих сокровищ. Но времени на них не оставалось, поэтому я не стал травить душу и начинать читать. Симу же такие мелочи не беспокоили, и она неудобно — так, чтобы не испортить платье и прическу

— устроилась на диване, закрывшись тоненькой красной брошюркой. Интересы ради я посмотрел на название. "Эльфийские кланы и КАК ИХ РАСПОЗНАТЬ". Я тут ж возгордился своей осведомленностью в этом вопросе, — эльфийские кланы отличали друг от друга по цвету волос, — но приставать к девушке с разговором не стал. Пусть читает и наслаждается лестными эпитетами в адрес остроухих. Заодно потренируется перед балом — вдруг там эльфы будут?

Мне вот интересно, почему праздники всегда превращают в балы? Устроили бы какое-нибудь веселье — так нет, танцуйте, сволочи... и делайте вид, что вам это нравится, даже если милые прекрасные дамы оттоптали вам все ноги.

Я понятия не имел, как танцует Сима. Но очень надеялся, что к концу вечера мои ноги останутся в целости и сохранности, поскольку они мне пока еще были дороги. Может, когда я стану дряхлым стариком, меня перестанут беспокоить такие мелочи — но и на балы тоже звать не будут. И буду я лежать, вспоминая, как отплясывал с рыжей зеленоглазой бестией, и попивать этолиту... Если к тому времени каким-то божественным образом разбогатею, конечно.

Очень скоро бродить мне надоело, и я сел за стол. Обвел взглядом разбросанные по нему бумаги, а потом ткнулся лбом в столешницу и закрыл глаза. Спать мне не хотелось, но с закрытыми глазами было спокойнее — как будто сквозь закрытые веки бредовость происходящего не могла до меня добраться. Как и страх перед возможным разоблачением, которого, попытался я себя убедить, не будет, НЕ БУДЕТ!

Хлопнула дверь. Поднимать голову мне не хотелось, так что я остался сидеть в прежней позе. И очень пожалел об этом, когда услышал голос графини-вампириши:

— Эй, малыши! Как я вам, а?

Я пробормотал, что новые доспехи ей очень к лицу, но на балы в них не ходят. Сима рассмеялась, а графиня с неподдельным удивлением в голосе воскликнула:

— Ты что, слепой? Какие доспехи?

— Ы-ы-ы, — в лучших традициях зомби протянул я и поднял голову. Нашел взглядом Лефрансу, неопределенно хмыкнул, но хвалить не стал.

Вместо меня это с энтузиазмом сделала Сима:

— Ой, как тебе идет! Просто прелесть!

Я тоже так считал, но признаваться в этом графине не собирался. После разговора в беседке мое желание общаться с ней исчезло напрочь, поэтому я ограничился вежливым кивком.

Лефранса оказалась хрупкой девушкой с роскошными каштановыми волосами и немного раскосыми карими глазами. По случаю праздника она надела черное платье с красным узором на правой стороне юбки. Узор странно сочетался с кулоном, расположившимся в ямочке между ее ключиц: большой камень, напоминающий рубин, казался каплей свежей крови на бледной коже Лефрансы. Когда вампириша направилась к Симе, по полу часто застучали невидимые из-за подола каблуки.

— Этот замок такой странный, — поделилась наблюдениями она, садясь. Сима вежливо потеснилась и отложила в сторону свою брошюрку. — Та крепость, в которой Тинхарт жил раньше, была лучше. Теплее, что ли. А тут пока до жилого крыла дойдешь, можно сдохнуть от тоски.

— Тинхарт на это и рассчитывает, — улыбнулась Сима. — Представь, придут к нему враги, которые не знают, что в замке есть жилое крыло. Придут, начнут его искать и

перемрут по дороге.

— Это вряд ли, — возразила Лефранса. — Враги, в отличие от друзей, часто бывают настойчивы.

— А это ленивые враги. И искать Тинхарта им лень, — выкрутилась Сима.

Вампирша пожала плечами и откинулась на спинку дивана. Судя по всему, она совсем не боялась ни платье помять, ни прическу испортить. Сима покосилась на подружку с завистью, но следовать ее примеру не стала. Люди не обладают и десятой долей вампирьей грации и легкости. Если платье Лефрансы еще могло спастись благодаря простому движению плеч, то у Симыного не было шансов. Поэтому повелительница осталась сидеть, и я прямо предчувствовал, что она будет портить наряд после бала, безжалостно его сдирая и падая в кровать.

Это если мы ни во что не вляпаемся, конечно.

И мои мысли, и грустные думы девушки прервал Тинхарт, заглянувший в открытые Лефрансой двери и сообщивший, что портал готов.

Сима тут же встала и выскочила из библиотеки, словно за ней гналась стая разъяренных упырей. Лефранса, наоборот, прошествовала мимо меня медленно и гордо, рисуясь. Мол, смотри, какая красавица мимо тебя идет! Только вот потанцевать с тобой она непременно откажется, потому что ты этот, как его, могильный червь.

Я отнесся к ее демонстрации с равнодушием. Настоящим, не напускным. Потому что Сима, простая и забавная, нравилась мне куда больше, чем надменная вампирша.

ГЛАВА 11,

в которой храмовник проявляет оригинальность

Я был безгранично удивлен, что портал выбросил меня не в очередные кусты, а в нормальный, освещенный магическими огнями зал. В его углу уже стояли Тинхарт и Лефранса, раскланиваясь с двумя мужчинами. Один был низеньким, круглым и лысым, сильно нервничал и постоянно вытирал лицо платком. Второй, наоборот, был высоким, стройным и невозмутимым, как раз под стать Лефрансе. Я даже понадеялся, что красота и обаяние вампирши сразят его наповал и он заберет ее себе, избавив меня от лишних хлопот. Однако стоило мне появиться, как внимание хозяев тут же переключилось на меня, и низенький выдал:

— А это, значит...

— Мой брат, Шег Ивэль, — улыбнулся Тинхарт.

— Очень рад, очень рад, — суетливо подскочил ко мне лысый и потряс мою руку. — Я Варг, господин Шег, очень рад знакомству.

— Взаимно, — рассеянно ответил я, глядя на второго мужчину. Тот посмотрел на меня так, словно я и правда был могильным червем, поэтому сразу мне не понравился. А тех, кто мне не нравится, я предпочитаю запоминать сразу.

Мужчина был одет в расшитый золотом камзол, как и все люди с манией величия. Его темные волосы были завязаны в "хвост" на затылке, а серые глаза выглядели как-то странно. Может, из-за того, что веки покраснели и припухли, а может, из-за того, что левая щека была щедро обмазана чем-то белым.

Зря он это. Лучше бы забинтовал.

— Господин Ивэль, — шелковым голосом произнес мужчина, отвечивая мне едва заметный поклон. Настолько едва заметный, что, будь я дворянином, непременно вызвал бы его на дуэль. Но дворянином я не был, а потому счел, что Зарату Ладору хватит и ответной грубости — я не поклонился вообще, хоть дружелюбную мину и сохранил. — Я рад приветствовать вас в своем доме. Господин Тинхарт сказал, что вы весьма сведущи в магии, — как ни в чем не бывало продолжил Зарат, улыбаясь появившейся в центре зала Симе. — Я буду рад, если вы найдете время обсудить со мной кое-какие детали. Видите ли, магическим даром я не наделен, но знать о нем все считаю необходимым.

— Всенепременно, — вежливо ответил я, про себя обозвав врага занудой. О великая Аларна, что может быть хуже, чем враг, планы которого будут строиться на трезвом расчете? Разве только враг, который заведомо слабее тебя — и все равно лезет.

Зарат удовольствовался моим ответом и отправился встречать Симу. А потом — Шейна, благо он появился в двух шагах от девушки. В адрес религии Зарат тоже высказался весьма заинтересованно и попросил повелителя уделить ему пару минут после праздника, все с той же целью "обсудить кое-какие детали". Шейн покладисто согласился, и мне стало бы жаль Зарата, если бы не его напускное дружелюбие.

"Раскланявшись" со всеми, хозяин замка отправил нас в бальный зал. И мы с облегчением туда рванули, надеясь, что со стороны это выглядит не слишком похоже на побег.

— Не нравится мне тут, — пожаловалась Лефранса. — Как будто дем...

— Тихо, — перебил ее Тинхарт. — Не говори... не говорите ничего лишнего, пока мы здесь. Даже если рядом нет никого чужого.

— Что ж, — голос Симы слегка дрожал, как и ее пальцы, которыми она вцепилась в мой локоть. — Здесь довольно мило.

Как по мне, это замечание было не к месту. Коридор, по которому мы шли, обладал такими "достоинствами", как низкий потолок, гобелены с какими-то монстрами на стенах и черный мрамор, из которого все поверхности и состояли. Желтые магические огни, развешенные в просветах между гобеленами, не придавали тепла даже на вид. Что уж говорить о большем.

Лефранса тоже нервничала, но после предупреждения Тинхарта молчала. Только кусала губы, и я наконец заметил ее клыки — четыре сверху и шесть снизу. И как она только ест? И как она только губы не прокусывает?!

Коридор повернул, и нам в глаза ударил яркий свет. Открытые двери в бальный зал коварно поместили за углом, чтобы новоприбывшие гости с минуту постояли под чужими взглядами, пытаясь проморгаться. Ну мы и постояли, ругая на чем свет стоит и Зарата, и архитекторов, чьим рукам и умам принадлежала здешняя планировка.

Проморгавшись, мы прошли в зал и разделились. Лефранса ушла с Тинхартом, Шейн смиренно встал у стены под тяжелым канделябром и спрятал ладони в рукавах. Сима осталась со мной, и мы с ней пошли куда глаза глядят сквозь живое человеческое море. Море волновалось и с интересом на нас поглядывало, но с вопросами не лезло. И я был ему благодарен за это.

Зал поражал... и вызывал приступ страха одновременно. Он казался бесконечным. То ли я не мог высмотреть противоположную стену за человеческими головами, то ли она была слишком далеко. С высокого потолка свисали светильники на несоразмерно тонких цепях, и я старался на всякий случай обходить их стороной. Сима не возражала. И даже обрадовалась,

когда мы обнаружили скопление тонких невысоких столиков, на которых стояли холодные закуски.

— Знаешь, я так хочу есть, — задумчиво сказала она, глядя на рисовые шарики в большом синем блюде.

— Что мешает? — поинтересовался я.

— Воспитание, — улыбнулась Сима. И процитировала: — "Невежливо начинать трапезу в отсутствие хозяина".

— Зря ты это, — я обводил взглядом толпу, опасаясь увидеть даже смутно знакомое лицо. — Хозяин тут сам вежливостью не отличается, а ты боишься его объесть. Кушай, не стесняйся. Вон, бери пример с этого парня.

Я указал на гнома, сидевшего... а нет, стоявшего неподалеку. Он сосредоточенно уплетал бутерброды с рыбой, явно вознамерившись съесть все, пока на него никто не смотрит. За спиной обжоры болталась традиционная секира. Для низенького гнома она была велика, а потому шкрябала лезвием по полу, оставляя на плитах тонкие, но все равно заметные царапины. Но больше всего меня впечатлила необъятная борода, которая по размеру превосходила своего хозяина.

— Нет, спасибо, — не впечатлилась Сима. — В другой раз поем.

— Как пожелаешь, — согласился я.

— Что ты там высматриваешь, Хас... то есть Шег? Ой!

Я как раз высмотрел то, чего так боялся, и резко развернулся к столам. Аларна меня побери! Что же делать?!

— Что случилось? — прошипела Сима, ненавидя меня за то, что пришлось снова посмотреть на рисовые шарики.

— Там Сулшерат... Мой декан, — тихо ответил я.

— Ты уверен? — испугалась она, тут же позабыв о еде. И, дождавшись моего кивка, задумчиво сказала: — Слушай, не надо так волноваться. Ты сейчас сам на себя похож. Я не сомневаюсь, что с твоей нынешней внешностью он тебя не узнает.

— Узнает, — тоскливо протянул я. — По глазам.

Сима промолчала, озадаченно нахмурившись. А я запоздало сообразил, что мы только что пошли вразрез с советом Тинхарта. Да и вообще я вел себя как дурак — хотя это, похоже, мое обычное состояние.

Не стовариваясь, мы с девушкой начали неторопливое отступление в другой конец зала. Но, отвернувшись раз, я потерял из виду высокий колпак декана и уже не был уверен, что мы случайно его не встретим. Да и вообще в груди нарастало какое-то странное, абсолютно незнакомое чувство. Я был твердо в чем-то уверен, но в чем?

— Господа! — раздалось от выхода.

Мы с Симой обернулись, но за чужими головами ничего не увидели. Девушка вопросительно посмотрела на меня, и я сказал:

— Это не Зарат. Больше похоже на...

— Его помощника, — кивнула повелительница.

На нас возмущенно зашикали, и мы заткнулись, хмуро глядя на ряды высоких женских причесок. Помощник хозяина замка, как назло, молчал, разродившись речью только тогда, когда какая-то дама возмущенно фыркнула и отправилась искать своих знакомых.

— Гм... я хочу сказать, что господин Ладор по некоторым причинам опаздывает, — смущенно вякнул Варг. — Но он нашел, чем развлечь вас на время своего отсутствия! Я рад

представить вам господина Грейна, — прозвучали редкие вежливые хлопки, — менестреля королевства рыцарей!

Я закатил глаза. Хороших менестрелей в Гро-Марне — раз и обчелся, потому что там в ходу дешевые трактирные песенки. Впрочем, неудивительно — у рыцарей не остается времени на искусство. Они и возвращаются-то ненадолго, похвалиться подвигами в кругу знакомых, а то и незнакомых, но заинтересованных людей.

...Или не возвращаются.

Около трех лет назад я был знаком с Шедаром, рыцарем из ордена Чистой Крови. Былос величие орден сохранил только в названии, но Шедар был увлечен идеей искоренить всех нечистых тварей в нашем мире. И начать он решил с дракона, обитающего вниз по течению Волнистых Рек, в двух днях пути от Райанита. До сих пор помню, как он хвалился на городской площади — мол, я убью крылатую гадину и навсегда избавлю город музыкантов от ее загребущих когтей! Потом Шедар исчез, и исчез надолго. И только год спустя до Академии дошли слухи, что парень погиб в дороге, став жертвой жадности какого-то селянина. В селе судят просто: даже самый великий воин любит выпить и закусить. Вот Шедара и споили, а потом обезглавили и обобрали. Словом, не дошел парень до своего подвига... Правда, надолго разбогатеть убийце не удалось — ребята из ордена нашли его и растянули на дыбе. Жестоко, но справедливо.

От воспоминаний меня отвлек чей-то пинок. Я пнул ответно и только потом посмотрел, кто был столь невежлив. Посмотрел — и замер на месте, потому что обнаружил рядом весьма раздраженного Сулшерата.

— Не делай такое лицо, — попросил магистр. Я оглянулся, но Симы рядом не обнаружил — ее рыжая шевелюра мелькала в волнующейся толпе, которая торопливо отступала, чтобы освободить место для менестреля. Мы с Сулшератом тоже отступали, но медленнее.

— Магистр, что вы тут делаете? — выдавил я, когда мы остановились в самом неудачном — первом — ряду.

— Развлекаюсь, — спокойно ответил Сулшерат. — Нахожу ответы на интересные вопросы.

— Магистр, я...

— Я ни в чем тебя не обвиняю, — отмахнулся он, глядя на Грейна, выходящего в центр зала. — Только хочу предупредить. Он здесь, среди гостей. Тот, кого вы ищете.

Я не стал спрашивать, откуда он знает и что обо всем этом думает. Только прикусил язык и еще раз оглянулся на Симу — кто-то тут же толкнул меня в плечо и попросил не мешать смотреть. Пришлось на время выкинуть повелительницу из головы и уделить внимание происходящему. Только вот в голову тут же полезли мысли о высшем демоне, свободно расхаживающем по залу, и по спине пробежали мурашки.

"Ты легко узнаешь его", — прозвучал в моей голове голос Сулшерата. Я вздрогнул и посмотрел на магистра, но тот безмятежно наблюдал за бродячим певцом. Остались слова, которые слышал только я, да слегка остекленевший взгляд. — "У него красные волосы, зеленые глаза и клыки. И нет ауры. Кажется, будто перед тобой — пустое место". — Сулшерат "помолчал", а потом задумчиво продолжил: — "Он очень опасен, Хастрайн. В открытой стычке с демоном не справятся даже твои повелители. Вам придется брать его хитростью, обманом. Или искать противоположную силу. Но вряд ли ангелы покидают небеса так же часто, как их темные братья уходят со своих земель".

Кажется, магистр сказал все, что хотел. Я на всякий случай подождал пару минут, но ничего не дождался и тоже засмотрелся на менестреля. Ему как раз принесли стул, и он грациозно на него уселся — этакий полуэльф с коротким ежиком темных волос, уверенный, что окружающие от него в восторге. Сулшерат вежливо похлопал, а я сообразил, что сейчас последует какая-нибудь песня, и попробовал затесаться в толпу. Не получилось — позади меня собралась компания хмурых мужчин, которые всем своим видом намекали, что просьба потесниться очень их оскорбит.

Менестрель же ласково погладил лютню, коснулся струн и завел:

— Оттуда, откуда приходит солнце,
где криком бьется морской прибой,
оттуда, слышите, он вернется,
оттуда, знайте, придет домой.

Придет и ярким огнем укроет
все села, тракты и города.
За все столетья безумной боли
он нам заплатит, и навсегда

От солнца спрячет леса и реки,
луга, поля и отроги гор.
И смолкнет теплый весенний ветер,
и превратится огонь в костер,

в котором, как в старой легенде гномов,
сгорят надежды и все мечты.
И в мире больше не будет дома,
и ничего, кроме пустоты

не будут чувствовать больше люди.
Да и не будут они людьми.
Лишь отзвук воя больших орудий
услышат в каждом углу земли,

и мир расколется, разобьется,
исчезнет в теплой туманной мгле...
Весь мир умрет, когда он вернется
и прикоснется к своей земле.

Последний куплет мне понравился. Я как раз думал о демоне, поэтому меня... пробрало. Менестрель тут же перестал меня раздражать, и я с интересом наблюдал за тем, как он подкручивает колки.

Но тут кто-то, возмущенно сопя, начал пробираться через толпу. Женщины взвизгивали и подхватывали юбки (некоторые при этом стыдливо краснели), мужчины ругались, однако никого не было видно. Загадочный обидчик стал виден только тогда, когда выскочил за

пределы первого человеческого ряда — и им оказался тот самый гном, который так увлеченно ел бутерброды. Он упер руки в бока, явно борясь с искушением схватить секиру, и заорал:

— Да что ты знаешь о гномьих легендах, недоносок?! Ваше эльфийское племя только и делает, что прячется в своих лесах и ворует чужие артефакты! Небось потому и прячется, что отдавать не хочет! — ярился гном. Не выдержав, он все-таки выхватил секиру и махнул ею — лезвие прошло в пальце от лица полуэльфа. Тот никак не отреагировал, и это взбесило бородатого еще больше. — Что? Небось, эту легенду ты не слышал? Да что ты вообще знаешь о гномах, паршивый... паршивый... струнодерг, вот!

Менестрель улыбнулся, задумчиво провел указательным пальцем по струне.

— По заказу господина гнома, — громко сказал он, — Я спою песню про подгорный народ.

Бородатый не успел ни возразить, ни возмутиться. Из-под рук полуэльфа побежала задорная, быстрая мелодия, под которую впору было танцевать. Потом в нее вплелся голос.

— Непрístupные пики гор
под собою сокрыли мир;
не найдет туда входа вор
и не выберется вампир.

Не пробьет себе путь друид
и не сможет явиться маг.
Этот мир лишь для тех открыт,
кто народу друг, а не враг.

А народ там силен, как лев
невысок, крепко сбит, умен...
Полон низких прекрасных дев
и бессмертием окрылен.

Каждый житель тех гор — кузнец,
каждый — мастер холодной стали,
королевский скует венец
и украсит его камнями.

Или — сделает вам мечи,
чьи клинки обоюдоостры.
О секретах своих молчит
Народ гор, хотя с виду — просто

им дается любой заказ.
Хоть, наверно, неинтересно
что-то делать для чуждых рас
тем, кто горы мог сдвинуть с места.

Даже детям народ знаком
из подгорного темного мира.

Менестрель задумчиво посмотрел на бородатого и закончил:

— Каждый знает — опасен гном,
а особенно — гном с секирой!

Я заподозрил, что окончание песни оскорбит любителя бутербродов еще больше, чем упоминание о гномах в предыдущей песне. Но гном лишь махнул рукой и отвернулся от полуэльфа, всем своим видом показывая, что не собирается пускать в ход свою опасную секиру. Грейн задумчиво понаблюдал за бородатым, но от комментариев воздержался и даже не обиделся, что на этот раз аплодисментов не было.

Однако сдержанность гнома продлилась недолго.

Он потихоньку краснел, стиснув зубы и нахмурившись, и его пальцы все крепче сжимались на рукояти секиры. Ударь он менестреля — и тот скончался бы на месте, так как тяжелое гномье оружие без труда пробивало даже тяжелые латы.

Я наблюдал за безмолвными противниками, скрестив руки на груди, и не сразу заметил, что тонкие ароматы женских духов вытеснил запах полыни. На языке тут же появилась неприятная горечь, а в голове прозвучал взволнованный "голос" Сулшерата:

"Это он! Смотри внимательно!"

Я почувствовал себя так, будто находился на лекции по демонологии. Правда, до сих пор на лекциях не присутствовали живые демоны.

Он вышел из толпы, вежливо извинившись перед дамой, которую случайно толкнул. Высокий, неестественно бледный, с приятным, располагающим к себе лицом. Тонкий прямой нос, большие глаза темного зеленого цвета, напоминающего водоросли. Красные волосы не достигали плеч, но почти полностью скрывали чуть заостренные уши. Клыков я не увидел, но был уверен, что демон прячет их намеренно.

Он обошел гнома и присел, чтобы заглянуть ему в глаза. Бородатый попятился, видимо, почувствовав исходящую от красноволосого опасность. Демона это ничуть не обидело, и он доверительным тоном сказал:

— Это неважно, нравится тебе его музыка или нет. Потому что одно дело — слушать и совсем другое — играть и петь самому. Ты пел когда-нибудь? Нет, не в тавернах и кабаках, а для кого-то. Не пел? Вот и заткнись. Если ты никогда не чувствовал, как рождается твоя собственная музыка, этого господина ты никогда не поймешь. Так что прекрати гневаться и отойди, не мешай людям.

Гном пробормотал нечто невразумительное, но послушался. Демон поднялся, коротко кивнул менестрелю и быстро пошел к открытым дверям в зал.

— Кто это? — заинтересованно спросила молоденькая девушка рядом с Сулшератом.

— Это один из воинов господина Зарата Ладора, — радушно ответил декан. — Но высокостоящий, раз ему позволяют присутствовать на празднике. К сожалению, — Сулшерат толкнул меня локтем, и я понял, что сейчас услышу что-то важное, — Имя этого молодого человека мне неизвестно.

— Как жаль, — огорчилась девушка, и даже рюши на ее платье разочарованно поникли. "Неизвестно, — подумал я, прикусив нижнюю губу. — Что в этом такого важного?"

Лекция по демонологии послушно всплыла в голове. Причем ярко, с образом большой доски в аудитории, испещренной рунами и схемами вызова. Именно вызова, не призыва — демоны сами решают, явиться человеку или нет.

Мне показалось, что я снова сижу за своей партой, рисую непонятные закорючки в углу тетради и слушаю Сулшерата, который говорит:

— Демоны называют свои имена только тем людям, с которыми готовы заключить договор. Договоров может быть сразу несколько — для демона ничего не стоит находиться в двух и более местах сразу. Эту их возможность часто называют ключевой, когда пытаются понять суть демонической магии. К сожалению, демонологи пока далеко не продвинулись, и нам известно только то, что демоны высшей ступени умеют искажать время и пространство, а также взывать к стихии огня. Остальные стихии им недоступны, так как являются губительными для их места обитания.

"Вот оно что, — подумал я, мысленно похвалив свою память. Она засмушалась и спряталась. — Значит, демон просто не считает находящихся здесь людей достаточно перспективными".

С трудом дождавшись конца выступления, я попрощался с Сулшератом, влез в бушующую от восторга толпу (нашли чему восторгаться!) и начал высматривать Симу. Огненно-рыжих волос нигде не было. Я около двадцати минут прослonyaлся по залу, надеясь, что девушка найдет меня сама, но меня постигло горькое разочарование. Вот всегда так — когда тебе кто-то не нужен, он рядом, а когда жизненно необходим — его как ветром сдувает!

Медленно и печально я доплелся до по-прежнему открытых дверей, с тоской выглянул в коридор и чуть не поддался порыву сбежать поскорее, пусть и самому. В воздухе продолжало ощутимо пахнуть полынью, но никого, кроме меня, это почему-то не волновало — люди беззаботно болтали, предполагали, когда же придет Зарат Ладор, и делились последними новостями. Встречали знакомых, наигранно радовались. Женщины обмахивались легкими веерами, мужчины с интересом поглядывали на глубокие декольте. А я стоял, нахмурившись, и глупо надеялся, что кто-то из четверых повелителей случайно на меня наткнется. Пожалуй, сейчас я был бы рад даже Лефрансе.

Почти так оно и произошло. То есть кто-то на меня наткнулся, но этот кто-то не был повелителем. Он вежливо извинился, остановился и приготовился убеждать меня в том, что толкнул меня случайно. Услышав холодный голос демона, я сжал ладони в кулаки и, помедлив, обернулся.

— Вы же не собираетесь меня бить? — удивился красноволосый, с растерянной улыбкой рассматривая меня.

Я опомнился и сбивчиво ответил:

— Нет-нет, что вы. Просто голова болит.

— Неудивительно, — сочувственно сказал демон. — Здесь так шумно. И душно. И воняет... А вы, кстати, кто?

— Шег Ивэль, — буркнул я.

— А-а-а, троюродный брат графа Тинхарта? — обрадовался он. — Очень рад знакомству. Можете называть меня Уль, — сообщил демон, протягивая мне руку.

Я пожал ее, стараясь ничем не выдать своего удивления. Красноволосый тем временем начал что-то увлеченно рассказывать. Думая о своем, я различил только четыре слова:

"королевство", "храм", "химера" и "камень".

— Э-э-э... Простите, я немного отвлекся. Что вы только что сказали? — извиняющимся тоном переспросил я.

— Я пытался вам рассказать о необычной архитектуре королевства Шаэл, — терпеливо повторил демон. — В частности, о печально знаменитом храме Воющей Химеры и с драгоценным камне, который венчает его алтарь. Но вы, как я вижу, не расположены долго слушать. Поэтому сразу перейдем к сути.

— К сути? — растерялся я.

Демон не ответил, задумчиво глядя на меня. То, что мы были почти одного роста, меня почему-то не утешало — я казался себе ужасно маленьким и безобидным. И очень надеялся, что Уль до сих пор не почувствовал мой Дар — потому что если почувствовал, нам конец. "Мне конец, — поправил я себя. — Аларна знает, где эти повелители шляются".

— Да, к сути, — наконец сказал демон, словно очнувшись ото сна. — Я хотел спросить вас, господин Ивэль, как вы относитесь к магии? Ныне это очень популярная тема, но мнения людей расходятся. Одни считают, что магия может только уничтожать. Другие уверены, что она существует, чтобы созидать. Я могу услышать ваше мнение? Мне очень интересно.

— Конечно, можете, — покладисто согласился я. — Мне кажется, что магия создана в противовес обычной человеческой слабости. Что она служит доказательством того, что каждый человек может оказаться особенным, стоит только присмотреться.

Уль с минуту помолчал, переваривая услышанное.

— Хорошо сказано, — признал он. — А я, если честно, пока не определился со своим мнением. С одной стороны, магия хороша. С другой, некоторые ее... м-м-м... разделы... немного пугают.

— Почему? — удивился я.

— Потому что используются во зло? — сам себя спросил демон. И нахмурился: — Нет, не то. Скорее потому, что плохо изучены.

— Это не проблема. — Я скрестил руки на груди, краем глаза заметив седого человека в мантии храмовника. — Всегда можно найти какую-нибудь древнюю летопись, в которой объясняется тот или иной Дар.

— Летописи есть, — согласился Уль. — Но они не достоверны.

Я только собирался спросить, о какой именно магии идет речь, как демон вдруг рванулся вперед, вцепился в мое запястье и прошипел:

— Я не люблю, когда меня обманывают, господин Ивэль. Вы хорошо играете свою роль, но вы не троюродный брат графа Тинхарта. А девушка, с которой вы пришли, та самая повелительница восточного ветра, которую все ищут!

— Точно так! — радостно провозгласили за моей спиной. — Вы наделены очень тонким складом ума, чадо!

Щелкнуло, грохнуло, ослепительно полыхнуло — и демон, взвыв, отшатнулся назад, выпустив мою руку. Полынью запахло просто одуряюще, и к ее запаху приплелся запах гари. К потолку, вскрикнув, поднялся огненный феникс, хищно щелкнул клювом и бросился на Уля.

Женщины завизжали, мужчины стратегически отступили. Выход из зала был перекрыт огромной воинственной птицей, а демон корчился и стонал под ее когтями, с ненавистью выплевывая такие ругательства, что при других обстоятельствах у меня завяли бы уши.

Мое запястье снова оказалось в чужих руках, но на этот раз рядом стоял Шейн.

— Бежим! — приказал он, бросаясь к выходу.

И я побежал. В спину дохнуло жаром, и там, в зале, отчаянно закричал феникс. Закричал — но остался на месте, печально глядя вслед улепетывающему хозяину.

Рядом мелькнула огненно-рыжая голова, и Сима, попискивая от страха, обогнала нас и помчалась дальше. Я сообразил, что Лефранса с Тинхартом где-то неподалеку, но оборачиваться не стал. Опасно.

Когда мы забежали в зал перехода, Шейн остановился, запер двери и быстро что-то забормотал, рисуя прямо в воздухе путанный, незнакомый мне узор. Вряд ли парень составлял его впервые: он даже не следил за тем, что делал.

Я оглянулся. Тинхарт поспешно чертил на полу руны, вооружившись неизвестно где взятым куском мела. Сима обеспокоенно пританцовывала на месте, попеременно бросая взгляды на графа, на Шейна и на меня. И только Лефранса сохраняла ледяное спокойствие. Она даже платье не помяла и по-прежнему выглядела ошеломляюще.

— Все, — выдохнул Шейн, сметая узор. Тот осыпался на пол яркими зелеными искрами.

— Что ты сделал? — нервно спросила Сима.

— Отпустил феникса.

Девушка закрыла руками рот, словно пытаясь затолкнуть обратно крик. Зато Лефранса улыбнулась, зевнула и произнесла:

— Знаешь, Шейн, это выглядело очень забавно: храмовник, читающий заклинание. Хороший храмовник. Молитва оригинальная.

— Что поделать, чадо, — пожал плечами седой. — Иногда Боги не могут даровать нам спасение. Приходится спасаться самим.

Лефранса звонко рассмеялась, и повелитель отвесил ей ироничный поклон.

На полу мягко замерцали руны перехода, и Тинхарт, выпрямившись, посоветовал нам поспешить. И очень вовремя посоветовал: двери прогнулись под нечеловеческим ударом, раздались крики и пожелание сдохнуть. Наверное, нам. Мы не впечатлились и торопливо встали на руны — лучше уж провалиться в межпространственный туннель, чем выяснять отношения с разъяренным демоном!

ГЛАВА 12,

в которой я знакомлюсь с главой дриадской долины

Пространство, повертевшись перед глазами минут пять, так неожиданно ударило в спину, что выбило из моей груди дыхание. И, похоже, не только из моей: рядом прозвучал сдавленный возглас Лефрансы, звонкое ругательство Симы и несчастный голос Шейна, который попросил:

— Встань с меня, чадо. Пож... пожалуйста.

— Прости, — пробормотала вампирша.

Зашуршало. Послышались тихие шаги. Я с трудом разлепил веки, поднялся, подождал, пока перестанет кружиться голова, и осмотрелся.

Нас выбросило — кто бы сомневался — в светлый, удивительно чистый лес. Под ногами не было ни сломанных веток, ни прошлогодней листвы. Только трава и хмель, любовно

обвивающий тонкие белые деревья. В лунном свете казалось, что их листва посыпана серебряным крошевом — она поблескивала и отражала рассеянные лучи.

Сима, Лефранса и Шейн стояли чуть поодаль. Последний выглядел изрядно помятым и старался лишний раз не двигаться. Наверное, вампирша немало весит, ехидно подумал я.

Тинхарта я обнаружил в стороне, где он со счастливым выражением лица сидел на земле и перебирал травинки. Или мне показалось, или они действительно тянулись к нему, как маленькие дети тянутся к матери.

— Где это мы? — спросил я, отвлекая его от этого странного занятия.

Тинхарт недовольно нахмурился и посмотрел на меня.

— В ЭнНорде.

Я не позволил сбить себя с пути истинного:

— А что мы тут забыли? Насколько я знаю, дриады не любят, когда их заставляют вмешиваться в дела людей.

— Людей, — язвительно повторила Лефранса. — А вот демоны и повелители ветров — это уже серьезно.

— Заткнись, — устало попросил Тинхарт, вставая. — Я хорошо знаю нынешнюю главу долины, госпожу Шеграну. И уверен, что она согласится приютить нас на время. Больше нам ничего не нужно — разве что право передвигаться по ЭнНорду самостоятельно и пара книг.

— Каких? — поинтересовался я, не обращая внимания на ироничный смех вампирши.

— Я почти уверен, что где-то должны быть артефакты, ослабляющие демонов, — задумчиво произнес Тинхарт. — В наших интересах найти их. Если лишить демона магии и потусторонних инстинктов, он станет обычным противником, которого можно победить.

— Отрубим ему голову, и дело с концом, — согласилась Лефранса. — А потом подумаем, для чего мы нужны в этом мире. Повелители не появляются просто так. Должна быть причина, причем причина серьезная.

— Это все хорошо и прекрасно, — вмешалась Сима, — Но давайте думать на ходу, ладно? Я замерзла и устала. Раз дриады могут нас приютить, пусть приютят, и поскорее.

— Как ты можешь так говорить, чадо? — подал голос Шейн. — Отрекись от людских удовольствий, перестань думать, что мир тебе что-то должен, и на тебя снизойдет чувство абсолютной свободы.

— Ага, — подтвердила Лефранса, которая болезненно морщилась с каждым новым словом повелителя-храмовника. — Снизойдет, и тебе станет уже все равно, где спать и что есть.

— Не говори о еде, — окончательно расстроилась Сима. — Я сейчас съела бы и Медведя из Леса Духов, если бы встретила.

— Ты посмотри, он уходит, — с осуждением в голосе сказала вампирша, показывая на Тинхарта. Граф успел отойти шагов на двадцать, так что обе повелительницы, плюнув на разговор, бросились за ним.

— А ты чего стоишь? — поинтересовался я у Шейна.

— Не люблю дриад, — поморщился тот. — Они такие... самоуверенные и надменные. Даже эльфы, по-моему, лучше.

Чтобы попасть в центр дриадской долины, нам пришлось выйти из леса и долго идти через болото. Вел нас Тинхарт, который, как оказалось, прекрасно здесь ориентировался. Однако с расстоянием он ничего поделать не мог. Можно было попасть в ЭнНорд с

помощью рун, но выйти из него или переместиться из одного места в другое тем же способом — нет. Долина глушила магию, которую творили непосредственно в ней. То есть передышки не наступило, дар по-прежнему едва тлел. Возможности связаться с Шаиром не было — серьга осталась в особняке Тинхарта, как и все остальные мои вещи.

Однако я скорбел по ним не так усердно, как скорбели о своих вещах Сима и Лефранса. Если мой парадный наряд еще кое-как перенес путь через болота, то платья обеих девушек испытания не выдержали. И если вампирша, хмуро пробирающаяся вперед, не вызывала во мне никаких эмоций, то Симу, вновь принявшую свой истинный облик, было очень жаль. Если раньше она напоминала мне птицу, то сейчас была похожа только на саму себя — измотанную и одетую в яркие рваные тряпки.

Ближе к рассвету Лефранса начала нервничать. Она то и дело бросала обеспокоенные взгляды на светлеющее небо, хотя я всегда думал, что солнце не причиняет наровертам никаких неудобств. Однако стоило первому лучу выглянуть из-за горизонта, как на шее вампири вспыхнул кроваво-красный кулон. Когда он погас, она вновь была облачена в тяжелые доспехи, которые, увы, не способствовали быстрому продвижению вперед.

Стоило отдать Лефрансе должное — ни один рыцарь не выдержал бы такого пути без остановок, а девушка продолжала упрямо идти. Из-под опущенного забрала порой доносились исполненные ненависти ругательства, но в целом вампирша держалась молодцом. Поэтому общим вниманием очень скоро завладела Сима, которая начала спотыкаться и дважды едва не ухнула в трясину. Мы бы вряд ли сумели ее вытащить, если бы не внимательность Шейна. Повелитель вовремя оказывался рядом. Очень вовремя.

Болота закончились ближе к полудню, когда я уже тоже был согласен сожрать легендарного Медведя. Мы все повалились на благословенно твердую почву, и Тинхарт, снова запустивший пальцы в траву, сказал:

— Еще час, и мы будем в центральном лесу. Там в какой-то мере доступна магия, так что будет полегче.

Сима тоскливо вздохнула, но от комментариев воздержалась.

Я лежал на спине, провожая взглядом плывущие по небу облака. Ветер, налетевший на верхушки деревьев, ворошил светлую листву, и она снова показалась мне посыпанной серебром. На душе стало спокойно, будто я находился за пазухой у ангела. Ну еще бы: существам, чуждым этому миру, не было пути в долину дриад. То есть демон вполне мог стоять на мосту, скрежетать зубами и посылать в наш адрес проклятия, но и только. И сейчас меня это почти не волновало.

Правда, в том, что я открыто ему противостоял, было мало хорошего. Если до праздника в доме Зарата Ладора я оставался тенью, о которой никому ничего не известно, то после него демон вполне мог начать ориентироваться на меня. Это куда выгоднее, чем если бы он обратил взор на Тинхарта: найти меня по следам моей магии вряд ли будет сложно.

— Я как-то слышал легенду, — невесть с чего сказал Шейн, — О вампире Вильяре Вэйде, который прошел через семь миров ради того, чтобы создать собственный.

— Я тоже слышала, — согласилась Лефранса, которую, видимо, задевал тот факт, что бывают вампиры более легендарные, чем она сама. — О его мире и расе агонитов, которую он создал. Знающие люди считают, что создатель, которому принадлежит наш мир, перенес эту расу и сюда. И что горцев, которые куют агшелы, охраняют именно агониты. Поэтому в их пещеры не могут пройти даже эльфы со своими артефактами.

— Об этом я не слышал, — подумав, произнес Шейн. — Но мне кажется, что вампиры

наиболее устойчивы к дороге через миры. В их сознание с самого начала заложена мысль, что они бессмертны, что их не так просто убить. Человеку в этом смысле сложнее. Ступив на путь через семь великих миров, он будет бояться умереть в одном из них. Умереть, не достигнув цели, — закончил повелитель, и в его голосе прозвучало что-то вроде печали.

— Какая жизнеутверждающая тема для разговора, — вмешался Тинхарт. — Только из болота вылез, а уже собирается хоронить себя под каменной плитой тоски по минувшим дням. Тебе лучше не думать об этом, Шейн. Ни один повелитель не сможет пройти через Мосты Одиночества.

— Что за Мосты? — поинтересовался я, чувствуя себя полным дураком. Отчасти из-за вопроса, а отчасти потому, что никогда этих историй не слышал.

— Пути, которые соединяют миры между собой. Такой Мост есть в каждом мире, каждых Вратах. В нашем тоже. Но никто не знает, где, — пояснил граф.

— А почему повелитель не сможет пройти через него?

— Потому, — тон Тинхарта стал поучительным, — Что мы созданы для этого мира, а не для других. И мы, в отличие от большинства других существ, нужны здесь. Повелители ветров не могут даже по-настоящему умереть — они почти сразу возвращаются. Возвращаются обычными детьми, растут, развиваются, как все, но через какое-то время понимают, кто они такие на самом деле. А потом и вовсе вспоминают свои прошлые жизни. Кстати, ходят слухи — тебе это должно быть интересно, как некроманту, — что повелителей ветров раньше воскрешали. Что были какие-то ритуалы на магии крови, с помощью которых их возвращали в прежние тела. И после таких ритуалов повелителей оставляло старение, они оставались вечно молодыми.

— Напоминает вампиров, — пробормотал я и поежился. Земля резко стала очень холодной, а жара отступила на задний план.

— Верно, — согласилась Лефранса. — Но есть одно отличие. Вампиры сами определяют возраст, в котором хотят остаться. Можно вечность прожить в теле ребенка, а можно сделаться дряхлым стариком. Только на это уйдет очень много времени, — уточнила она. — От нескольких сотен лет до двух-трех тысячелетий, это зависит от состояния души.

— Это что же получается, — усмехнулся я, — Вампир, проводящий дни в печали, постареет быстрее? А веселый, наоборот, дольше останется молодым?

— Что-то вроде того, — подтвердила вампирша.

— Ладно, ребята, — сказал Тинхарт. — Я вижу, сил вы уже поднабрались, раз так охотно разговариваете. Вставайте, пойдём дальше.

— Я молчала, — неубедительно пискнула Сима.

— Мы так до ночи здесь пролежим, — отрезал граф. — Вставай. Надо идти.

Девушка не ответила, но ее угрюмый вид лучше всяких слов говорил нам, что следующий привал будет очень скоро.

Холмистая равнина, начавшаяся после болот, вскоре вывела нас к очередному лесу. Этот не был ни серебристым, ни золотым, хотя я ожидал от дриад чего-нибудь необычного, даже волшебного. Но они, видимо, не любили привлекать к себе внимание, и сердце долины ЭнНорд было простым зеленым лесом. Ветви деревьев уходили высоко вверх и смыкались над головой так, что не было видно неба. Поэтому свет, пробивающийся сквозь листву, тоже был зеленым и гармонично вплетался в густой травяной покров.

Среди упругих стеблей то и дело проглядывали звездчатые желтые цветы. Между

древесных корней вилась инсидиана, и впервые за очень долгое время я увидел под ее листьями белые хрупкие бутоны.

Инсидиана — странное, очень капризное растение. Несмотря на то, что ее можно встретить в любом уважающем себя лесу, она очень редко цветет. А порошок, столь популярный среди лекарей и травников, можно делать только из цветов. Причем он обладает очень сильным эффектом — всего пара щепоток, и нежить полностью дезориентируется, так как инсидиана вызывает сильные галлюцинации.

Я подумал и решил, что дриады вряд ли спустят мне с рук воровство ценного растения. Тем более мы уже вошли в город, хотя для разбросанных тут и там домиков это и было слишком громкое слово.

Домики были маленькими и прятались под низкими ветками, устроившись почти впритык к деревьям. Сквозь распахнутые окна пробивались белые призраки занавесок, а крыши были сплошь укрыты пожелтевшей листвой, как будто в жаркое лето пробрался маленький кусочек осени. Хозяев нигде не было видно, но Тинхарт уверенно петлял по лесу, то и дело кивая куда-то в пустоту.

Я уже начал подозревать, что у него начался нервный тик, когда понял, что в древесных кронах мелькают чьи-то янтарные глаза. Кому они принадлежали, я понять не смог. Однозначно не духу и никакому другому потустороннему существу. Тот, кто прятался в листве, был материальным — потому что иначе она не шевелилась бы. И не мелькал бы между деревьями светлый серебряный силуэт.

Я поравнялся с графом и тихо спросил:

— Кто это?

— Арнэл, — так же тихо ответил тот. — Страж долины.

Золотые глаза в листве сощурились. Вертикальные зрачки дрогнули, расползлись на пол-радужки, а потом существо-страж исчезло, только листва ему вслед зашуршала.

Тинхарт убедился, что Арнэла больше нет рядом, и продолжил:

— Много лет назад, когда о новых повелителях ветров еще никто не знал, на остров Лакрит наведася Темный Властелин, непобедимый король северных земель. Тот, кто сейчас держит в своей власти вашу Велиссию, Старое Герцогство и Гро-Марну. Он прикладывает все усилия, чтобы никто, кроме назначенных им правителей, не догадывался, в чьих руках по-настоящему находится власть. Он захватывал свободные земли, когда был еще молод и горяч. Айл-Минорские графства Темный Властелин обходил стороной, как место проклятое, оскверненное древней магией. Ты, наверное, слышал об энергетических жилах, которые образуют крест под тамошней землей?

— Слышал, — подтвердил я, делая вид, что известие о поддельных королях-королевах меня не удивило. Повелитель кивнул, улыбнулся и продолжил:

— Эти жилы и спасли наши графства. Хотя, быть может, Властелина отпугивала и близость эльфийских лесов, к которым он не мог приблизиться — слишком чуждой была ему кровь клана Сотоэр. Зато кровь дриад не вызывала в нем никаких эмоций, и он в пику своему деду решил захватить ЭнНорд. Дед предупреждал его, что ничего не получится, что дриады не по зубам даже самой могущественной армии. Однако Темный Властелин все равно собрал своих людей, прибыл в Лакрит, обосновался в старой монашеской крепости и взял долину в осаду. Часть его войска перекрыла мост, ведущий из ЭнНорда в Старое Герцогство, другая часть начала... кхм... войну. Но дед северного короля оказался прав — дриад не волновало то, что их долину осаждают, и они душили на корню любую атаку.

Темный Властелин бесился, но не отступал. Потом я, как командующий Третьей Союзной Армией, примчался на помощь ЭнНорду. Оказалось, помощь не требуется. Шеграна, глава долины, долго убеждала меня в том, что я могу спокойно уйти и оставить все на самотек. Сначала я думал, что она права. А потом понял, что если Темный Властелин не одержит победу силой, то возьмет долину хитростью. Кому, как не ему, знать, что в любом народе можно найти предателя, который с радостью отопрет двери врагу? Шеграна не верила, что кто-то из ее сестер может так поступить, но все же согласилась на решительные меры. Метод выбирал я. Исходя из того, что проще всего было показать Темному Властелину силу, с которой он не станет сражаться — слишком умен для таких глупостей, — я обратился к своему отцу, а он — к северным драконам. Именно так Арнэл стал стражем долины. Мы выслали его к северянам в качестве парламентаря, — криво улыбнулся граф.

Я кивнул. Вопросов у меня не возникло. Скорее всего, потому, что объем информации был слишком велик для моих маленьких мозгов и над ним сначала надо было подумать. Но как только я собрался этим заняться, мы наконец-то пришли, и перед нашими взглядами предстал дворец госпожи Шеграны.

Его стенами были красноватые стебли какого-то растения, густо припорошенные светлыми голубыми цветами. Лестница, ведущая к арке входа, состояла из древесных корней, милостиво вытянутых стоящими по обе стороны арки цветущими вишнями. Куполообразную крышу, тоже состоящую из стеблей, венчал огромный лист дикого винограда, чья лоза обвилась вокруг тонкого шпиля-ветви. Я не видел королевского дома эльфов, но представлял его себе именно таким. И на мгновение мне показалось, что я нахожусь вовсе не в ЭнНорде.

Однако это впечатление развеялось, когда на порог вышла... девочка, девушка? Она была такой маленькой и хрупкой, что казалась лишней на фоне дриадского дворца. Светлые волосы падали на ее лицо, скрывая глаза, и только венец выдавал в ней главу долины. Легкое белое платье с голубым узором подчеркивало худощавую фигуру, а ключицы были так хорошо видны, будто кожа вот-вот должна была порваться и выпустить кости в свет.

— Я приветствую тебя, о лучезарный граф Тинхарт, в своем доме, — сказала дриада и развела руки в стороны, показывая, сколь велики ее владения. — И я рада видеть, что свет Василиска, Огненного Феникса и Белой Химеры все еще с тобой. Но я не узнаю гостя которого вы привели. И мне не нравится, Золотой Дракон, что человек с темным даром находится здесь, в самом сердце моей долины, — Голос дриады, изначально мелодичный, приобрел строгость и твердость. — Надеюсь, у тебя были веские основания, чтобы привести его.

— Я рад видеть тебя в добром здравии, о владычица светлых лесов, — улыбнулся Тинхарт, ничуть не смутившись, и кивнул на меня. — Это Хастрейн, мой друг. И он доказал, что имеет право находиться здесь.

Я очень старался не выдать своего удивления. Интересно, а чем я это доказал? Тем, что вытащил Симу из лап воинов Альна, а Шейна — из потустороннего мира? Или тем, что не сдал повелителей с потрохами, когда демон поймал меня на лжи? Но, подумал я, сдать их в тот момент не получилось бы, даже если бы я этого хотел. Уль явно был не настроен слушать — он хотел убивать, и только.

Я не видел глаз Шеграны, но мне показалось, что она пристально наблюдает за мной. Однако ни кланяться, ни здороваться с ней я не стал. Не из грубости. Просто не был уверен, что это необходимо.

Прошло минуты две тягостного молчания. Сима с несчастным видом смотрела на дриаду, всем своим видом показывая, что хочет есть и спать. Лефранса скучающе наблюдала за тем, как лист дикого винограда колышется на ветру. Шейн тоже, но с необъяснимо нежной улыбкой, словно этот виноград был его невестой. Тинхарт же стоял, скрестив руки на груди и бесстрастно глядя на главу долины. И мне почему-то подумалось, что если она скажет мне убираться, он уберется вместе со мной.

— Что ж, — наконец сказала Шеграна, неуверенно улыбнувшись, — Я рада приветствовать и тебя, Рожденный в Снегу.

Я дернулся, как в задницу ужаленный:

— Откуда вы знаете?

— Мне известно многое, — невозмутимо ответила она. — А метку, которую оставил на тебе потусторонний мир, невозможно не заметить.

Я уязвленно промолчал. Дриада опустила уголки губ, словно грустила о чем-то, и предложила:

— Поднимитесь в левое крыло дворца, и вам предоставят чистую одежду. Потом приходите в центральный зал. Об остальном, — она развернулась, сделала несколько шагов и исчезла во мраке арки, — я позабочусь сама.

Сима посмотрела на дворец с ненавистью. Наверное, она не стала бы заморачиваться своим внешним видом, если бы дриада об этом не напомнила.

Тинхарт же счел, что вежливость соблюдена, и, дав Шегране фору в минуту, двинулся следом. Я пошел за ним, и меня почти сразу нагнал Шейн, с лица которого по-прежнему не сходило мечтательно-влюбленное выражение.

— Северный ветер, — тихо сказал повелитель, заметив мой вопросительный взгляд. — Это он властвует сейчас над долиной. Это он колышет листву, гонит рябь по воде и шагает по травам, ожидая, пока настанет его время.

Мы вошли в холл, и я отвлекся на разглядывание стен и потолка. Их оплетала цветущая инсидиана, и в воздухе витал ее терпковатый аромат. Я не смог определить, нравится мне это или нет. Но когда Тинхарт свернул в боковой коридор, стены которого были пустыми, мне почему-то стало жаль. Я даже обрадовался, что мне есть, с кем поговорить.

— Его время? — уточнил я.

— Момент, когда я его призову, — с готовностью пояснил седой. — Но такое бывает нечасто. Встречи с северным ветром опасны.

— Почему?

— Становится холодно, — улыбнулся повелитель.

Я хотел съязвить, такая уж ли это проблема, но мы пришли в просторную гостевую комнату, и Тинхарт приглашающим жестом указал нам на... книжные шкафы.

Возле которых, окруженный нашими вещами из айл-минорского графства, стоял Град и невозмутимо смотрел на нас.

— Значит, так, — сказал призрак, кивая на разбросанные по полу сумки, — Вещи я собрал, библиотеку замкнул. Слуг отправил по домам. Вряд ли кто-то знал, кто именно на тебя работает, поэтому им ничего не угрожает. По следам демон их найти не сможет — я активировал твою разрушающую руну, когда уходил. Только вот теперь, — тон Града стал по-старчески сварливым, и он обвиняюще ткнул пальцем в грудь Тинхарта, — у меня болит нога. Левая. И ты должен что-то с этим сделать, если не хочешь, чтобы я рассыпался в пыль у твоих ног.

— А если хочу? — усмехнулся граф.

Призрак отступил от него, отряхнул руку, словно она все еще что-то чувствовала. При этом он смотрел на повелителя так, что даже меня окатила волна разочарования пополам с отвращением. Тинхарт напрягся, открыл рот, но Град его опередил:

— Ладно. Можешь ничего не делать.

— Дурак, — беззлобно упрекнул его граф. — Это была всего лишь шутка. Разве я могу позволить себе лишиться столь ценного союзника? Я позволил тебе жить в моем замке, позволил использовать мою силу, носить мои амулеты. И я еще ни разу не пожалел о своем решении.

У меня возникло впечатление, будто он хотел сказать: "в отличие от тебя". Но сдержался, глубоко вздохнул, после чего начертил в воздухе простой рисунок из четырех основных фигур (круг, квадрат, звезда, треугольник) и подул на него. Проникновенно так подул, как уличные фокусники, умеющие зажигать свечу своим дыханием. И символ действительно зажегся — сначала жутковатым багровым, а потом оранжевым светом. Град уверенно шагнул ему навстречу, и сияющий рисунок скрылся в его груди — там, где должно было находиться сердце.

Сима, не дождавшись заключения сцены, подхватила с пола свою сумку и вышла. Лефранса осталась стоять в своем жутком сплошном доспехе, из-под которого слышалось мелодичное посвистывание. Вампирша явно очень скучала. А может, так на нее действовал солнечный свет, пусть даже сквозь переплетенные красные стебли он едва-едва пробивался.

Шейн наблюдал за Градом с равнодушием. Наверное, видел обряд освобождения призрака уже не раз. А мне, наоборот, было интересно. Я думал, что сейчас произойдет что-нибудь необычное и поучительное. Однако меня постигло разочарование — Град просто на мгновение закрыл глаза, а когда открыл, мне показалось, что он помолодел на несколько лет.

— Так лучше, — одобрительно сказал призрак и провел ладонями по лицу, словно стряхивая с себя усталость. И, подумав, добавил: — Спасибо.

— Не за что, — рассеянно ответил Тинхарт, копаясь в своих вещах, разбросанных на кресле с высокой спинкой. Вещей было много, а потому у графа возникли некоторые сложности с выбором костюма.

Я же наклонился за своей сумкой, с опаской открыл ее... и мысленно поблагодарил Аларну за то, что моя куртка оказалась там. Как и нормальные штаны с рубашкой. Не хватало только сапог. Я с сомнением покосился на парадную обувь, которую мне пожаловал повелитель, и прикинул, отмоется ли с нее болотная грязь. Решил, что отмоется, но пока стоит походить босиком.

Граф определился со своей одеждой и шикнул:

— Лефранса, кыш!

— Как вежливо, — обиделась вампирша и вышла.

Тинхарт подождал, пока она исчезнет в коридоре, и тихо сказал:

— Хорошая, послушная кровопийца.

— Я думал, нарверты не пьют кровь, — удивился я, стягивая парадную рубашку и надевая дорожную. Она показалась мне по-домашнему уютной, хотя дома у меня, по сути, не было.

— Пьют, когда хотят, — отмахнулся повелитель.

Вот так новость! То есть ее слова про разорванное горло не были пустой угрозой? Как-

то это неприятно.

Переодевшись, мы отправились обратно в холл, по дороге встретившись с Симой. Мне показалось, что в простом льняном платье она выглядела лучше, чем в дорогом парадном. Девушка заплела волосы в две тугие косы, и они красиво обрамляли ее бледное лицо, оттеняя синие глаза.

Все вместе мы добрались до зала, в котором стоял стол и шесть стульев. На том, что стоял во главе стола, гордо восседала госпожа Шеграна, но вокруг нее не было ни слуг, ни стражи. Глава дриадской долины не выглядела обеспокоенной. Тинхарт тоже. Значит, в ЭнНорде всегда так пустынно? Может, дриады просто прячутся от нас, расценивая повелителей, как угрозу? Да и неудивительно, в общем-то. Трое людей, один из которых некромант, вампирша и полукровка. Дивная подобралась компания. Особенно если учесть, что вслед за ней во дворец заявился призрак убитого заклинателя — заклинателя из другого мира, в чьем былом могуществе не сомневался даже я.

— Садитесь, — пригласила Шеграна, касаясь тонкими пальцами с изящными коготками спинки ближайшего стула. — Ешьте. Потом поговорим. Полагаю, у вас есть вопросы, на которые у меня найдутся ответы.

— Ты, как всегда, проникательна, — улыбнулся Тинхарт. Он обошел стол и сел по правую руку от дриады.

И я, скромно устраиваясь с краю, заметил, что Лефранса к обеду не вышла. Неужели действительно обиделась?

ГЛАВА 13,

в которой мы глядим на ситуацию со дна открытой могилы

Когда обед закончился (а длился он долго, и я начал подозревать, что вампирша не пришла вовсе не из-за обиды), дриада отбросила с лица волосы, молитвенно переплела пальцы и уставилась на Тинхарта. Оказалось, что глаза у нее полностью черные, без всякого намека на радужку и зрачки. Если бы Шеграна смотрела на меня, я бы наверняка отвернулся. Но граф спокойно выдержал ее взгляд, даже позволил себе легкую вопросительную улыбку.

— Вы приходите в мою долину все вместе... вы приводите с собой некроманта, — медленно проговорила дриада. — Я хочу наконец услышать, что сподвигло тебя, о Золотой Дракон, на такой решительный шаг.

— Не сомневаюсь, — серьезно кивнул Тинхарт.

И начал рассказывать. О том, как Сима попалась воинам Альна, как он беспокоился и не знал, что делать. О том, как она исчезла, а потом пришла вместе со мной и Шейном. О том, что королева Велиссии слишком много себе позволяет, и надо бы отправить письмо Темному Властелину, чтобы он поставил ее на место. О том, как мы пробрались на праздник в доме Зарата Ладора, как я глупо попался, и о том, что теперь мы знаем противника в лицо и по запаху. Ну и, разумеется, о том, что ему нужны книги о древних эльфийских артефактах, чтобы найти оружие против демона.

Ни я, ни Сима, ни Шейн не вмешивались. Хотя бы потому, что казалось, будто дриада не станет слушать никого, кроме графа.

А слушала она его внимательно, не перебивая и задумчиво хмурясь. Шеграна чуть склонила голову, и светлые пряди снова упали на ее жутковатые глаза. Когда граф замолчал,

она недоуменно передернула плечами:

— Зачем тебе книги, если есть те, кто может объяснить на словах?

— Тебе известны такие артефакты? — воодушевился Тинхарт, подавшись вперед.

— Да. Известны. Насколько я помню, их было три, — равнодушно сказала дриада, подперев щеку кулаком. — Но один был уничтожен друидами, которые считали, что ничто в этом мире не происходит просто так и что ходу времени противиться нельзя. Второй демоны уничтожили сами. Не знаю, как: тогда считалось, что они не могут причинить артефакту вред. А третий был в замке у старого герцога. Ты меня понимаешь?

— В замке у старого герцога, — задумчиво повторил граф. Он выглядел немного озадаченным, и дриада замолчала, ожидая, пока до него дойдет. Когда же по лицу Тинхарта пробежала тень понимания, она продолжила:

— Это амулет. Круглый пепельный камень в черной, как ночь, оправе. Он сделан руками горцев, закален эльфами и давным-давно позабыт. Но этот артефакт надежен. Раньше его называли амулетом омутов. Сейчас он потерял свое величие и значимость, но ты можешь вернуть ему их.

Сима решила вмешаться, тихо спросив:

— Это одушевленный предмет?

— Да. Не так просто сделать оружие, способное сдержать демона, — ответила ей Шеграна. — На это не способен никто из тех, кто живет рядом с Волнистыми Реками. Только горцы. Я не могу объяснить, откуда у них такие способности, но отрицать их существование бессмысленно.

Повелительница хотела еще что-то спросить, но Тинхарт растерянно пробормотал:

— В замке у старого герцога... Но это безумие! В Старое Герцогство нельзя вот так запросто пробраться! До руин можно дойти только через город мертвых, а там нас гарантированно сожрут ожившие мертвецы!

— Не сожрут, — беспечно отмахнулась дриада. — У вас есть некромант.

Повелители одновременно повернулись ко мне. Во взгляде Тинхарта было сомнение. Шейн не выражал никаких эмоций, а вот Сима воодушевилась и уверенно сказала:

— Да, вы правы. Хастрайн сможет нас провести.

— Вы мне льстите, — пробормотал я, но отказываться не стал. Потому что помнил, что трупы в Старом Герцогстве бесконтрольны, а значит, их можно убедить погулять подальше от руин крепости. Проблему я видел только в том, что жилище герцога не выстояло против драконьего проклятия и было давным-давно разрушено. Но дриада не стала бы посылать нас туда, зная, что мы ничего не найдем. Или стала бы? Может, она относится к повелителям не так хорошо, как они думают?

— Нет, Рожденный в Снегу, — тихо сказала Шеграна, переводя на меня взгляд. — Не льстим. Только надеемся, что сила, которую так ценят в Башне, действительно существует. Ты смог доказать свою верность повелителям ветров, так докажи и то, что являешься по-настоящему сильным магом.

— Но это глупо, — ответил я. — Глупо постоянно что-то доказывать. Если вы считаете, что мне следует уйти, я уйду. И у вас больше не будет причин для недоверия.

— Я такого не говорила. — Дриада откинулась на спинку стула, постучала пальцами по подлокотнику. — И уверена, что граф Тинхарт тоже такого не скажет. В конце концов, он знает цену случайностям. Случайностям, которые способны многое изменить. Но если ты не хочешь идти на риск, никто не станет осуждать тебя, Рожденный в Снегу. В конце концов,

это не твоя война.

Я промолчал. Повелители тоже не вмешивались. Было понятно, что мне только что предоставили выбор, и что это щедро и мило с их стороны. Но в моей груди начала закипать злость, и я неожиданно для себя встал, уставившись на дриаду, как на полную дуру.

— Не моя война? Вы решили надо мной посмеяться? Я — некромант, человек с редким, пусть и темным, даром! И таких людей, как я — дипломированных магов и даже детей — уничтожают по всей Велиссии, потому что воинам Альна захотелось над нами пошутить! И вы говорите, что это не моя война?!

Шеграна снова убрала волосы с лица и стала молча на меня смотреть. Молча — и оценивающе, но мне было все равно. Отчасти мне хотелось подойти к ней и дать по голове стулом, а отчасти — высказать немного "добрых" пожеланий, чтобы у нее уши завяли и глаза полезли на лоб. И мне стоило большого труда оставаться на месте и просто ждать ответа.

— Что ж, Рожденный в Снегу, — наконец сказала дриада. — Я согласна с тобой. Воины Альна и королева поступают несправедливо, уничтожая детей Смерти. Несмотря на то, что ваш дар темен, как небо Безмирья, вы существуете, а значит, для чего-то нужны. Нельзя безнаказанно отбирать жизнь у ребенка. Я прошу прощения, так как допустила ошибку, — она склонила голову и прижала ладони к груди. — Я неправильно тебя оценила. Мне показалось, что ты, как и большинство людей, потребуешь награды за свою помощь. Но теперь я вижу, что тебе нужно нечто более серьезное. Это справедливость? Ты ищешь ее?

Я на мгновение растерялся.

— Не знаю. Хотя... Знаете, это не похоже на поиск справедливости.

— А на что похоже? — с любопытством спросила она.

— На месть. Только не очень правильную.

Шеграна медленно кивнула, но ничего больше не сказала. Вместо этого она попрощалась с Тинхартом, заверила его, что мы можем остаться даже навсегда, и вышла в холл, шагая бесшумно, как кошка.

Шейн проводил ее ничего не выражающим взглядом.

— Не люблю дриад, — тихо напомнил он. — Всегда надеюсь, что в мое отсутствие здесь что-нибудь изменится, и ошибаюсь. Она все такая же... ну...

— Странная? — предположила Сима, сонно посмотрев на него.

Повелитель смутился:

— Что-то вроде того. Но у меня было на примете другое слово.

Девушка рассмеялась, сообразив, что этим словом было "дура" или "стерва". Шейн неуверенно улыбнулся, а вот Тинхарт, наоборот, нахмурился.

— Мне тоже не нравится, когда она так себя ведет, — признался он. — Когда мы разговариваем один на один, все совсем не так. Но стоит ей увидеть меня в компании с кем-то, начинается шоу для слабонервных...

— Может, она ревнует? — предположила Сима.

Граф не смог сдержать смех.

Гостеприимством Шеграны мы злоупотреблять не стали. Уже на рассвете Тинхарт, чьи волосы после сна стояли дыбом, всех разбудил и в относительно сознательном состоянии собрал в холле дворца. Там он сообщил нам, что еды с собой возьмет мало (ну и правильно, в городе мертвых ее все равно захочется выбросить) и что мы пойдем налегке, после чего отправил собирать все самое необходимое. Поначалу мне так хотелось спать, что я чуть не

вспорол себе спину небрежно перекинутым мечом, неосмотрительно вытряхнул из сумки все ее содержимое, потратил около получаса на то, чтобы собрать все обратно, и заплел волосы в реденькую косу. Симе она не понравилась. У девушки чесались руки перезаплести ее самостоятельно, но я не поддавался на провокации и держался поближе к Лефрансе. Вампирша, облаченная в доспехи, которые, похоже, оберегали ее от солнечного света, спала на ходу, не обращая ни на кого внимания. Даже когда в холл в сопровождении Града вышла Шеграна, девушка не проявила к ней никакого интереса. А вот дриада непривычно мягко спросила, не нужно ли нам чего, и пожелала счастливого пути. Наверное, ее сердце грела мысль о том, что скоро нас во дворце не будет.

Когда в холл вышел собранный и опасный Шейн, отыскавший где-то меч с серебряной насечкой и комплект метательных ножей, состоящих из серебра целиком, мы покинули ЭнНорд. Правда, как-то странно покинули. Шеграна провела нас в подвал под дворцом, откуда в Старое Герцогство вел подземный ход. При учете того, что дриадскую долину и земли людей разделяли Волнистые Реки, спускаться туда было страшновато.

Еще на ступенях, ведущих под землю, Тинхарт сердечно попрощался с главой ЭнНорда. Она ушла, ни разу не обернувшись, и оставила нас в одиночестве. Мы безгранично этому обрадовались и отправились в путь. Град остался с нами и шел замыкающим. Это было вполне разумно: призраки очень тонко чувствуют опасность, да и убить их еще раз уже нельзя. Однако самого Града это совсем не радовало, и он угрюмо плелся, таким странным образом переставляя ноги, что казалось, будто они набиты ватой. И это притом, что он мог парить над землей или вообще обратиться туманом, которому на все наплевать.

На лекциях, посвященных посмертиям, мы рассматривали призраков как существ неживых, которые не испытывают никаких эмоций и не обладают настроением. Однако теперь, познакомившись с Градом, я понял: эту характеристику нагло сперли из раздела про привидений. Те действительно не испытывали ничего, кроме ненависти к живым существам. А вот Град не только обладал чувствами, но и являлся чем-то вроде живой души, которой, по-моему, совсем не помешало бы тело.

Очень скоро подземный ход, до этого бывший полностью земляным, сменил свой внешний вид. Мы оказались в коридоре из необожженного кирпича, в стены которого были вбиты грубые канделябры. На фитильках тонких белых свеч едва тлели бледные полупрозрачные огоньки. Света они толком не давали, и вокруг царил тревожный полумрак, местами переходящий в материальную темноту. Словно кто-то шел здесь до нас и разбрасывал черные клубки, которые тянулись длинными щупальцами к свету в тщетной надежде совсем его погасить.

Свечи стояли. И горели, наверное, уже не первый десяток лет. Я очень скоро понял — коридор заколдован и является чем-то вроде портала. Видимо, дриады пробили дыру в пространстве, настроили ее на необходимое место и на всякий случай сделали из нее ход, коим пользовались в случае крайней необходимости.

Мы около часа шли в молчании. Мне хотелось спать, Тинхарта что-то беспокоило, Сима обняла себя руками за плечи и хмурилась. Шейн целеустремленно брел вперед, и по его лицу нельзя было угадать, думает он о чем-то или нет. Как и по шлему Лефрансы, которая, однако, весьма уверенно переставляла ноги. Град часто оборачивался, и уголок его губ раздраженно дергался.

Кажется, именно это и было причиной беспокойства графа. Тинхарт то и дело поглядывал на призрака, но тот не замечал этого. Уже через несколько минут наблюдения я

проснулся и тоже заволновался. Что видит Град там, в пустом коридоре позади нас? Если бы нам что-то угрожало, он бы об этом сказал. Значит, ничего опасного?

Любопытство терзало меня недолго. Призрак остановился. Его ступни зависли в паре сантиметров над полом. Град скрестил руки на груди, медленно обернулся к нам и глухо сообщил:

— Мне здесь не нравится.

— Почему? — мигом среагировал Тинхарт, и его пальцы сомкнулись на рукояти длинного изогнутого кинжала. Оружие наверняка было ядовитым: по его лезвию бежала изогнутая зеленая змейка.

— За нами кто-то идет, — пояснил призрак. — Давно. Не настигает и не отдаляется, держится на расстоянии. Будто бы просто следит.

Граф подумал и оставил кинжал в ножнах, но путь продолжать не спешил. Остальные тоже напряглись. Лефранса сняла шлем и стала зорко вглядываться во тьму. В ее темных глазах отражались огоньки свеч, а волосы водопадом рассыпались по доспехам. Прошло какое-то время, и вампирша уверенно выдала:

— Там что-то золотистое. Не могу толком разглядеть. Но это точно не демон, — уверенно добавила она. — И не дриада.

— Будь это демон, я бы почувствовал, — ревниво заметил Град.

— Мы в этом не сомневаемся, — хмыкнула Лефранса. И неожиданно заорала: — Эй, ты! Тварь! Выходи на свет, прими честный бой!

Темнота безмолвствовала. Девушка приподняла брови, после чего сообщила:

— Она исчезла. Какая-то очень трусливая тварь попалась.

Тинхарт неопределенно хмыкнул и пошел дальше. Сима, поколебавшись, последовала за ним, бросив ненавидящий взгляд на мои волосы. Шейн, Град и Лефранса перекинулись несколькими ничего не значащими фразами, после чего строй поменялся: теперь призрак шел впереди, а седой повелитель стал замыкающим. Лефранса звучно топала передо мной, и на ее каштановых волосах плясали смутные отблески света. Они помогали мне отвлечься, но девушка вскоре снова надела шлем.

После незначительного происшествия идти стало скучно. Я уныло уставился в пол, пытаюсь угадать, кто мог нас преследовать. Но в голову не приходило ничего, кроме образа Шеграны, которая крадучись шла по холодным кирпичам. Но золотистое сияние, насколько я помнил, было дриаде несвойственно. Или она прихватила с собой факел? Факел... Вот оно что! Может, вовсе даже не Шеграна, а кто-то другой, взяв с собой источник более яркого огня, следовал за нами. Только кто? Кого, кроме высшего демона и воинов Альна, мог заинтересовать наш небольшой отряд?

Я замедлил шаг, чтобы оказаться на одной линии с Шейном. Для призрака и повелителей, шагающих впереди, мой маневр остался незамеченным. Да и сам Шейн заметил меня не сразу — он шел, полностью погружившись в свои мысли. И мне почему-то стало очень жаль, что я — не телепат.

— Что-то случилось? — рассеянно поинтересовался повелитель, пытаясь сосредоточить на мне взгляд. Мне показалось странным то, что в его глазах что-то коротко взблескивало. Что-то красное, ничуть не похожее на перевернутые капельки свечных огоньков.

— Скажи, кто-то извне мог проникнуть в этот коридор?

Шейн задумчиво покачал головой:

— Нет. Если его, конечно, не впустили сюда дриады.

— Такая вероятность есть?

— Теоритически — да, — согласился повелитель. — Видишь ли, никому в ЭнНорде мы на самом деле не нравимся. Нас пускают туда только потому, что Шеграна считает Тинхарта своим другом. Она держит долину в железном кулаке. Я очень сомневаюсь, что кто-то мог послушаться прямого ее приказа, но найти в нем лазейку — вполне.

— Воинов Альна не пустили бы? — уточнил я.

— Верно. Они не только нас, но и дриады ни во что не ставят. Так что в долине им не рады. Им вообще нигде, кроме Велиссии, не рады, — поморщился Шейн. — Они слишком любят обвинять представителей других рас во всяких мелких грешках.

Я задумчиво кивнул. Повелитель едва заметно улыбнулся. То, что образ храмовника начал потихоньку с него сползать, немало меня порадовало. Шейн по-прежнему казался мне опасным человеком, но его дружелюбие не оставляло поводов по-настоящему бояться. Пусть у меня и возникало чувство, что этот повелитель сможет скрутить в бараний рог даже Сулшерата.

Коридор все никак не заканчивался, но, похоже, начал понемногу подниматься. На стенах виднелись жутковатые трещины. Многих канделябров не хватало, и на полу валялись разбросанные свечные огарки. А еще — мелкие кусочки чего-то белого, напоминающего ткань. Наклоняться и проверять я поленился, но заметил, как озадаченно нахмурился Шейн.

— Кто-то здесь свирепствовал, — тихо сказал он. — Странно. Раньше дриады следили за коридором, и здесь был идеальней порядок.

— Представляю, — кивнул я, вспоминая дворец Шеграны и внутренне содрогаясь. Замок Тинхарта однозначно был уютнее. По крайней мере, жилая его часть. При мысли о том, что он оставлен на разграбление всякому сброду, мне стало жутко тоскливо. И я понадеялся, что коварный план графа сработает и воришки издохнут в неприветливом гостевом зале.

Спустя еще полчаса я убедился в том, что был прав насчет подъема. Подземный ход закончился широкой лестницей. На некоторых ступенях красовались вмятины, а на первой отпечаталась часть когтистой лапы — сколько поместилось. Тинхарт на минуту присел рядом с ней, словно запоминая, а потом невозмутимо пошел дальше.

— Не нежить и не страж, — едва слышно пробормотал он. — Но тогда кто?..

Я бросил взгляд на Симу. Девушка, сгорбившись, шагала рядом с графом и наверняка слышала его слова, но никак не отреагировала.

Ступеньке на трехсотой я забыл обо всех своих вопросах. Мне хотелось только одного: как можно быстрее оказаться на поверхности. Вверх я старался не смотреть: лестница казалась бесконечной. И только когда я обнаружил под ногами солнечный луч, я решился поднять голову.

Еще одна ступень... еще... еще... и вокруг нас распростерлось кладбище. То самое кладбище, которое давным-давно проклинали драконы. Сейчас, при ярком дневном свете, оно выглядело безобидным. Черные деревянные кресты будто росли из такой же черной земли, испещренной глубокими ямами бывших могил. А на горизонте возвышалось бесформенное нагромождение, которое, по идее, и было целью нашего путешествия.

Я оглянулся назад. Дриады коридор исчез, как только мы из него вышли, и теперь казалось, что мы поднялись со дна открытой могилы.

в которой мы требуем отдать нам амулет омутов

По ясному голубому небу неторопливо ползло солнце. Редкие облака пушистыми клочками проплывали над черным кладбищем. Руины крепости герцога приближались, но ничего хорошего я в этом не находил. Руины как руины — сплошная свалка камней, крупных плит и огрызков стен, которые можно было рассмотреть даже издалека. Одно кладбище стоило того, чтобы признать могущество магии драконов, и крепость, когда-то величественная, а теперь никчемная, только помогала утвердиться во мнении. Казалось бы, что удивительного — драконы огромные, сильные существа, дети огня, льда и ветра. Вот только раньше я думал, что люди перед ними менее уязвимы. В конце концов, сейчас повсюду есть маги, способные противостоять и более грозной силе. Но где они были в тот день, когда Старое Герцогство полыхало, превратившись в настоящий ад, и содрогалось от проклятий, сыплющихся с небес? Погибли? Сбежали? Как по мне, и то, и другое маловероятно.

Город мертвых простирался вокруг нас — черная выжженная земля, испещренная развороченными ямами. Можно было подумать, что здесь порезвилась стая дакарагов, если бы я не знал, что это всего лишь зомби. Тупые, бесконтрольные и не переносящие солнечного света, вынужденные до глубокой ночи спать там, где когда-то нашли последний приют.

Мои спутники разбрелись по кладбищу, занимаясь кто чем. Шейн на ходу читал тонкий трактатик. Он ни разу не поднял головы, но каким-то чудом обходил все могилы, которые встречались на его пути. Сима шла, высоко подняв голову и уделяя больше внимания небу, чем земле. Оно и понятно — могильщики, основавшие нынешний город мертвых, не заморачивались с глубиной ям, и спящие трупы были видны, стоило лишь немного склонить голову. Это не нравилось ни Симе, ни Лефрансе, ни Тинхарту: повелители шли идеально ровно, а граф еще и насвистывал, провожая взглядом облака. Ветер, удивительно холодный и колючий для лета, ерошил его золотые волосы.

Могилы не причиняли неудобства только Граду. Призрак, уже познавший смерть, не боялся спящих мертвецов. Порой он заглядывал в разверстые ямы и поводил плечами, будто представляя, при каких обстоятельствах погибали эти люди. Я тоже невольно задумался. Смерть настигла нынешних зомби не в драконьем огне. Она пришла до того, как сын герцога принес драконье яйцо. Этих людей нормально похоронили, отпели, к их надгробиям приходили скорбящие родственники. Но их все равно постигла гораздо более страшная судьба, чем тех, кто сгорел заживо на этой земле. Их вынудили вернуться и нести смерть тем, кто еще уцелел. Бесконтрольное карающее войско, армия драконьего возмездия, которое продолжало существовать даже после того, как проклятая черная земля снова начала оживать.

Прошло около часа, прежде чем мы пересекли границу кладбища. Могилы закончились, и под ногами захрустели потрескавшиеся камни. Вблизи руины показались мне еще более жалкими, чем издалека: самая целая "стена" была мне по колено. Однако было в черных камнях что-то такое, что заставляло сердце болезненно сжиматься. Быть может, ему не нравилась разлитая здесь магия — светлая, но обжигающая и ослепляющая, если к ней присмотреться. Останки крепости были пропитаны ей, как бутерброд — маслом. И мне казалось, что под этим самым бутербродом магии нет — только вот я не знал, были ли в

крепости герцога подземелья и безопасно ли туда соваться.

Мы пробродили по руинам минут десять, прежде чем Шейн наконец соизволил расстаться со своим трактатиком и помочь нам в поисках. Повелители снова разделились, периодически негромко переговариваясь, и самозабвенно копались в угольках под стенами и камнями. Град держался рядом с Тинхартом. Я присоединяться не спешил, обозревая руины с высоты своего роста. И чем дольше я смотрел, тем больше мне казалось, что глава долины дриад нас попросту обманула.

Энтузиазм повелителей понемногу пропадал, сменяясь отчаянием. Не расстроилась только Лефранса — и то потому, что горечь в ее душе вытеснила злость. Вампирша принялась яростно пинать ногами камни и останки стен, если они попадались на пути. При этом она шипела, как змея, и скрежетала доспехами еще больше, чем обычно.

Первым не выдержал Шейн.

— Может, ты перестанешь метаться?

Лефранса остановилась. В прорезях ее шлема коротко блеснули глаза. Нехорошо так блеснули, как у нежити, приготовившейся к атаке. Однако седой не уstraшилcя, и, скрестив руки на груди, заявил:

— Ты мешаешь, Лефранса. Бегаешь, топаешь, громыхаешь — и этим сбиваешь с мысли.

— О чем тут вообще можно думать? — скептически спросила вампирша. — О том, как бы успеть смыться до заката?

— Нет, — возразил Шейн. — О том, где герцог мог спрятать амулет. Подумай сама. Все великие мира сего, которые что-то коллекционируют, отводят для своих коллекций специальные комнаты. Водят туда гостей, как на экскурсию, с гордостью рассказывают, как купили или нашли каждый экземпляр. Может, у герцога была подобная коллекция? Может, он собирал древние артефакты, и среди них случайно оказался искомый нами амулет.

— Или не случайно, — буркнула Лефранса. — Но черт с ним. Лучше объясни мне, о умник, что нам дают твои рассуждения.

— Да то, что собирать сильные артефакты в одном месте запрещено законом, — поморщился повелитель, явно недовольный тем, что вампирша его критикует. — А значит, собирал он их тайно. В таком месте, которое скрыто не только от чужих глаз, но и от чужой магии. А таким местом могут быть только...

— Подземелья, — перебила вампирша. — Я знаю. Но, если ты не заметил, здесь отсутствует вход. Скорее всего, его завалило.

— Или завалили, — пожал плечами Шейн. — Мертвецы не любят магию.

— Здешние должны были привыкнуть. Ведь, если ты не заметил, именно она держит их в этом мире.

Повелитель скривился:

— Ты думаешь, они ей за это благодарны? Да? Ошибаешься. Это не просто зомби, это зомби, поднятые драконьей магией. Они могут чувствовать, хоть и не так, как люди. Может быть, они всю свою посмертную жизнь мечтают только о том, чтобы им наконец-то позволили упокоиться.

— И чтобы побольше таких идиотов, как мы, на кладбище шаталось, — скептически отозвалась Лефранса. — Обида обидой, а кушать что-то надо.

— Заткнись, — подал голос Тинхарт, пристроившийся на куске уцелевшей стены. Он задумчиво хмурился: должно быть, слова седого натолкнули его на какую-то мысль. И Шейн посмотрел на друга с таким пониманием, что мне показалось, будто он знает, в чем эта

мысль заключается.

Лефранса послушно молчала. Седой повелитель тоже, хотя я был уверен, что у него еще есть предположения. Сима переводила рассеянный взгляд с Тинхарта на горизонт и обратно. Я понимал, чего она опасается: солнце медленно, но все-таки опускалось, тени становились длиннее, и час пробуждения трупов неуклонно близился.

Меня это тоже не радовало. Я нахмурился, попытался сообразить, чем мог завершить свою речь Шейн. Быть может, тем, что трупы собрали все артефакты и выбросили их в город живых, чтобы не мешали? Или вообще, не поленившись, отнесли к Волнистым Рекам и утопили. В таком случае магические предметы точно никто не найдет: бешеное течение могло унести их куда угодно. Эх, вот бы непосредственно у трупов спросить, что к чему...

"Непосредственно у трупов спросить", — повторил мой внутренний голос, и я вздрогнул, с трудом сдержавшись от ругательства. Ну я и тупо-о-ой...

— Э-э-э... Тинхарт, — позвал я.

— А? — отозвался граф, будто очнувшись ото сна.

— У меня к тебе деловое предложение. Давай просто поднимем парочку мертвяков и у них спросим, где артефакты.

Тинхарт обрадованно вскочил:

— А так можно?

— Да.

— Тогда почему ты молчал и чего ты теперь ждешь?

— Так ведь сам только что додумался, — извиняющимся тоном ответил я. — Вы отойдите, в общем, шагов на двадцать. Разумных зомби поднять сложнее, чем тех тупых, — добавил я, поймав вопросительный взгляд Симы.

Глаза девушки загорелись почти детским восторгом. Она улыбнулась, послушно отошла за низенькие северные стены и стала внимательно за мной наблюдать. Мне очень хотелось попросить повелителей отвлечься. Еще в Академии я понял: очень сложно выполнить задание, когда кто-то на тебя смотрит. В одиночестве, когда можно дать волю мыслям и не ждать подвоха от окружающих, любое дело дается куда проще. Однако гордость не позволила мне приказать повелителям отвернуться, и я, повернувшись к кладбищу, закрыл глаза и сосредоточился на своем даре.

Он потянулся ко мне язычком зеленого пламени. Живой, настоящий, способный заменить душу. И я понял, что скучал по магии. Скучал, как порой скучают по друзьям, воспринимая ее как нечто большее, чем обычную безликую силу.

Я поднял руку, осторожно вывел в воздухе гексаграмму. Она светилась изнутри, как призрак, только ее свет исходил не от остатков жизни, а от эманаций смерти, щедро разлитых по мертвому городу. Медленно обводя фигуру в круг, я начал читать заклинание, и мое сердце билось все быстрее. Я чувствовал, как вместе с рисунком в наш мир приходит часть мира потустороннего. И чем дольше я говорил, тем яснее звучал знакомый напев, эхом отдаваясь в ушах и застилая глаза туманом.

Когда края круга соприкоснулись друг с другом, на руины крепости легла тень. Солнце продолжало сиять в небе, но было бесконечно далеко. Оно боялось магии смерти, боялось, как почти любое существо. И поэтому не вмешивалось.

Закончив фигуру, я мысленно потянулся к ближайшей могиле. Задумался. Может, стоит поднять нескольких зомби, чтобы уж точно не прогадать? Мысль неплохая, но энергии уйдет многовато. Ладно, ограничимся пока одним, а потом, если что, призовем на помощь Шаира.

В избранной мною яме покоилась женщина. Еще молодая, погибшая из-за болезни. Пришлось прощупывать ее суть, выясняя, не станет ли это угрозой для живых. Только убедившись в этом, я пробормотал:

— Именем Жизни, Смерти и Белого Огня, горящего в мертвом сердце, именем Бельг Цветов и Красной Крови, именем Твоим и Ее, встань, пробудись, открой свои глаза, ибо смотрят на тебя очертания Белого Круга...

Я старался, чтобы мой голос звучал как можно убедительнее. Зомби, вынужденные пробудить свой разум, могут обезуметь и разорвать самих себя, стоит только потерять над ними контроль. Белый Огонь, Огонь мира мертвых, дарит им спасительное спокойствие, но жажда крови никуда не девается. Поэтому некромантам приходится идти на жертвы. Я не жалею, нам вообще всегда приходится, и хорошо, что платой является всего лишь кровь. Это куда лучше, чем продать свою душу высшему демону, как сделал злосчастный Зарат Ладор.

Я вытащил агшел из ножен и коротко полоснул по своему запястью. Закрыв глаза. Мертвая женщина, наоборот, открыла — и сразу почувствовала запах живой крови. Только сейчас для нее это была не тупая жажда, а необходимость, и она осознавала то, что этим я плачу ей за то, что поднял ее из могилы днем и осмелился ей приказывать. Я с удивлением понял, что она испытывает нечто сродни обиде — женщина знала, что все равно не может послушаться, и плата кровью является только формальностью. Или подачкой.

Я видел мир глазами зомби, и этот мир ничем не отличался от того, каким его видел я. Женщина одним нечеловеческим прыжком выбралась из могилы, гордо выпрямилась и направилась к нам. Повелители не представляли для нее никакого интереса. Удивление вызвала только смутная тень Града, который, похоже, чувствовал в трупe отчасти живую сущность. Но больше всего женщину притягивал я — или, вернее, запах моей крови. Она подошла и остановилась по ту сторону Круга. Я осторожно, плавно и медленно протянул свою руку сквозь гексаграмму — и разрезанное запястье похолодило дуновение потустороннего мира. Наконец моя рука оказалась рядом с мертвой женщиной, и она, склонившись над раной, так нежно прикоснулась к ней губами, будто хотела поцеловать.

Только после этого я решился открыть глаза.

Ведьмин Круг полыхал, и его пламя, ослепительно белое, окутывало мой локоть. Лица зомби я не видел — только отчасти сохранившиеся волосы на затылке, испещренном длинными царапинами. Женщина пила мою кровь, но я этого не чувствовал — рука, протянутая сквозь магическую фигуру, будто перестала существовать.

Когда женщина подняла голову, Круг начал медленно гаснуть, пока не исчез совсем. Я стоял, и передо мной не было ничего, что могло бы меня защитить. Желание выхватить меч было столь сильным, что я обхватил запястье правой руки пальцами левой — и почувствовал резкую боль, сковавшую левую руку до локтя. Но не скривился, не поморщился. Смог сдержаться и сделать вид, что меня ничего не беспокоит.

Лицо мертвой женщины нельзя было назвать лицом. Человеческими в нем остались только глаза — красивого незабудкового цвета. Челюсть обнажалась под висящей лохмотьями плотью, а нос заменял темный провал, в котором медленно извивался толстый белый червь.

— Ш-што ты... хош-ш-шешь? — прошипела зомби, и я почувствовал волну злости, окатившую ее с головы до ног. Она хотела наброситься на меня, но не могла, потому что я заплатил.

— В этой крепости, — я правой рукой указал на руины, — Был сильный артефакт. Амулет, сдерживающий демонов. Ты видела его? Знаешь о нем?

— С-с-снаю, — согласилась женщина. — Он ос-с-стался там. Вниз-з-су. В подз-з-семелье. Мы хотели украс-с-сть, хотели выброс-с-сить, унес-с-сти туда, где он не меш-ш-шал бы нам, не з-з-составлял чувс-с-ствовать... Но он не поз-з-сволил. Пр-р-рогнал. С-с-сказал, ш-ш-што мы не долж-ш-шны больш-ш-ше пр-р-риходить к этим... р-р-развалинам.

— Кто сказал? — насторожился я.

— Тот, кто ж-ш-шивет в подз-з-семелье.

Я растерянно оглянулся на повелителей. Те стояли, как статуи, и не сводили глаз то ли с меня, то ли с зомби. Было видно, что задавать вопросы они сейчас не способны. Поэтому я снова отвернулся и обратился к женщине:

— Ты можешь показать мне, где находится вход?

Она кивнула, протянула мне руку. Пришлось взяться за ее мягкую ладонь и снова сдерживать эмоции. Я боялся, что плоть слезет с ее пальцев и останется на моих, но поделаться ничем не мог.

Женщина повела меня прямо к повелителям. Они расступились, и мы прошли мимо, будто провожаемые странным почетом. Зомби шагала ровно, твердо. Магия давала ее рассыпающемуся телу такие силы, о которых люди и мечтать не могли. Небывалая сила, скорость, слух... Однако женщина видела в этом только проклятие и ненавидела его всей своей сутью. Она пыталась ему противиться, но не могла. И за это ненавидела уже себя.

Мы дошли до места, где руины обрывались, и зомби указала вниз, себе под ноги. Я отвлекся от ее чувств и с удивлением обнаружил круглую дыру, по краям которой вилась винтовая лестница. Некоторых ступеней не хватало, а внизу вообще было темно, хоть глаз выколи.

"Ну мы и идиоты", — подумал я. А вслух сказал:

— Большое тебе спасибо. Теперь ты можешь отправляться спать.

— Я вс-с-се равно с-с-скоро прос-с-снусь, — ответила женщина, отпуская мою ладонь. Отвернувшись, она побрела обратно по руинам. Повелители проводили ее немного отстраненными взглядами, а потом по одному, пошатываясь, как в трансе, подошли ко мне. Тинхарт заглянул в дыру, опустил одну ногу на ступеньку. Убедившись, что она держит его вес, он встал на нее полностью и почесал затылок.

— Теперь все ясно.

— Что ясно? — растерялся я.

— Ты ничего не чувствуешь? — Граф перевел на меня взгляд. Его голос звучал немного хрипло. — Лестница защищена магией. Если бы не труп, мы бы ее не нашли. Так что ты вдвойне молодец, Хастрайн.

Я прислушался к своим ощущениям. Да, магия на ступенях была — но какая-то странная, размытая. Словно тот, кому она принадлежала, не хотел, чтобы его силы проявлялись слишком ярко, и максимально их гасил. Вдобавок ко всему он стер с магии свою личность, и ее можно было бы принять за природный источник, если бы она не находилась только на лестнице.

— Мне страшно туда спускаться, — тихо сказала Сима. — Такое чувство, что подняться обратно я не смогу.

— Сможешь, — уверенно сказал Шейн. Из всех повелителей только он выглядел невозмутимее Лефрансы. Остальным магия смерти явно не понравилась, хоть они и

признавали, что ее использование было очень своевременным. — Но нам следует вести себя тихо. Тот, кто живет внизу, вряд ли будет рад гостям.

— Страшно или нет, а спускаться надо, — добавил Тинхарт.

И перешел на вторую ступеньку.

Я понял, что с лестницами сегодня не заладилось, когда насчитал двести тридцать восемь ступенек. Повелители приуныли, Град стонал о том, что ужасно устал и хочет спать. Это было забавно, поскольку я знал, что призраки спать не могут. Града это мало беспокоило, и его жалобы становились все печальнее и изощреннее. То он желал немедленно оказаться в кровати под балдахин, то жаждал подремать под солнцем на зеленом лугу, то просто ругался — и на нас, и на себя. На нас за то, что мы встряли в скверную историю и теперь вынуждены постоянно куда-то идти, а на себя за то, что не остался в дриадской долине. Правда, последние ругательства звучали вяло. Должно быть, призрак осознавал, что в компании Шеграны его ждала бы мучительная смерть от скуки.

Когда лестница закончилась, я мысленно вознес хвалу Аларне. Нерадостные мысли о том, что потом все равно придется подниматься обратно, я постарался отогнать. Ничего, может, нас сейчас всех убьют, и продолжения лестничной эпопеи вообще не будет. Нашу смерть воспоют в легендах и балладах, как смерть людей, которые предпочли вечный покой подъему в город мертвых после того, как с таким трудом достигли подземелий.

В подземельях, кстати, было на что посмотреть. Я думал, что окажусь в очередном коридоре с морем подсвечников, поэтому реальность стала для меня неожиданностью. Приятной или нет, определиться не получилось. Зал, в котором мы стояли, был лишен стен — их заменяли тяжелые решетки. Между прутьями ближайшей виднелась светлая полоса — человеческие кости. Вытянутая рука, сообразил я, подойдя поближе. Остальной скелет терялся во мраке, и я зажег зеленый магический огонек.

Зря. Потому что никакого скелета не было. Рука лежала на полу в гордом одиночестве, и у меня возникло впечатление, будто она сама, без тела, ползла по темнице, цепляясь за трещинки между камнями пола. Но выбраться все-таки не смогла. Может, оно и к лучшему — иначе она добралась бы до лестницы и бесславно умерла там от ужаса.

"Умерла. Рука", — скептически протянул мой внутренний голос. — "Знаешь, парень, у тебя большие проблемы с воображением. Оно какое-то дикое".

Я усмехнулся. Знаю. Но поделаться с этим ничего не могу — воображение словно существует отдельно от меня, как независимая личность, периодически дающая о себе знать. Как и этот чертов слишком умный голос, впрочем.

— Хастрайн, чего ты там застрял? — окликнул меня Тинхарт. — Поторопись, будь так добр.

— Уже бегу, — буркнул я и поспешил присоединиться к повелителям.

Они благоразумно держались подальше от решеток. Оказавшись вдали от солнечного света, Лефранса снова сняла шлем и зорко огляделась по сторонам. Судя по тому, как изменилось выражение ее лица, останки человеческой руки были не худшей вещью, которую можно было увидеть в этом подземелье. Вампирше стало заметно не по себе. Взять себя в руки ей удалось попытки с третьей, но привычная насмешка, возникшая в ее глазах, показалась мне фальшивой.

Пока мы пересекали зал, я почувствовал поток энергии, направленный на нас из-под пола. Энергия была природной, значит, под крепостью герцогов находился источник магии.

Вот и ответ — для заклинания, лежащего на лестнице, была использована именно она. Я бы сказал, что крепость построили очень удачно, если бы не назойливое воспоминание о том, что среди правителей не было магов. А люди без дара не могли ни осознать энергию, ни воспользоваться ей — только чувствовали легкое недомогание. Я бы не удивился, если бы узнал, что герцог списывал его на приступ клаустрофобии — в конце концов, находиться в этом зале, зная, что тебя и поверхность разделяет огромный слой земли, было действительно страшновато.

Зал закончился узкой дверью, по которой вилась переплетающаяся резьба. Тинхарт уверенно толкнул ее, но ничего не произошло. Повелитель посмотрел на створку так, будто она его предала, и обернулся к нам.

— Дверь заперта.

— Ладно, — откликнулась Лефранса. — Тогда отойди.

— Зачем? — насторожился граф. — Ты ее выломаешь?

— Фи, как примитивно, — поморщилась вампирша. И пояснила: — У меня есть отмычки. В отличие от тебя, я достаточно предусмотрительна.

Тинхарт ничего ей не ответил, но место под солнцем... тьфу, под дверью, уступил. Лефранса коснулась своей груди, где под доспехами прятался кроваво-красный кулон. Девушка на мгновение закрыла глаза, и тяжелая защита исчезла. Без доспехов вампирша казалась маленькой и хрупкой, но на ее уверенность это никак не повлияло. Она порылась в карманах куртки и вытащила связку странных металлических шуток, напоминающих шпильки для волос. Мне почему-то вспомнился вор из гильдии, который помог вытащить Симу из лап воинов Альна.

Лефранса выбрала одну из "шпилек" и принялась увлеченно ковыряться в замке. Мы с замиранием сердца ожидали результата. Только Град невозмутимо превратился в туман, сообщил, что идет на разведку и прошел сквозь створку над головой вампирши, проигнорировав ее возмущенный окрик.

Наконец замок глухо щелкнул, и дверь открылась. Мы по очереди заглянули в узкий темный коридор. Оттуда на нас бесстрастно посмотрел призрак, сказал, что опасности нет, и поплыл вперед.

Идти пришлось гуськом и практически наощупь. Передо мной шла Лефранса, и мне пришлось побороться с соблазном тихо ее придушить. На самом деле вампирша не так уж меня и раздражала, но память не желала забывать нашу первую встречу и требовала отмщения. Победить жажду крови удалось только тогда, когда впереди забрезжил слабый свет и послышалось... бульканье? Вслед за звуком возник запах, до одури знакомый и приятно щекочущий ноздри. Нет, это была не горчащая полынь. Это был аромат драконницы — травы, которую использовали в качестве успокоительного. Ее название исходило из слов, сказанных первым травником, испытавшим ее свойства: "всего один стакан настойки, и любовь ко всему миру проснется даже у дракона!" Я в этом очень сомневался, но название прижилось.

— Стойте, — тихо сказал Тинхарт. — Нам нужен план.

— План? — растерянно спросила Сима. — Зачем?

— Затем, что если мы все продолжим путь, — ядовито пояснил граф, — То нанюхаемся драконницы и решим, что никакой амулет нам не нужен.

— А-а-а, — протянула девушка. — Ты прав. Значит, зайти в комнату должен кто-то один.

— Если это комната, — поделился опасениями я. — Больше на лабораторию похоже.

Повелители притихли. Наверное, приглядывались. Потом кто-то толкнул меня вперед, и

Тинхарт сказал:

— Из нас всех ты выглядишь наиболее миролюбивым. Пойди посмотри, кто там.

— Если на тебя нападут, кричи, — посоветовала Сима.

— Только погромче, — добавила Лефранса.

— Вы издеваетесь? — прошипел я. — Я что, на ребенка похож?

— Конечно, — в красивом трио ответили повелители. Молчал только Шейн, которому, похоже, совсем не нравилась вся эта затея. — Если хочешь, можешь взять с собой Града.

— Очень смешно, — Я закатил глаза. — Хуже некроманта, вламывающегося в комнату, может быть только некромант, вламывающийся в комнату с призраком.

— А чего сразу вламывающийся? — возразил Тинхарт. — Там, между прочим, открыто.

— Потому что тот, кто там обитает, уверен, что внешняя дверь заперта и сюда никто не придет, — подал голос Шейн. — Пошли, Хастрейн. Я конечно не Град, но и на маньяка-убийцу вроде не похож.

Я пожал плечами и протиснулся мимо Лефрансы. Повелитель последовал за мной, и вампирша злобно прошипела:

— Убери от меня свое мерзкое серебро!

— Прости, — смутился Шейн.

— Зачем ты вообще его взял? Решил стать охотником на вампиров?

— Нет. Серебра боятся не только дети твоего племени.

Я хмыкнул. Повелитель явно намекал на демона, но в правильности его предположений я не был уверен. От высших детей ада можно ожидать чего угодно — даже иммунитета, выработанного против серебра и предметов веры.

На границе света и тьмы я остановился и обернулся. Шейн кивнул, мол, иди, не бойся. Так скоро испытывать удачу мне не хотелось, и я с минуту постоял, привыкая к зеленоватому свечению и пытаясь избавиться от впечатления, что передо мной — лаборатории травников в Академии. Повелитель терпеливо ждал. Наверное, ему и самому не слишком хотелось заходить.

Наконец я вспомнил о присловье, что нельзя долго стоять на пороге, и вышел из коридора. Замер, удивленно оглядываясь. Комната все-таки оказалась комнатой, но вид у нее был необычный: в центре стоял треножник, на котором гордо возвышался котел. Именно его содержимое давало зеленоватый свет и пахло драконницей. Ноги стали ватными, по коленям растеклась предательская слабость, но голова осталась ясной. Содержимое котла громко булькало, хотя огня под треножником не было. Под стенами стояли шкафы, наполненные баночками и флаконами. Только в одном из них стояли книги. Потолка я не увидел, но был точно уверен, что высоко над треножником висит что-то светлое.

Владелец комнаты отсутствовал. Я прошел вперед и остановился в паре шагов от котла. Шейн встал рядом, и мы оглядели комнату еще раз. Я с опозданием заметил, что в стене справа от коридора виднеется открытая дверь. Повелитель толкнул меня в бок, кивнул на темный проем и потянул из ножен меч. Я последовал его примеру, и мы на цыпочках пошли к двери. Когда до нее оставалось всего несколько шагов, что-то тихо зашуршало, и в проеме показался высокий худой... эльф? Увидев нас, он уронил нечто маленькое и стеклянное — оно тонко зазвенело, но не разбилось.

С минуту мы просто смотрели друг на друга. Потом остроухий совладал с

растерянностью, наклонился и подобрал с пола маленькую синеватую колбу.

— Кто вы такие? — спокойно спросил он, пряча ее в карман.

— Мы психи, — ответил ему Шейн. — А ты кто?

— Психи? — переспросил эльф. И, нахмурившись, ответил сам себе: — Ну да. Прийти в Старое Герцогство и спуститься в подземелье могли только психи. Пожалуй, ты дал себе и своему другу правильную характеристику.

— Как вежливо, — поморщился повелитель.

— Не думаю, что правила хорошего тона стоит применять в обществе людей, которые вломились в мое жилище с мечами, — пожал плечами остроухий.

— Да, — согласился я. Хозяин комнаты перевел на меня взгляд странных, мерцающих серых глаз. Он был по-эльфийски красив, а его волосы, ниспадавшие до пояса, наверняка привели бы Симу в щенячий восторг. — Но мы же заранее не знали, кто здесь живет, поэтому опасались нападения.

— Не знали? — повторил эльф. — А зачем вы тогда пришли?

Мы с Шейном переглянулись, и я прямо ответил:

— За амулетом омутов.

ГЛАВА 15,

в которой Тинхарт проявляет небывалую щедрость

Наверное, остроухий страстно любил все за всеми повторять, потому что сделал это снова.

— Амулетом омутов? Ах да! И как это я сам не догадался?

Он хлопнул себя по лбу и, отгеснив нас в сторону, подошел к одному из шкафов. Шейн выразительно посмотрел на него, потом на меня, а потом опять на него: мол, будь добр, проследи. Я понятливо кивнул, и повелитель незаметно проскользнул в коридор, где нас ждали остальные.

— Это же надо, — тем временем говорил эльф. — Знаете, обычно я не жду гостей. Я выбирал самое уединенное место из всех, о которых знал. Сначала я хотел податься в горы, но горцы не любят безродных чужаков. По их мнению, если имя эльфа им неизвестно и он не может рассказать ничего почетного о своей семье, то его нельзя воспринимать всерьез. К тому же... Знаете, мне хотелось одиночества. Старое Герцогство, конечно, опасное место, но мне нравится царствующая здесь сила. Не драконья, нет, — запнулся он, как будто я собирался его критиковать. — Мне нравится сила, оставленная здесь Создателем.

— Создателем? — удивился я.

— Да, — подтвердил эльф, не оборачиваясь. — Однажды он приходил сюда, чтобы окончательно упокоить герцогскую семью. После смерти все они превратились в зомби, а дракон, уничтоживший крепость, принес сюда корону с изумрудами. Так что смерть исполнила желание герцога — погибнув, он все-таки стал королем. Пусть и над трупами.

Я вздрогнул. Изумруды уже давно считаются проклятыми камнями. Сулшерат говорил, что они не позволяют душе покинуть тело после смерти. Человек, которого удерживают в мире эти камни, постоянно испытывает боль, пока его сознание не притупляется, убивая все эмоции и оставляя только ненависть. То есть получается, что герцогская семья была островком жизни — хоть и относительной — среди целого моря тупых бесконтрольных

трупов. Страшная участь — понимать, что твое тело мертво, видеть, как оно гниет и...

К счастью, мое воображение вовремя прервали. В комнату бесцеремонно ввалились повелители. Над их головами парил Град, недовольно поглядывающий на котел с зельем. Эльф обернулся — наверное, услышал шаги, — но никак не отреагировал на то, что количество незнакомцев резко возросло. Он накрыл котел крышкой, и запах сразу, словно получив приказ, начал слабеть.

— Что ж, — сказал остроухий, рассматривая диковинную компанию, — Вас много. И все вы — маги. Даже ты. — Он кивнул на призрака.

Град мрачно отсалютовал ему полупрозрачным рукавом.

— И вам нужен амулет омутов, — задумчиво продолжил эльф. — Я вижу в сложившейся ситуации только одну проблему.

— Какую? — миролюбиво поинтересовался Шейн.

— Я не знаю, как он выглядит, — признался остроухий. — А вы?

— Ну, нам известно, что это пепельный камень в оправе черного цвета.

Эльф просиял.

— Значит, проблемы нет. Подождите здесь, я сейчас вернусь, — сказал он и умчался обратно в комнату, из которой вышел с колбой.

Повелители молча посмотрели ему вслед. Потом Тинхарт пробормотал:

— Удивительная удача.

— Не беспокойся, — мило улыбнулся Шейн. — Когда этот парень вернется, мы за нее еще поплатимся.

— Что ты имеешь в виду? — мигом насторожился граф.

— Он совсем не простой эльф. Наше появление застигло его врасплох, и он потерялся в своих чувствах. Раньше ему хотелось одиночества, и он ничего не имел против того, чтобы его заперли здесь. Теперь, увидев живых людей, он захочет уйти отсюда. Я уверен. И он не позволит нам просто так выйти и снова запереть дверь, — покачал головой повелитель. — Он уже пытается придумать, как заставить нас признать его свободным.

— А я думала, он закрылся здесь добровольно, — удивилась Сима.

— Ты не ошиблась, — пожал плечами Шейн. — Просто не видишь альтернативы.

Я решил, что сейчас самое время вмешаться, и сказал:

— погоди. Ты с такой уверенностью говоришь о его чувствах, словно...

Я запнулся, заметив, с какой иронией смотрит на меня Лефранса. Вампириша знала, о чем я подумал, и неприкрыто злорадствовала.

— Додумался наконец? — спросила она. Шейн бросил на нее недовольный взгляд, но девушку это ничуть не смутило. Впрочем, она не стала больше ничего говорить, хоть по ней и было видно, как ее забавляет моя тупость.

Вот оно — объяснение той угрозе, которую я чувствовал, находясь рядом с седым повелителем. Мое подсознание знало, что этот человек может перерыть его, если только захочет. Только вот извещать меня об этом оно не посчитало нужным. И теперь вот я чувствовал себя дураком, слишком поздно вычислившим... телепата.

— Ты не совсем прав, — мягко сказал Шейн. — Я не копался в твоём подсознании. И я не могу читать чужие мысли в полной мере. Я совсем не телепат, Хастрейн. — В голосе повелителя послышались нотки гордости. — Я был рожден провидцем.

— Тогда откуда ты знаешь, что я принял тебя за телепата?

— Да у тебя на лице это написано, — буркнула Лефранса.

— Об этом ты очень громко подумал, — пояснил Шейн, не обратив на нее внимания. — Думай потише, и мне будет невдомек, что происходит в твоей голове.

— Но разве провидцы могут слышать чужие мысли? — усомнился я, вспомнив об Оарне. — Ты, по идее, должен всего лишь уметь видеть будущее.

— Так и было бы, если бы я был обычным человеком. Но к моему нормальному дару примешался дар повелителя, — улыбнулся седой. — И это усилило мои способности.

— Сделаю вид, что понял, — кивнул я.

И про себя добавил: "Сделаю вид, что поверил".

К счастью, продолжить разговор не получилось. Вернулся остроухий. Остановившись напротив повелителей, он скрестил руки на груди — и стало видно, что между пальцев его правой ладони свисает тонкая серебряная цепочка.

— Я отдам вам амулет, — медленно сказал эльф, — Если вы меня освободите.

Лефранса хотела что-то сказать, но Тинхарт предупреждающе поднял руку. Вампирша гневно засопела, но все-таки сдержалась. Граф же с минуту подумал, прежде чем ответить:

— Не раньше, чем ты расскажешь, кто ты такой и за что тебя заперли здесь.

— Меня никто не запирает, — поднял брови остроухий. — Я пришел сюда добровольно.

— Давай поподробнее, — подумав, попросил Тинхарт.

— Ладно. — Остроухий нахмурился, размышляя, с чего начать. — Меня зовут Аэлэль. Не надо делать такое лицо, — обратился он к Лефрансе, которая горестно скривилась. — Вы не обязаны запоминать это имя. Вас ведь интересует другое. Так вот, когда-то давно, когда я был еще молод, меня считали перспективным алхимиком. Мне хотелось достигнуть совершенства во всем. Мои... э-э-э... коллеги, — с сомнением произнес эльф, — в большинстве своем были людьми и мечтали о философском камне. Мы проводили множество исследований. Каждое наше предположение исходило из того, что говорилось о камне в легендах. Вы ведь знаете, какими свойствами он должен обладать?

В голосе Аэлэля послышалось такое сомнение, что вампирша скривилась еще горше, а Шейн удивленно приподнял брови. По его лицу было видно, что парень недоумеваает, как чертов остроухий может считать его таким тупым. Спокойствие сохранили только Тинхарт и Сима. Последняя невозмутимо сказала:

— Конечно, знаем. Философский камень превращает любой металл в золото и дарует любому живому существу вечную жизнь и молодость. Но я, если честно, не понимаю, зачем он нужен эльфу? Ведь ваша раса не стареет. Или вы хотели разбогатеть?

— Нет, — покачал головой Аэлэль. — Не хотел. Я испытывал к камню чисто научный интерес. Это было похоже на одержимость. Мне нравилась мысль, что в случае успеха мы будем увенчаны вечной славой. Но... Как вы, должно быть, понимаете... Успеха мы не достигли. Мы сумели изготовить камень, но... э-э-э... не тот.

В светлых глазах эльфа не отразилось никаких эмоций. Казалось, что он уже давно смирился с неудачей. Однако у меня перехватило дыхание от мысли, что я (пусть и не я один) сейчас стою у истоков никому не известной легенды. Жаль, что у меня нет друзей-менестрелей, было бы о чем с ними поговорить.

Аэлэлю удалось заинтересовать не только меня. Лефранса больше не выглядела скучающей, Тинхарт не сводил с эльфа пристального взгляда, а Шейн задумчиво хмурился, будто пытаюсь что-то понять. Но вопрос снова задала Сима, с которой, впрочем, слетела прежняя невозмутимость.

— В каком смысле не тот?

— Изначально, — медленно, словно пробуя слова на вкус, произнес Аэлэль, — Камень был таким, каким должен был быть. Во всяком случае, он действительно превращал любой металл в золото. Мы ликовали, нам казалось, что цель достигнута. Но когда мы попытались сделать золотой напиток, дарующий молодость, камень изменился. Сперва он приобрел ядовито-зеленый цвет, но потом почернел и покрылся трещинами. Мы решили, что по какой-то причине он самоуничтожился. Попытались высчитать реакцию. Но спустя три дня поняли, что камень не утратил магические свойства, а приобрел новые. Он начал пожирать свет.

— В каком смысле? Свечи гасил, что ли? — скептически спросила Лефранса.

Аэлэль ничуть не обиделся.

— Нет, — спокойно сказал он. — Я говорю о солнечном и лунном свете. Стоило нам выйти с камнем на улицу — и все вокруг тут же покрывалось тьмой. Те люди, что видели нас со стороны, говорили, что в наш мир словно ворвался кусок другого, черного и жуткого. Нас осудили, камень хотели уничтожить. Но в последний момент произошло что-то странное. Над площадью, где проходил суд, нависла тень. И когда она исчезла, камня больше не было.

Остроухий с минуту помолчал, а потом отвернулся от нас и снова подошел к шкафу. Оттуда он достал несколько свеч, поставил их на крышку котла и зажег. В комнате стало светлее. Все растерянно молчали.

Мне было очень жаль и самого эльфа, и его загадочных коллег. Никогда прежде я не слышал о людях, пытавшихся создать философский камень. Должно быть, все сведения об исследованиях уничтожили, чтобы никто не попытался повторить опыт остроухого.

— Ладно, — наконец сказал Шейн. — С камнем понятно, и я сожалею, что у тебя ничего не получилось.

Серые глаза Аэлэля вспыхнули гневом:

— Ничего не получилось? Ты неправ, человек. Результата мы достигли. Он ведь превращал металлы в золото! Значит, мы просто допустили ошибку. И, если ее исправить, философский камень можно воссоздать.

— Я бы на твоём месте этого не делала, — тихо сказала Сима. — Что будет, если ты снова ошибёшься? Может, вещество, которое ты сделаешь, будет еще страшнее первого?

Эльф пожал плечами, но ничего не ответил. Казалось, его это мало волновало.

— Давайте перестанем говорить о камне, — закатил глаза Шейн. И обратился к Аэлэлю: — Лучше расскажи о том, как ты оказался здесь.

— Разве не очевидно? — вернулся к бесстрастному тону эльф. — Люди, осудившие нас, требовали долгосрочного изгнания. И судья исполнил их требования. Нас, алхимиков, заставили разделиться и поискать себе уединенные места для жизни. Я выбрал это. Люди обещали выпустить меня через девяносто лет, — он нахмурился, — а прошло уже сто восемнадцать. Впрочем, мне было все равно.

— Наверное, твоя история забылась, — предположила Сима. — Человеческая жизнь коротка.

— Меня больше волнует другой вопрос, — подал голос Тинхарт. — Как ты, черт возьми, выжил?

— Эльфы не нуждаются в воде и пище так, как люди, — пожал плечами Аэлэль. — Хотя, если честно, я бы не отказался от пары бутербродов.

Тинхарт кивнул, с минуту подумал и принялся копаться в своей дорожной сумке.

— А кем были твои коллеги? — тем временем поинтересовался Шейн.

— Трое людей и светлый эльф. Насколько я знаю, его имя — Риэль. Имена людей уже давно стерлись из моей памяти, — сокрушенно признался остроухий. — Поэтому я не уверен, что запомнил имя эльфа правильно.

— Удивительно, как это он помнит свое, — пробормотала Лефранса.

Тинхарт, задумчиво хмурясь, протянул эльфу огромный кус хлеба, увенчанный не менее огромным кусом колбасы. Аэлэль благодарно кивнул, сунул амулет омутов в карман и вгрызся в "бутерброд".

Граф молчал. Сима и Лефранса что-то тихо обсуждали, а Шейн выглядел немного растерянным. Казалось, он додумался до чего-то, чего просто не могло быть, и теперь не мог поверить в свои выводы. Рассказ остроухого не впечатлил только Града, который, спустившись на пол, бесцельно слонялся по комнате.

Когда Аэлэль разделался с бутербродом, Тинхарт сказал:

— Что ж, я готов признать тебя свободным. По-моему, ты уже с лихвой поплатился за свою ошибку.

Шейн с ужасом уставился на друга.

— Ты что, с ума сошел? Ты представляешь, что он может натворить?!

— Представляю, — твердо ответил граф. — А еще я представляю, как он медленно умрет в этих подземельях, и не хочу брать на себя вину.

Седой повелитель выглядел так, будто был готов наброситься на Тинхарта и разорвать его в клочья. Но граф смотрел на него спокойно, всем своим видом показывая, что ни одно действие Шейна его не испугает.

Аэлэль, не обратив никакого внимания на их теперь молчаливый спор, подошел к Тинхарту и протянул ему амулет. Круглый пепельный камень в квадратной черной оправе качнулся на серебряной цепочке. Граф осторожно взял его, и эльф, как в полусне, приблизился к коридору. С минуту он просто смотрел туда, как в колодец, а потом, пошатываясь, побрел прочь.

— Ты куда? — окликнула его Лефранса. — Там, наверное, уже стемнело. Трупы тебя сожрут, — прямолинейно сообщила она.

Аэлэль не остановился и ничего не ответил. Его худую фигуру поглотила темнота, только прощально сверкнули в отблесках свеч рыжеватые волосы.

— Отлично, Тинхарт, — поморщилась графиня. — Ты не хотел, чтобы он сдох здесь, но почему-то не возражаешь против того, чтобы он сдох там.

— Я не думаю, что ему страшны трупы, — возразил повелитель. — А вот нам лучше переждать ночь. У нас, конечно, есть Хастраи́н, но я не хочу рисковать зря. Амулет мы нашли, значит, спешить некуда.

— Я не понимаю, — неожиданно сказала Сима, глядя в коридор так же, как до этого — Аэлэль. — Если он так хотел уйти, почему не сделал этого раньше? В конце концов, дверь не запечатывали магией. У него были все шансы.

— И правда, не понимаешь, — усмехнулась Лефранса. — В отличие от тех, кто осудил эльфа и вынес ему приговор. Какое остроухому дело до двери? Он может выломать ее без всякого труда. Я думаю, люди заставили его дать клятву оставаться здесь, пока за ним не придут. Он легко согласился, потому что был в отчаянии после неудачи. И теперь его время настало.

— Настало, — согласился с ней Шейн, по-прежнему непривычно злой. — Настало, и только Создатель может предсказать, что оно нам принесет.

Ночь в подземелье прошла удивительно спокойно. Несмотря на то, что трупы не могли сюда спуститься, Тинхарт избрал караульных, которыми почему-то оказались мы с Лефрансой, и со спокойной душой завалился спать.

Вампирша, недовольная тем, что какой-то там граф смеет ей приказывать, ушла на экскурсию в темницы. Я остался в комнате Аэлэля. Побродил у шкафов, порассматривал колбы и коробочки с порошками. Если не считать того, что эльф добровольно лишился свободы, он был очень богат. Половина травников Велиссии продала бы душу дьяволу за то, чтобы очутиться в этом подземелье. Но счастливчиком оказался я, и поэтому безо всяких зазрений совести спер и драконницу, и инсидиану, и сушеные листья "золотых цветов", и порошок шегреды. В общем, сумка оказалась набитой под завязку, а диплому, конспектам и отварам пришлось потесниться.

Ближе к середине ночи я заскучал, зажег зеленый магический огонек и пошел осматривать комнату, из которой Аэлэль вынес амулет. К моему удивлению, там оказался целый зал. Пришлось зажечь еще несколько огоньков и развесить их в разных местах. Зрелище получилось странное: жутковатые, очень агрессивные на вид кусочки пламени висели вдоль стеллажей, заваленных всякой дрянью. От этой дряни исходили сильные энергетические колебания, из-за которых огоньки вздрагивали, словно затронутые ветром.

Стеллажей не было только под одной стеной, и то потому, что она была щедро увешана оружием. Там были и мечи, и ятаганы, и короткие клинки, и топоры, и метательные ножи... Другой на моем месте рванул бы туда и набрал себе чего ни попадя, но я, закаленный визитами в лавку Оарна, спокойно бродил вдоль полок, заваленных артефактами. Их сила, смешиваясь и переплетаясь, вызывала во мне приятное волнение. Подумать только — можно в любой момент остановиться, закрыть глаза и пропустить эту силу через себя... Только вот я опять недоумевал, как же драконам удалось уничтожить Старое Герцогство, если под ним пряталось столько магии.

Артефакты были разными. Порой попадались кулоны, бусы или венцы, над которыми явно много работали, но чаще это были просто чайные ложки, маленькие ножи или куски ткани. В этих кусках я с опозданием узнал носовые платки и внутренне содрогнулся, представив, каково это: высморкаться в артефакт.

Некоторые предметы я брал в руки, подолгу рассматривал — сначала обычным зрением, а потом с помощью дара. Я видел переплетающиеся в них узоры заклинаний и читал их, словно открытую книгу. В ничего на первый взгляд не значащих вещах прятались мощные защитные, стихийные и атакующие заклятия. Их создавали разные существа, и каждое оставляло свой отпечаток. Перед моими глазами то и дело мелькали образы: молодой друид со смеющимися карими глазами, надменный лесной эльф, горец с невыразительными, но приятными чертами лица, человек из Башни, задумчиво грызущий перо... И от многих образов ощутимо веяло холодом. Артефакты, собранные в зале, сохранили в себе память о своих создателях, которые давным-давно умерли.

Я чувствовал все это, видел чужие лица и не мог остановиться. Мне казалось, что зал наполнился призраками, и они безразлично наблюдают за мной — обычным живым человеком, ворвавшимся в царство мертвых. Мой разум затерялся среди теней, магических узоров и силы, а глаза видели все — и в то же время не видели ничего.

Только вот вскоре в этот безупречный мир, от которого веяло и смертью, и жизнью, ворвался голос Лефрансы.

— Неплохое местечко, — сказала она, шагая к стене с оружием. Казалось, артефакты нисколько ее не интересуют. — Уютненькое.

Я промолчал. Безучастно посмотрел на ее маленькую хрупкую фигурку, которой нечего было делать в этом зале. Да, она повелительница, да, у нее есть дар, но она не чувствует ни магии смерти, ни магии жизни. В этом я был абсолютно уверен. И мне было очень обидно, что призраки прошлого развеялись, оставив после себя только воспоминание.

Впрочем, ради таких воспоминаний стоит жить.

— Ты чего молчишь? — поинтересовалась вампирша, так и не дождавшись от меня ответа. — Мне скучно, между прочим.

— Я не шут, чтобы тебя развлекать, — огрызнулся я.

Она посмотрела на меня с удивлением, которое быстро сменилось насмешкой.

— А, ты все еще обижаешься за могильного червя?

— Что? — растерялся я. — Ты о чем?

— В замке Тинхарта я тебя так называла, — любезно напомнила Лефранса. — Потому что не люблю некромантов.

— Точно. Что ж, я не прошу тебя их любить.

— А я и не буду, даже если ты попросишь. Но, должна признать, среди этих могильных червей иногда попадаются достойные люди. Ты, например.

— Я польщен, — буркнул я, не зная, что еще на это можно ответить.

— Вот и зря, — пожалала плечами вампирша. — Быть может, твой нынешний характер вызван только возрастом. В восемнадцать лет многие думают, что способны на все и чем-то этому миру обязаны.

— Я не думаю, что чем-то ему обязан. И я не помню, чтобы говорил тебе, сколько мне лет.

— Так ведь не мне, а Тинхарту. "Почти двадцать", — с иронией сказала вампирша. — К тому же, на фоне моих друзей ты выглядишь ребенком.

Я поморщился. Как будто это плохо.

Лефранса, казалось, забыла о разговоре и принялась отковыривать от стены маленький арбалет. По сравнению с теми арбалетами, что я видел в лавке Оарна, этот был либо карликовым, либо игрушечным. Когда он оказался в руках вампирши, тетива сухо щелкнула и обвисла. Лефранса выругалась и повесила оружие на место. Я с недоумением на нее посмотрел и отвернулся к стеллажу, у которого еще не был, не понимая, как можно оставаться таким неуклюжим, когда ты вампир.

Я с огорчением обнаружил, что после появления Лефрансы все мое настроение куда-то улетучилось. Рассматривать артефакты больше не хотелось — хотелось спать, причем с такой силой, будто рядом находился сонник. Мысль о том, чем заканчиваются встречи с этим духом для людей без дара, меня почему-то не беспокоила. Вдобавок ко всему у меня зверски зачесалось заживающее запястье.

До утра ситуация в подземельях не изменилась. Вдоволь насмотревшись на оружие, вампирша снова ушла гулять по коридорам. Я остался со спящими повелителями и призраком, который парил в паре сантиметров над полом, закинув руки за голову и закрыв глаза. Скорее всего, он просто отдыхал, но со стороны казалось, что Град по-настоящему спит. Я представил, как заклинателю живется без нормального сна, еды, магии, возможности читать книги, и внутренне содрогнулся. Проще уничтожить самого себя, чем навсегда потерять свою живую сущность. Но призрак почему-то смирился. Почему?

Неужели принести себя в жертву — означает страдать вечно, даже в следующем мире, куда тебя после смерти занесет?..

Очень неприятная перспектива.

Лефранса вернулась на рассвете, привычно громыхая доспехами. Должно быть, когда первый солнечный луч пересек горизонт, сработал ее защитный кулон. Девушка растолкала своих друзей, попыталась пнуть Града (ее нога прошла сквозь призрака, а потом вампирша так резко ее одернула, будто он пытался ее оторвать) и преувеличенно бодро предложила отправляться в путь. Тинхарт печально посмотрел на остатки вчерашнего ужина, но завтракать никого не пригласил. Для повелителей это было к лучшему — как я уже знал, им не нравилось кладбище. Мне же настолько хотелось спать, что я не мог думать ни о чем, кроме теплой кровати.

Подъем по лестнице мне запомнился смутно. На этот раз я не стал ни считать ступеньки, ни сетовать по поводу их бесконечности — просто тупо шел, наблюдая за мелькающими впереди подошвами чужих сапог. Позади громыхала Лефранса, опустившая забрало шлема. Казалось, она не испытывает никаких неудобств от того, что не спала всю ночь. Хотя для вампирши это, наверное, нормально — я не раз слышал байки об их выносливости и невероятных силах.

"Невероятных силах", — промурлыкал мой внутренний голос. — "Скажи, ты хоть раз видел их на практике? Леший с ней, с вампиршей, — ты хоть раз видел доказательства тому, что твои повелители могут управлять ветрами? Нет, ты просто идешь за ними, как глупый пес, который слепо верит в то, что человек его не предаст".

Заткнись, печально подумал я и скривился. Ну не видел я доказательств, и что с того? Мне достаточно слов Шаира. В нем я уверен.

Голос обозвал меня фанатиком и укоризненно замолчал. Я вздохнул с облегчением — даже дважды, потому что лестница наконец-то закончилась.

Кладбище, как и вчера днем, выглядело безобидным. Если бы не тяжелый трупный запах и множество следов у входа в подземелье, я бы сказал, что оно совсем не изменилось. Однако повелители брезгливо морщили носы, а Град поднялся повыше. Ветер, все такой же холодный и колючий, ничуть его не беспокоил — хотя мое воображение успело нарисовать картинку, как призрака разносит по городу мертвых белым туманом.

Тинхарт взял направление к темной полосе леса, служившего границей между Старым Герцогством и Айл-Минорскими графствами. Никто не возражал против такого выбора. Я тем более, потому что не знал, куда нам теперь вообще надо. В моей сонной голове вертелась только одна мысль: в лесу, вдали от трупов и драконьей магии, можно будет поговорить с Шаиром. Может, на этот раз он меня не подведет и принесет какие-нибудь новости.

ГЛАВА 16,

в которой Шаир отвратительно себя ведет

Я несся сквозь светлый осенний день.

Приходилось быть предельно внимательным, чтобы не врезаться в какое-нибудь дерево на пути. Клены с круглыми кронами, обряженные в желтую листву с зеленоватой каймой, с ужасающей скоростью проносились мимо. Казалось, что у меня за спиной развернулись

крылья, которые гнали и гнали меня вперед. Так, что вскоре кленовая роща кончилась, и подошвы моих сапог — почему-то железные — застучали по поверхности длинного крытого моста.

Впереди виднелся призрак белого замка. От его стен, поросших плющом, веяло магией, а тонкие шпили поблескивали в солнечных лучах. Я подумал, что мне непременно нужно попасть туда — и в этот момент мост пошатнулся. И начал медленно проседать, пока огромные каменные глыбы не полетели вниз.

Вместе со мной.

Моя душа, прихватив с собой голос, ушла в пятки. Я падал молча, стиснув кулаки и крепко зажмурившись. Заклинание левитации схематически мелькало в голове, но почему-то не действовало.

Наконец ко мне пришла уверенность в том, что я разобьюсь. И когда я вот-вот должен был упасть, я открыл глаза, чтобы в последний раз посмотреть на небо. Мне показалось, что оно тоже куда-то проваливается. Затем прозвучал неприятный хруст, и я... проснулся.

Надо мной возвышались клены. Почти такие же, как во сне, только их листва была полетнему зеленой. Небо хмурилось серыми тучами, и мне почему-то стало жаль, что солнца не видно.

Тянуло дымком. Приподнявшись на локтях, я увидел Шейна, Лефрансу и маленький костер, над которым висел походный котелок. Тинхарт спал неподалеку, накрывшись плащом. Симы и Града нигде не было видно.

Вставать не хотелось. Я убедился, что все в порядке, и вознамерился снова уснуть, но тут над моим ухом прозвучало:

— Ну наконец-то! Хватит спать! Давай, хозяин, подъем, солнце уже встало!

Я вздрогнул, хоть и узнал голос Шаира. Последовав его совету, я поднялся на ноги, встряхнул куртку, на которой спал, и повернулся к духу-убийце.

Он самодовольно улыбнулся. На этот раз Шаир выбрал женское тело, и его образ никак не вязался с голосом. Впрочем, одета женщина была по-мужски, а к ее поясу был пристегнут колчан со стрелами. Приглядевшись, я увидел и лук, перекинутый за спину, а потом сообразил, что наконечники стрел сделаны из серебра.

— Легок на помине, — пробормотал я. — Я только вчера тебя вспоминал.

— Я появился бы раньше, — пожал плечами Шаир, — Но мне не нравится ни ЭнНорд ни Старое Герцогство. Магии и там и там, конечно, хоть отбавляй, но в долине баб, а в герцогстве трупов слишком много.

— Но на кладбище ты был и позаимствовал один, — усмехнулся я.

— Так, прошелся по окраине. Ты ведь просил не приходить к тебе в облике бесплотного духа.

— Все верно. Ты принес какие-нибудь новости?

Шаир задумчиво нахмурился, размышляя, с чего начать. Я поймал вопросительный взгляд Шейна, кивнул приспешнику на костер и сказал:

— Присядем.

Дух-убийца послушно подошел к повелителям и сел рядом с Лефрансой. Вампирша презрительно фыркнула из-под забрала шлема. Шейн едва заметно улыбнулся, заглянул в котелок и помешал его содержимое деревянной ложкой.

Я принялся. Нет ничего лучше, чем каша, приготовленная в походе.

Шаир помолчал еще несколько минут, прежде чем сказать:

— О твоём добром здравии я сообщил, кому надо. Оарн просил передать, что убьёт тебя, когда ты вернешься, а Сулшерат обещал оказать любую помощь, которая потребуется.

— Прекрасно, — кивнул я. — А новости какие-нибудь есть?

— После праздника в доме Зарата Ладора вас разыскивают специальные отряды всадников, — сообщил дух, так презрительно скривившись, что стало ясно, какого "высокого" мнения он об этих отрядах. — Тебя, Хастрейн, уже вычислили и пытались давить на Академию, но Сулшерат очень удачно сыграл роль недоумевающего старика. Он сообщил королеве, что с момента выпуска ты живёшь независимо от Башни, поэтому найти тебя по магическим следам не получится. Порталы, которые вы использовали на протяжении своих странствий, сбили воинов Альна с толку. Они не могут понять, кто их составлял и как, и теперь уверены, что вы тоже заключили союз с потусторонней сущностью. Как я вижу, они правы, — добавил он и почему-то посмотрел на Шейна. Выразительно так посмотрел, и повелитель, сурово сдвинув брови, возразил:

— Это неправда. Единственной потусторонней сущностью, которая за нами следует, является призрак из замка Тинхарта. Но мы не заключали с ним союз. Град пошел с нами добровольно и может уйти, как только захочет.

На красивом женском лице промелькнула насмешка. И я неожиданно даже для себя самого сообразил, что имеет в виду Шаир. Я вспомнил о комнате с гротескными драконами на стенах и о вопросе седого повелителя: "Что тебе известно о духах-пожирателях снов? Я видел такого духа. Но не почувствовал его ауры. Вообще. Как будто передо мной было не живое существо, а пустое место."

И сейчас я с опозданием сообразил, что в этом пожиратель очень похож на высшего демона. Только вот господина Уля можно узнать по запаху, а дух остается невидим и неслышим, пока сам не захочет себя выдать.

От размышлений меня отвлек скептический голос Шаира:

— Единственной, вот как? И этот призрак до сих пор ничего вам не сказал?

И тут меня осенило. Я вскочил, лихорадочно оглянулся по сторонам, но не смог произнести ни слова. То, что я понял, ошеломило меня, и мне немедленно требовался Град, чтобы утвердиться в своих догадках.

— Хозяин уже сообразил, что к чему, — радостно сказал дух-убийца и потыкал пальцем в мое колено.

Я разрывался между двумя желаниями: броситься на поиски призрака и объяснить все Шейну. Победило второе, так как после неприятного сна мне не хотелось бегать по кленовой роще. Я снова сел, сделал глубокий вдох и выпалил:

— Подземный ход, который открыла дриада. Золотистое сияние позади. Это был он, я уверен. Он дал нам понять, что идет следом, и, наверное, очень развеселился, когда понял, что мы его не узнали.

— О Аларна, — выдохнул Шейн. Его глаза широко распахнулись, и я снова увидел, как по голубой радужке гуляют золотые всполохи. Очередное открытие... не то чтобы оказалось неожиданным, но сумело заставить меня окончательно потерять спокойствие. Мне стало страшно.

— Он идет за тобой, — тихо сказал я, глядя в глаза повелителя, где плескались первые искры одержимости.

Шейн ничего не ответил. Казалось, он вообще меня не услышал. Мы так и сидели бы молча, если бы не недовольный вопрос Лефрансы:

— Что, черт возьми, происходит? О чем вы говорите, психи?

— За вами идет пожиратель снов, — невозмутимо ответил Шаир. — Точнее, за этим вот парнем, — уточнил он и указал на седого повелителя.

Если бы Шейн мог, он бы наверняка поседел еще раз. На его побледневшем лице отразился ужас. Я сообразил, что впервые вижу парня таким испуганным, но успокаивать его не стал — хотя бы потому, что мне самому было страшно.

— Пожиратель снов? — едва слышно повторила вампирша.

— Ага, — подтвердил Шаир. — Так что у вас большие неприятности.

Повисло молчание. За доспехами не было видно, какие чувства испытывает вампирша, но вряд ли они сильно отличались от моих.

Веки Шейна опустились. Потом он провел ладонями по лицу, словно стирая с него эмоции, и, вздохнув, помешал кашу.

— С этим разобрались, — удивительно спокойно сказал он. — А что тебе известно о демоне? Он знает, что мы нашли амулет?

— Знает, но сомневается, что вы сумеете правильно его использовать, — пожал плечами дух-убийца. — По его мыслям неясно, о чем речь. Есть только размытые образы. Какой-то белый лес, храм с четырьмя статуями и алтарь с белым камнем. Думаю, хозяин сможет нам это объяснить, если хорошенько подумает. Он очень много времени посвятил изучению древних ритуалов, — с гордостью закончил Шаир.

Я мысленно попросил Аларну о помощи, но ответа, как всегда, не дождался.

Догадки у меня были. Точнее, догадка. Одна. Но, чтобы ее проверить, мне нужна была моя сумка и конспект о Звезде Неповиновения, выжженной пожирателем снов между пятью основными городами королевства Шаэл.

Когда тетрадь оказалась в моих руках и я начал листать страницы, мне стало спокойнее. Хоть что-то в этом мире оставалось прежним — пусть и одна только любопытная душа, живущая в конспекте. К сожалению, ничего нового записать я не мог, и тетрадь разочарованно зашуршала. На нужных мне записях я остановился, прокашлялся и зачитал вслух:

— "В центре пентаграммы, охватывающей королевство, был установлен Храм Воюющей Химеры — самый мощный источник магии для Ведьминых Кругов. Любой артефакт, принесенный туда, наполняется разрушительной силой. К примеру, Крагарра Огненная замыкала Круг, надев на палец пепельное кольцо — и все драконы, некогда осаждавшие Оэлтаг, рассыпались прахом. Их северные сородичи не могли не признать вину своих братьев, но, боясь, что люди начнут постоянно использовать Круг во зло, создали вокруг Храма Серебряный Лес, сквозь который дано пройти лишь тому, кто познал цену смерти".

— О Боги, и тут драконы, — пробормотала Лефранса. — Что они сделали на этот раз?

— Обезумели, — любезно пояснил Шаир. — И попытались вернуть город, когда-то принадлежавший их более сильным братьям. По названию ясно. Только рвались туда не истинные оэлтаги, а проклятый, можно даже сказать, заранее обреченный выводок настоящего дракона и виверны. Кровь матери в них оказалась сильнее, чем мудрость, которую передал им отец.

— Это все сейчас неважно, — тихо сказал Шейн. — Важно другое. Действительно ли демон погибнет, если, надев амулет омутов, замкнуть Круг в Серебряном Лесу?

— Насчет гибели я не уверен, но его надолго вышвырнет из этого мира, — ответил дух-убийца. — И мир оставит на нем метку, по которой будет потом узнавать и пытаться

уничтожить, как нечто чужое, враждебное.

— Слушайте, ребята, — медленно, напрягая память, пробормотал я. — Он ведь говорил о нем.

— Кто? — не понял Шейн.

— Демон. На том дурацком празднике, когда он меня поймал, он упоминал Храм Воющей Химеры и камень, венчающий его алтарь.

— Значит, это ловушка? — поинтересовался повелитель.

— Не обязательно, — возразил ему Шаир. — Демоны любят поиграть со смертными. Быть может, он дал вам ключ к разгадке и решил посмотреть, как быстро вы догадаетесь.

— Понятно, — кивнул Шейн, невозмутимо пробуя кашу.

— Это вы о чем вообще? — сонно поинтересовался Тинхарт, выглядывая из-под плаща.

Мы дружно уставились на него, и Лефранса немного истерически рассмеялась.

Спустя час, когда Сима с Градом вернулись, завтрак состоялся и призрака с оставшимися повелителями посвятили в подробности беды, возникла новая проблема. К королевству Шаэл вел только один мост, расположенный на границе Айл-Минорских графств. Этот мост хорошо охранялся, и, увы, не теми людьми, которые были верны Тинхарту. Повелитель неуверенно предложил вернуться к дриадам и попросить их открыть новый магический ход, но его идею с возмущением отвергли. За ней последовала новая: воспользоваться рунами перехода. Она была не лучше предыдущей, потому что силовое поле королевства Шаэл было пугающе нестабильным. Я, Сима и Шейн знали: пытаться открыть портал туда — значит рискнуть собственной жизнью. Пожиратель снов, выжигая проклятую Звезду, позаботился о том, чтобы рядом с ней магию использовали как можно меньше. Перед нами во всей своей красе предстал суровый выбор: либо пересечь Волнистые Реки на лодке (что сокращало шансы добраться до противоположного берега ровно наполовину), либо попробовать укротить стихию с помощью магии. Второй вариант был неплохим, но только до тех пор, пока мы не вспоминали про бушующую воду, в которой топились даже самые искусные пловцы. Лефранса в своих тяжелых доспехах возмущалась больше всех, а Шаир ехидно посмеивался — мол, что толку с вашей магии, если вы не можете перебраться с берега на берег?

В итоге было принято решение подойти к Рекам поближе и разобраться на месте. Мы быстренько собрались (благо, собирать было толком нечего), и двинулись в путь. Солнце ползло по небу, мы — по земле. Редкие облака, больше похожие на пятна тумана, разгонял ветер, все такой же холодный. Вокруг то и дело что-то попискивало, и в высокой траве, присыпанной листьями кленов, мелькали маленькие серые существа.

Мои спутники их не видели и, соответственно, не слышали. Наргру — низшие духи-хранители — пытливо поглядывали нам вслед, но, узнав во мне некроманта, разбегались быстрее ветра. Они были похожи на встревоженных мышей с непомерно большими ушами и кисточками на хвостах.

Сима заметила, что я смотрю куда-то в сторону, и толкнула меня в бок.

— А? — отозвался я, покосившись на повелительницу.

— Что ты там увидел? — поинтересовалась она.

— Ничего, — пожал плечами я. И мечтательно добавил: — Трава, листва, землячка...

— Кого ты обманываешь? — нахмурилась Сима. — На землячку, знаешь ли, с таким интересом смотрят только могильщики.

— А чем я хуже?

— Тем, что ты их работу обычно сводишь на нет.

— Ничего подобного! — возмутился я. — Трупы и нечисть вылезают без моей помощи!

Повелительница ненадолго задумалась, но была вынуждена признать мою правоту:

— Да, ты прав. Но ты никогда не закапываешь оставшиеся... ямы.

— Мне что, делать больше нечего? — поморщился я. — Мне совсем не за это платят.

Оно и к лучшему, что следы битвы остаются — заказчик может в полной мере оценить мою работу.

Сима понимающе усмехнулась. Я вернул ей ухмылку, думая о том, что в развернутых могилах ей свои плюсы. Например, селяне при виде них испытывают суеверный ужас и добавляют еще пару-тройку монет к оплате, а, как показывает опыт, деньги лишними не бывают.

Повелительница кивнула мне, догнала Лефрансу и что-то у нее спросила. Вампирша недовольно ответила, но уже спустя пару минут ее плохое настроение улетучилось, и девушки начали обсуждать грядущие перспективы. Лефранса была на стороне печали, разочарований и бесконечной иронии, Сима же выступала за добро, веру в чудо и оптимизм. Я с трудом сдерживал смех, наблюдая за ними, а вот остальным было явно не до веселья.

Тинхарт целеустремленно шел вперед, не оборачиваясь. Град "плыл" по его следам, держась на расстоянии в пять-шесть шагов. Рядом с призраком шагал Шаир. Дух и мертвец порой перебрасывались скупыми фразами — несмотря на взаимную неприязнь, обоим было трудно сдержать любопытство. Шаиру было интересно, каково это — загреметь в другой мир в облике души, хранящей воспоминания о своей былой жизни, а Град не понимал, как можно жить в мире духов, воспитывая в себе только ненависть и жестокость по отношению к живым. Шаир отшучивался, в основном спихивая всю вину на нас, некромантов, а Град отвечал вполне серьезно, хоть и без особой радости.

Последним, глядя себе под ноги, брел Шейн. Седой повелитель не обращал внимания ни на чужие разговоры, ни на холодный ветер, ни на корни деревьев, переплетенные между собой. Он спотыкался и молча шел дальше, хотя за завтраком мне показалось, что Шейн смирился с новостью о пожирателе снов. Видеть его растерянным было как-то странно.

Судя по спокойствию Шаира, нас никто не преследовал. Амулет омутов находился у кого-то из повелителей, но у кого именно, я определить не мог: артефакт не расставался с энергией понапрасну, то есть не растрачивал ее на бесполезные эманации. Может, оно и к лучшему. Демона-то амулет должен отпугивать, а как насчет иной нечисти? Дармовая сила, даже направленная на разрушение, притягивает всяких тварей, словно магнитом.

Спустя приблизительно полчаса я заскучал и попробовал научиться спать на ходу. Не получилось. Глаза тут же перестали слипаться, а в голову ворвалась стая разнообразных, в основном безумных, идей. Например, что будет, если побрить гнома налысо? Обычно (из-за обилия волос и необъятной бороды) головы гномов кажутся очень большими, как раз самое то по отношению к внушительным плечам. Что, если без лишней растительности все будет иначе? Я так увлекся, представляя себе лысых гномов, что не сразу заметил подошедшего Шаира.

Дух тоже не торопился выдавать свое присутствие. Он хмурился, явно пытаясь уловить мои мысли и будучи весьма недоволен тем, что это не получается. Хотя чему тут удивляться? После того, как я узнал о природе магии Шейна, я сделал все, чтобы защитить свое сознание от постороннего вмешательства. Нет, я не ожидал подлостей от седого повелителя — но что,

если демон обладает сходными способностями? Мое воображение — мой главный враг, и воздействие на него может оказаться роковым. Впрочем, я не был уверен, что защита сработает против ненаправленного ментального удара.

— Сколько тебя знаю, — задумчиво сказал Шаир, — Но не помню, чтобы раньше ты скрывал от меня свои мысли.

— Извини, друг, — покаянно ответил я. — Это не из-за тебя, это вынужденная мера. Как выяснилось, Шейн обладает даром провидца.

— А я думал, он просто повелитель. — Дух-убийца очень выразительно произнес слово "просто", чтобы у меня не осталось сомнений, что это просто — очень даже не просто.

— На самом деле, — очень тихо прозвучало за нашими спинами, и я оглянулся через плечо, — У каждого повелителя при рождении появляется обычный дар. Возможность управлять ветрами пробуждается потом, и мы становимся чем-то вроде воронки, сквозь которую непрерывно протекает энергия. Мы можем использовать очень много сил, прежде чем, подобно простым гильдийским магам, — не в обиду тебе будет сказано, Хастрайн, — свалиться с ног. Проблема только в том, что разлитая в воздухе энергия часто бывает стихийной. Это усложняет дело, потому что ее очень трудно преобразовать.

Рассказывая это, Шейн наконец-то повеселел. Шаир внимательно его выслушал и медленно кивнул головой, словно повелитель только что подтвердил все его догадки. Седой едва заметно улыбнулся, и, поймав мой вопросительный взгляд, кивнул:

— Спрашивай.

— Вам требуются ритуалы, чтобы преобразовать энергию? — тут же выпалил я.

— Нет, — покачал головой Шейн. — И это порой очень неприятно.

— Почему?

— Потому что при ритуале лишняя сила выбрасывается в Безмирье, на потеху тамошним безумным вампирам, а без него медленно оседает в том, кто ее использовал. Очень медленно, — нахмурился повелитель. — Дар начинает пылать так ярко, что кажется, будто после очередной безумной вспышки он просто угаснет.

Я попытался представить это, но не смог. Мне почему-то вспомнились друиды, черпающие силы из земли — в их землях дар горел ярче, чем обычно, но после заклинаний все же опустошался, набирая силу только через сутки-двое. Интересно, каково это — гореть непрерывно? И почему, в самом деле, дар повелителей не выгорает из-за избыточной энергии?

— Наверное, — задумчиво протянул Шаир, — Из всех существ, что есть в этом мире, вы ближе всех к Создателю.

— Я так не думаю, — спокойно возразил Шейн. — Ему невыгодно создавать тех, кто может встать с ним на одну ступень. Может, он и не интересуется властью в полной мере, раз отдал бразды правления в руки Богов, но этот мир ему дорог. Он не позволит никому им завладеть.

— Я разве говорил об одной ступени? — поморщился дух-убийца и фальшиво "задумался", припоминая. — По-моему, нет. Я говорил о том, что вы близко к нему. Выше вам при всем желании не залезть, — грубовато сказал он. — Мне кажется, что создатель создавал вас по образу и подобию кого-то, кого любил.

Впереди послышался смех. Мы втроем усталились на Лефрансу, которая остановилась и едва не согнулась пополам от хохота.

— Что... Что я слышу! — насмехалась она. — Дух-убийца рассуждает о любви!

Шаир обворожительно улыбнулся, поправил волосы и самым что ни на есть дружелюбным тоном ответил:

— Что я вижу! Вампир прикидывается, что у него есть чувство юмора, хотя на самом деле не способен вообще испытывать эмоции!

Лефранса подавилась смехом и смолкла. Дух, не переставая улыбаться, подошел и похлопал ее по наплечнику.

— Мы с тобой уже очень долго живем среди людей, правда? — радостно спросил он. — Достаточно долго, чтобы начать копировать их поведение, привычки и образ мыслей. Но в глубине души мы знаем, что не такие, ага? На самом деле мы холодные, лживые, переменчивые и темные существа, которые изо всех сил стараются скрыть свою истинную сущность. — Лучезарная улыбка Шаира стала очень мрачной, я бы сказал, кровожадной. Он мечтательно обвел взглядом лес, потом вспомнил о вампирше и посоветовал: — Сними свою маску стервозности, девочка, она тебе не идет.

Лефранса ничего ему не ответила. Она стояла столб столбом, а потом, коротко кивнув, отчего звякнуло забрало шлема, пошла догонять Тинхарта.

Мы с Шейном посмотрели ей вслед и удивленно переглянулись. Мелькнувшая впереди Сима укоризненно покачала головой. Шаир погасил улыбку, вернул своему лицу надменное выражение и собирался что-то спросить, но я его опередил:

— Зачем ты это сделал?

— Сделал что? — уточнил дух, и в его глазах промелькнуло изумление.

— Оскорбил Лефрансу, — холодно уточнил я.

— Оскорбил? Хозяин, иногда твое видение мира становится странным. Я всего лишь поставил глупую девчонку на место, при этом ни разу ей не солгав. Кто-то должен был сбить с нее спесь, и не моя вина в том, что вы здесь все такие мягкосердечные.

Шаир продолжил путь, и мы последовали за ним. Приспешник явно ждал ответа, но я не торопился, пытаюсь подобрать подходящие слова.

Да, мне тоже не нравилась вампирша. Порой она бывала просто невыносимой, а порой казалась бездушным ходячим доспехом. Но, несмотря на это, она была нашим товарищем и еще ни разу нас не подставила.

Это я и попытался донести до Шаира, но он только поморщился и обозвал меня дураком. Шейн не вмешивался, за что я был ему премного благодарен. Закончив с бессмысленным, по сути, разговором, дальше мы шли в молчании. Седой повелитель снова утонул в своих мыслях, и я заметил, что золотая тень в его глазах понемногу становится ярче.

Это было странно, поскольку пожирателя снов не было рядом с нами. Получается, он наблюдал за Шейном из своего логова в потустороннем мире, не утруждая себя визитами в наш. В одном я был уверен — сознание повелителя оставалось чистым, незамутненным приказами чужого существа. Но долго ли это продлится?

Солнце начало клониться к закату, и на лес опустились тени. Иногда они двигались — вместе с духами, которые медленно просыпались, готовясь к ночному буйству. Хотя вряд ли здесь, рядом со Старым Герцогством, они выдавали свое присутствие. Будь духи хоть тысячу раз бесплотными созданиями, зомби, как порождения черной магии, могли их уничтожить.

Впереди, подобно раскатам грома, шумели Волнистые Реки. Мне не нужно было к ним подходить, чтобы увидеть, как волны бросаются в вечный бой с берегами. Достаточно было закрыть глаза и дать волю своему воображению, которое услужливо (даже с некоторой радостью) рисовало эту картину само. Надо признать, у него это получалось ярче, чем у

реальности.

Когда мы вышли на берег, грохот стал попросту невыносимым. Внизу, то и дело осыпая нас брызгами, бушевала неукротимая стихия. Удивительно чистая голубая вода ерошилась тысячами волн, которые попеременно разбивались — то об отвесную землю, то друг о друга. Мост отсюда был не виден, и Тинхарт, как житель айл-минорских графств, большими глазами смотрел на реку. Было видно, что повелитель впечатлен, и я не видел в этом ничего удивительного. Там, у моста, сумасшедшие воды сдерживали не только опоры, но и магия, а здесь они разыгрались во всей своей пугающей красе.

Тинхарт обернулся к нам. Глаза его сияли, и графу пришлось кричать, чтобы мы его услышали.

— Как насчет фантомного моста?

— Бред! — проорала в ответ Сима. — Волны снесут его ко всем чертям в первые же секунды!

Повелитель погрузился в умолк, озадаченно хмурясь. Сима окинула взглядом своих спутников, задержав взгляд на моих волосах (они начинали топорщиться, и девушку это дико бесило) и предложила:

— Может, перелететь?

Шаир расхохотался ничуть не хуже вампирши.

— Ты видишь у кого-нибудь крылья, детка?!

— Я вижу ветер, а для повелителей этого достаточно! — огрызнулась Сима.

Хохот мгновенно оборвался, словно его и не было. Дух заинтересованно выпрямился и жадно посмотрел на повелительницу, но она не обратила на него внимания. Шаир не понравился ей с самого начала, как, похоже, и всем остальным, и девушка не стеснялась это демонстрировать.

— Это не твой ветер, — громко сказал Шейн. Парень болезненно щурился: находиться рядом с рекой ему явно не нравилось.

— Верно, — виновато согласилась Сима, — Это твой. Но из нас всех ты обладаешь самым сильным даром, а значит, для тебя не составит труда перебросить нас на тот берег.

Шейн испытующе на нее посмотрел. Девушка не смутилась, и повелитель неопределенно пожал плечами. Затем он подошел к самому краю обрыва и, как замороженный, уставился на земли королевства Шаэл, окутанные редкой белесой дымкой.

Солнце зашло, и все вокруг разом стало серым. Повелители молчали, Шаир выжидал, а Град равнодушно висел рядом с Тинхартом. Вот уж кому незачем беспокоиться о переправе — волны не могут причинить призраку никаких неудобств, кроме разве что моральных.

Наконец Шейн обернулся и сказал:

— Хорошо.

Сима и Шаир просияли. Последний явно не собирался сокращать путь через мир духов, надеясь, что седой повелитель покатает на ветре и его.

— Кто тут самый смелый? — поинтересовался Шейн, и в его голосе прозвучало нечто вроде иронии. Сима с готовностью подбежала к нему, остановившись на расстоянии четырех шагов.

Парень закрыл глаза, развел руки в стороны — и меня ослепило потоком энергии, исходящей, казалось бы, прямо из его тела. На берег Старого Герцогства налетел ледяной ветер, и щеки закололо крохотными снежинками — снежинками? Летом?!

...Я пропустил тот момент, когда Сима исчезла. Я не увидел, пролетела ли она над

рекой или упала вниз. Она просто вдруг исчезла, ветер стих, и я вместе с Шаиром подскочил к берегу — только чтобы увидеть, как крохотная фигурка повелительницы машет нам с другой стороны реки.

— Выходит, ее просто... сдуло? — пораженно пробормотал Шаир.

— Вроде того, — невозмутимо подтвердил Шейн.

— А почему не в реку? — допытывался дух-убийца.

— Потому, что мне так захотелось.

Шаир уставился на повелителя со смесью уважения и страха.

— Сдуй и меня тоже, а? Всегда мечтал полетать, — попросил он.

— Нет проблем. Хастраи́н, отойди.

Я послушно отступил. Дух-убийца остался на месте, а Шейн в этот раз не стал даже руки разводить — просто закрыл глаза, и хрупкое женское тело сорвал с обрыва колючий северный ветер. Мне показалось, что Шаир упал в реку, но вскоре его пронесло над противоположным берегом, и он неловко скатился на землю — будто с кровати упал.

Тем же способом седой повелитель избавился и от Тинхарта. Потом настал черед Лефрансы, и Град попросил подождать, пока он уберется за хозяином. Он невозмутимо пролетел над бушующей водой, глядя на фигурки переправившихся повелителей так сосредоточенно, будто от этого зависела его жизнь. Шейн дождался, пока призрак окажется на твердой земле (то есть зависнет в паре сантиметров над ней) и вопросительно посмотрел на вампиршу, так и не расставшуюся с доспехами.

— Тебя прямо так перекидывать, или ты... э-э-э... разденешься? — любопытствовал повелитель.

— Разденусь, — удивительно спокойно ответила Лефранса.

В следующий миг ее защита исчезла, но девушка не стала ни коситься на горизонт, не разминаться. Она подошла к краю обрыва, не оборачиваясь, и ее снесло тем же образом, что и остальных повелителей.

Шейн посмотрел на меня. В его голубых глазах плескалось целое море недоумения, причину которого он, подумав, пояснил вслух:

— Неужели она обиделась на слова духа-убийцы?

— Не знаю, — пожал плечами я. — Наверное. Меня бы это точно зацепило, но... понимаешь, Шаир очень редко ошибается. Он сказал, что вампиры не способны испытывать эмоции, и я склонен ему верить.

— А я — нет. — Седой повелитель удрученно покачал головой. — Среди племени наровертов есть те, чье сердце не останавливается.

— Хочешь сказать, Лефранса относится к таким?

— Не знаю. Мне еще не выпадал случай прижаться к ее груди, — рассмеялся Шейн. — И, надеюсь, не выпадет. Она не то существо, которому можно до конца довериться. Но я уже давно ее знаю и привык к ее, как выразился твой приспешник, "маске стервозности".

Он задумчиво посмотрел на тот берег. Вампирша держалась особняком, старательно избегая не только Шаира, но и своих друзей. Повелители этого не замечали, потому что увлеченно махали руками нам. Наверное, они не понимали, почему я все еще торчу на обрыве.

— Тебе пора лететь, — улыбнулся Шейн.

— Как по мне, уж лучше фантомный мост, — поморщился я. — Но Аларна с ним. Валяй, я готов.

Это было чистой воды враньем. На самом деле я был вовсе не готов к полету над Волнистыми Реками, но признаваться в собственной трусости мне не хотелось. Когда налетел ветер, мое сердце будто заледенело, а огонек дара болезненно сжался, угаснув до едва тлеющей искорки.

Меня сбросило вниз, потом подхватило, перевернуло... волосы, плюнув на всякие там сроки, снова встали дыбом, а тело вдруг сделалось очень легким, словно принадлежало маленькому ребенку. Я не успел привыкнуть к чувству полета (оно было вовсе не таким захватывающим, как в моем воображении), потому что меня хорошенько приложило об землю, и вокруг засуетилась раскрасневшаяся, улыбающаяся Сима.

— Видишь — когда ты повелитель, тебе все преграды нипочем, — весело сказала она. Я поморщился, не разделяя ее восторга, и с трудом поднялся на ноги. Тело снова обрело вес, и я пошатнулся, окончательно запутавшись в своих чувствах.

Когда устойчивость ко мне вернулась, я посмотрел на Шейна, одиноко стоявшего на краю обрыва. Отсюда он казался очень маленьким, почти игрушечным, но все его действия были отлично видны. Вот он еще стоит, а вот — начинает падать, но его подхватывает едва заметный серебристый росчерк. Повелитель встает на ноги, и под ним проявляется... фигура огромного полупрозрачного дракона, летящего прямо на нас.

Я чувствовал себя так, будто меня стукнули по голове кирпичом. Ветер — дракон?! Я протер глаза, но видение не исчезло — только начало уходить вверх, и Шейн съехал вниз по полупрозрачному распростертому крылу. Образ северного ветра сразу растаял, но его леденящий холод остался с нами.

"Вот тебе и доказательство", — ехидно шепнул мой внутренний голос. Я был слишком поражен, чтобы с ним спорить, и не чувствовал даже холодных брызг, окатывающих нас с каждой новой волной. Берег королевства Шаэл был ниже, чем берег Старого Герцогства, и повелители уже поспешно от него отходили.

Не торопилась только Лефранса, по-прежнему слишком спокойная.

ГЛАВА 17,

в которой нам предлагают работу

Мы заночевали на равнине, оставив реку далеко позади. Слева мрачной стеной возвышались стены Делла. О нынешней жизни основных городов королевства я знал мало, а вот их прошлое было мне известно. Еще лет двадцать назад Делл называли городом детей, в память о странной болезни, бушевавшей там когда-то. Новое имя город получил после того, как трон занял молодой наследник. Этим изменением все и ограничилось: король боялся вмешиваться в жизнь своих земель, считая, что их называют проклятыми не только из-за Храма и леса.

Под утро, когда Дайра и Шимра погасли, а мир погрузился в серый бесцветный морок, Тинхарт разбудил всех и велел отправляться в путь. Сима возмутилась по поводу отсутствия завтрака, но граф поведал ей о запахе полыни, который приносил налетающий с реки ветер, и девушка тут же заткнулась. Мы торопливо собрались и помчались по равнине дальше, оставив позади и город, и тракт.

К тому времени, как взошло солнце и с окружающей нас реальности спала седина, запах полыни почувствовали все. Повелители неслись по равнине, как четверка волков, а Град

летел над ними, и его рукава казались крыльями огромной птицы. Мы с Шаиром отставали шагов на двадцать, потому что духу в мертвом женском теле бежать было не с руки, а я не хотел его бросать.

Демона нигде не было видно. Я был уверен, что легко узнаю его по красному пятну волос, но равнина оставалась пустой. Наверное, со стороны мы выглядели очень глупо, убегая непонятно от чего, но запах полыни неплохо отгонял подобные мысли, уверяя, что сразу шесть носов ошибаться не могут.

Я уже морально подготовился к проблемам, когда запах полыни вдруг исчез, уступив свое место теплему ветру, пахнущему дождем. Мы с Шаиром одновременно посмотрели вверх. Со стороны Реки ползли тяжелые черные тучи, закрывая собой неприветливое небо. Солнце яростно сверкало, тем самым показывая, что вовсе не радо гостям — но тучи плевать на него хотели, и вокруг снова стало темнеть.

— А спрятаться негде, — протянул Шаир и свистнул, привлекая внимания повелителей. Те тоже остановились, и мы снова сбились в одну запыхавшуюся компанию.

— Черт с ним, с дождем, — отмахнулся Тинхарт, услышав слова духа. — От него можно укрыться с помощью магии. А вот от демона так просто не спрячешься.

— Зачем прятаться от того, кто уже ушел? — удивился Шаир. И, поймав недоумевающий взгляд повелителя, пояснил: — Ты чувствуешь запах полыни? Я — нет.

— Может, он научился его скрывать, — неуверенно предположил Тинхарт.

— Тогда почему он не сделал этого сразу? — рассудительно заметил дух. — Нет, парень. Что-то заставило его уйти.

— Я даже знаю, что, — мрачно заметил я.

Граф посмотрел на меня с большим сомнением. Я никак на это не отреагировал, просто указав ему на темные клубы туч. Повелитель ничего не понял, а вот Шаир радостно улыбнулся, посмотрев на меня едва ли не с обожанием.

— Вот видишь, парень, — сказал он Тинхарту, — Возраст и раса еще не определяют уровень знаний! Мой-то хозяин и смертный, и помладше тебя будет, а снова первым сообразил, что к чему.

Граф закатил глаза:

— Если бы он нам еще и объяснить соизволил, вообще цены бы ему не было.

На это дух не ответил, только вопросительно покосился на меня. Я кивнул ему, пытаюсь оформить свои мысли в слова. Получался какой-то бред, потому что впечатления у меня были очень противоречивые.

— В некоторых храмах, — начал я и преисполнился уверенности в том, что Лефранса кривится за забралом шлема, — Дождь считается плачем ангелов.

— Хочешь сказать, что демон испугался? — не понял Тинхарт.

— Вроде того. Я сомневаюсь насчет страха, но, быть может, он решил проявить осторожность.

Золотоволосый повелитель задумался. И тут, к моему тщательно скрытому злорадству, Лефранса все-таки не выдержала и вышла из состояния подозрительного спокойствия:

— Парни, вы совсем свихнулись?! Это же демон, а не черт или бес! Вам не кажется, что по отношению к нему ваши слова о дожде выглядят более чем надуманно? Или вы не осознаете всю серьезность проблемы? Демоны — это вам не слабенькие сущности вроде него, — вампирша указала на Шаира. — Демоны — это живучие и очень упрямые твари, и, если уж его, по вашему мнению, так пугает дождь, не сомневайтесь: он найдет себе зонтик!

Дух-убийца, собиравшийся возмутиться по поводу пренебрежительного к себе отношения и того, что его явно недооценивают, закрыл открытый было рот и пожал плечами. Лефранса гневно (наверное) смотрела на Тинхарта, который, впрочем, не испытывал от этого никакого дискомфорта.

— Ладно, — равнодушно сказал он. — Ладно. Никаких проблем. Но пока он будет этот самый зонтик искать, мы еще немножко пройдем вперед.

С этим Лефранса спорить не стала. Мы отправились дальше, а тучи последовали за нами, понемногу нагоняя и заставляя задуматься об укрытии. Наш небольшой отряд сбился в кучу, и Сима, едва слышно что-то пробормотав, молитвенно сложила ладони. Воздух в метре над нами начал тускнеть, а затем превратился в полупрозрачную пленку. Выглядела она отвратительно, больше всего на свете напоминая сопли, но зато, когда хлынул дождь, до нас не добралась ни одна капля.

К сожалению, сопливый зонтик в пространстве не перемещался, и нам пришлось сделать остановку. Так что, пока шел дождь, было исправлено отсутствие завтрака и найдена новая проблема: еда закончилась. Лефранса тут же вспомнила и высмеяла щедрость Тинхарта в Старом Герцогстве, но граф и бровью не повел, оптимистично заявив, что к вечеру мы выйдем к обжитым землям, а там, в каком-нибудь селе, можно будет запастись съестным. Вампирша не сдалась и предположила, что селяне, живущие в опасной близости к центру выжженной пожирателем снов Звезды, вряд ли отличаются гостеприимством и могут принять нас за бодренькую нежить. Тинхарт напомнил девушке, что именно по этой причине она с Шаиром обойдет село по дуге, и Лефранса немедленно обиделась, прекратив, впрочем, спорить.

Дождь шел и шел, и казалось, что вокруг наступила ночь, настолько было темно. Шаир сидел на земле, подтянув колени к груди, и стеклянными глазами таранился на непроглядную серую завесу. Сима, Шейн и Тинхарт что-то обсуждали на расстоянии достаточном, чтобы их не слышали. Лефранса нетерпеливо слонялась туда-сюда, время от времени раздраженно фыркая. Град, которому дождь ничуть не мешал, по просьбе золотоволосого повелителя отправился на разведку. Я не знал, куда себя деть, а потому начал наводить порядок в своей сумке, бережно раскладывая по кармашкам все, что спер у Аэлэля и все, что пострадало, когда я это в сумку запихивал.

Спустя полчаса все было укомплектовано, а дождь никак не заканчивался, явно вознамерившись идти до ночи или, что еще хуже, до утра. Шаир загрустил, Лефрансе надоело бегать, Сима и Тинхарт с Шейном разошлись. Последний улегся на траву, подложив под голову плащ, и принялся беззаботно разглядывать укутанное в тучи небо.

Наверное, наша вынужденная остановка продолжалась бы еще долго, если бы под купол защиты не влетел Град. Призрак был взволнован и, стоило Тинхарту вопросительно поднять бровь, затараторил:

— На вас карета идет! Не знаю, какой придурок в ней едет, но, увидев защитный купол, он приказал кучеру мчаться прямо сюда.

— Мне казалось, что мы отошли достаточно далеко от дороги, — нахмурился граф. — Но, видимо, нет. Убегать от кареты бессмысленно, поэтому мы останемся здесь и узнаем, чего от нас хотят. Если это воины Альна, вряд ли их могло набиться больше десяти. Справимся.

Шейн деловито кивнул и проверил, как выходит из ножен меч. Шаир посмотрел на него, хмыкнул и взялся за лук. Пальцы Тинхарта сомкнулись на рукояти кинжала, а Сима с

Лефрансой продолжили невозмутимо стоять, словно их ничего на свете испугать не могло. Я на всякий случай подготовил пару заклинаний, и дар принялся ярко гореть — на зависть всем кострам.

Карета вылетела из мрака, словно демон, перед которым распахнулись врата ада. Кучер натянул поводья, и четверка лошадей с фырканием остановилась, обеспокоенно прядя ушами. Близость магического купола им явно не нравилась, как и куполу — близость посторонних.

Кучер с недоумением посмотрел на хорошо вооруженных и не слишком дружелюбных нас, с сомнением поскреб затылок и... ничего не сказал. Только открыл и закрыл рот, как выброшенная на берег рыба — причем эта рыба находилась под прицелом лука духа-убийцы и недвусмысленными взглядами еще трех вооруженных людей.

— Добрый день, — жизнерадостно сказала Сима, оценив обстановку. — С чем пожаловали?

— Э-э-э... — протянул кучер, окончательно запутавшись в ситуации. С минуту он молчал, а потом наконец сумел вспомнить, каково это — связно разговаривать. — Господа хорошие, зачем же так реагировать на появление добрых людей? Им, знаете ли, страшно, когда незнакомые путники вот так сразу хватаются за оружие.

— А может, мы разбойники? — с улыбкой предположил Шаир, даже не удосужившись опустить лук. Его грубоватый голос, извлеченный из хрупкого женского тела, так шокировал кучера, что тот снова не смог извлечь из себя ни звука.

К счастью, его спас хозяин кареты, открывший дверцу и спрыгнувший прямо в грязь. Он был невысок, крепок и больше всего напоминал фигурку солдата, вырезанную из дерева. Покрытое шрамами лицо, нос с горбинкой, короткий ежик темных волос. Смотрел незнакомец вполне дружелюбно, из чего мы заключили, что опасности нет, и временно понизили уровень защиты.

— Приветствую, господа маги, — сказал мужчина, вежливо поклонившись.

— Добрый день, — повторила Сима все тем же жизнерадостным тоном. — Что заставило вас сойти с дороги в столь темное время? Разве сейчас подходящая погода для прогулок по равнине?

— Нет, совсем нет, — с сожалением покачал головой тот. — Но мне нужна помощь людей, способных справиться с нежитью. Порой перед ней пасуют бывалые воины, и справиться могут только маги. К сожалению, в Делле не оказалось ни одного дипломированного выпускника Академии, а шарлатанам я не доверяю.

— А с чего вы взяли, что мы не шарлатаны? — удивилась девушка. — И кто вы вообще такой, собственно говоря?

— Ой, — смутился мужчина. — Простите мою неучтивость, госпожа. Мое имя — Хорнэт Ташел. Я живу неподалеку от Серебряного Леса, в родительском поместье. Может, вы слышали о нем? В народе его называют логовом шершней, хотя это все, разумеется, глупые предрассудки, давно отжившие свое. А насчет шарлатанов... Я ведь не слепой, госпожа. Я прекрасно вижу купол, который вы поставили, чтобы защититься от дождя, а это заклятие не последнего уровня.

Сима переглянулась с Тинхартом, и тот, убрав руку с кинжала, красноречиво посмотрел на меня. Я ответил ему мрачным взглядом, но понятливо полез в сумку за своим бедным помятым дипломом. Черт побери, как можно быть таким глупым? Может, этот Хорнэт у воинов Альна на побегушках состоит, а граф так слепо ему верит. Я, конечно, поддерживаю

идею с ветерком добраться до Леса, но осторожность еще никому в этом мире не вредила.

Выудив наконец диплом, я подошел к мужчине и протянул ему бумажку. Тот взял, внимательно изучил, и его брови поползли вверх. Он поднял на меня глаза, полные не то страха, не то уважения:

— Некромант? Как раз то, что надо! Рад знакомству, господин Неш-Тавье.

— Я тоже очень рад, — мрачно ответил я.

— Так вы согласны помочь? — продолжал Хорнэт, умоляюще на меня глядя. Я посмотрел на Тинхарта, и тот улыбнулся, воскликнув:

— Конечно, согласны!

Я поднял глаза к небу, вопрошая, почему меня окружают идиоты, которые притворяются умными людьми, и первым полез в карету.

Мы ехали весь день и часть ночи. В карете было сухо и уютно, даже тесноты удалось избежать. Шаир под удивленным взглядом господина Хорнэта забрался на крышу, Лефранса устроилась рядом с кучером, а Град "пошел пешком". Таким образом, в самом экипаже оказались только трое повелителей, я и наш наниматель, который уже сомневался, правильно ли сделал, обратившись к столь неуравновешенным магам.

Большую часть пути мы молчали. Шейн задремал, Сима отобрала у него трактатик, который повелитель читал на кладбище к Герцогстве, и погрузилась в чтение. Тинхарт смотрел в окно. Я пытался вспомнить, знаю ли что-то о логове шершней, но в голову ничего не приходило. Значит, поместье было вовсе не таким известным, как считал его хозяин.

Когда ехать оставалось меньше получаса, господин Хорнэт снова заговорил:

— Знаете, я не стал бы вас беспокоить, если бы у меня не гостили важные... э-э-э... персоны. Я буду очень благодарен вам, господа маги, если вы не запятнаете мою репутацию.

— Все будет сделано в лучшем виде, — покладисто кивнул Тинхарт. Я мрачно подумал, что давать такие обещания рано, но промолчал. У меня было много сомнений насчет нашего нанимателя, но озвучивать их я не торопился, вспомнив, что Шейн может слышать чужие мысли, если думать достаточно громко. Поэтому я мысленно орал повелителю, что все это полный бред, что мы явно ввязываемся в неприятности, что Хорнэт может быть членом воинов Альна, а может, просто видел Тинхарта на каком-нибудь приеме и слышал о шумихе в доме Зарата Ладора, и что из-за опрометчивости графа мы все можем загреметь в застенки. Шейн никак не показывал, что услышал меня, но, стоило мне отчаяться, как в голове прозвучал его голос. Я едва не поморщился, уловив это едва слышное "понятно", но все-таки смог сохранить спокойное выражение лица.

Правда, спустя минут пять я начал закипать уже от гнева.

Что значит понятно? Что ему понятно? Нет бы поделиться подозрениями, как Сулшерат перед выступлением менестреля, или хотя бы заверить меня в том, что все в порядке. Шейн продолжал безмятежно дремать, не обращая на меня ровным счетом никакого внимания, словно все мои опасения нисколько его не тревожили.

Я заскучал, огляделся по карете, но не обнаружил ни одной детали, достойной тщательного изучения. Поэтому, чуть подумав, обратился к Хорнэту:

— Скажите, а нежить, которая вас беспокоит... какая она? Вы видели ее?

— К сожалению, нет, — покачал головой мужчина. — Только результаты ее, с позволения сказать, охоты. Я дважды отправлял сработавшиеся отряды воинов в подземелья поместья, и дважды находил утром обглоданные скелеты.

Я задумался. Такое поведение свойственно по меньшей мере четырем видам нежити: упырям, вурдалакам, недекрасам и слепням-подземникам. Я решил попытаться определить, какая именно нежить досаждала Хорнэту, и спросил:

— Скажите, пожалуйста, а на ребрах скелетов не остается узоров?

Его передернуло:

— Я к ним не присматривался. Знаете, господин Неш-Тавье, одно дело — старые, высохшие скелеты, и совсем другое — оставленные недавно. У меня не такие крепкие нервы, как может показаться на первый взгляд.

Я с сомнением хмыкнул. Судя по шрамам на лице мужчины, его нервы по меньшей мере стальные. Интересно, при каких обстоятельствах он их получил? Может, просто упал на что-то острое, а я навывдумывал себе бредней про грандиозные битвы и стычки с наемными убийцами?

— Не присматривались так не присматривались, — решил я. — А не было каких-нибудь запахов?

— Очень даже были, господин маг, — рассмеялся Хорнэт. — Смерть всегда оставляет свои следы. Даже если на костях не осталось плоти.

— Вы меня не поняли. Я имею в виду запахи, несвойственные трупам и подземелью. Например, каких-нибудь цветов или трав.

Мой собеседник нахмурился. Тинхарт заинтересованно поглядывал на меня, но не вмешивался, и я задался вопросом, действительно ли он ни о чем не догадывается или просто предоставляет мне право самому решить вопрос.

— Нет, никакого запаха не было, — наконец сказал Хорнэт. — Я вообще не заметил ничего необычного. Скелеты как скелеты.

— Ясно, — разочарованно ответил я.

Мужчина пожал плечами, явно расстроенный тем, что не смог мне помочь. Тинхарт задумчиво нахмурился, но долго сидеть в молчании не пришлось: мы наконец-то приехали.

Хорнэт первым выпрыгнул из кареты, чуть не столкнувшись с Лефрансой, уже покинувшей свое место. Над миром нависла ночь, в прорехах между тучами ярко сияли Дайра и Шимра, и вампирша рассталась с доспехом, явив хозяину поместья свою завораживающую красоту. К его чести, Хорнэт растерялся лишь на мгновение, а потом галантно предложил даме руку и предложил провести ее в дом. Лефранса благосклонно согласилась, и мужчина, обрадованный донельзя, тут же завел сказочку о том, как строилось его чудесное поместье и сколько денег на него угрохали предки.

По мне, так гордиться тут нечем. Не сам же он его строил, в самом деле.

Зато предки действительно постарались на славу: поместье оказалось трехэтажным строением с белыми стенами, словно светящимися в темноте, и огромными витражами вместо окон. Его венчала не только крыша, но и два купола, расположенных по обеим ее сторонам.

Лефранса терпеливо слушала, смиренно приняв роль прекрасной дамы, хотя сначала мне показалось, что она готова оторвать Хорнэту голову. Про нас мужчина благополучно забыл, так что мы пристроились в конце процессии, и Шаир бестолково пытался собрать волосы в хвост. Сима смотрела на него снисходительно, но помогать не спешила. Я был уверен, что о подробностях своего знакомства с духом-убийцей девушка не забыла, как и о его мерзком к ней отношении. И, похоже, это отношение было полностью взаимным.

Оказавшись в гостевом зале, я недовольно поморщился, а Тинхарт так вообще воспылал

желанием убивать. Комната была неудобной и такой роскошной, что зубы сводило. Вокруг стояли шкафы и столики, пол был устлан пушистым ковром абрикосового цвета, а с потолка свисал круговой светильник, на котором ярко горели белые магические огни.

Хорнэт провел нас в дальний угол зала, предложил расположиться в отвратительных розовых креслах и сказал, что вынужден сообщить своему гостю о том, что мы прибыли. Тинхарт тут же насторожился, с Лефрансы слетела вся благосклонность, Шаир недвусмысленно начал натягивать тетиву на лук. Бесстрастным остался только Шейн, которому, казалось, не надо было прикладывать никаких усилий, чтобы атаковать мгновенно и с любой позиции. Все мы думали об одном: что, если важным гостем господина Хорнэта является не кто иной, как наш добрый знакомый Зарат?

— Влипли вы, придурки, — донес до нас очевидный факт Шаир. — Не надо было вообще сюда соваться.

— Заткнись, — посоветовал ему Тинхарт. — И без тебя тошно.

Дух-убийца уже открыл рот, чтобы ответить, но торопливые шаги заставили его перенести нравоучительные нотации на потом. К нам подошел взволнованный хозяин поместья, плюхнулся в кресло, вытер вспотевшее лицо платком и сказал:

— Вла... Господин эльф сейчас подойдет. Он очень заинтересован тем, что на пустынной равнине мне удалось обнаружить некроманта.

— Лестно, — осклабился Шаир, не поднимая на Хорнэта глаз.

Тот неуверенно пожал плечами. Я попытался придать своему лицу каменное выражение. Как я уже говорил (и не раз) ни людей, ни эльфов, ни нарвертов... да вообще никого я не люблю, а потому знакомиться с неведомым "господином эльфом" мне совсем не хотелось.

Я всерьез подумывал спрятаться под стоявший неподалеку диван, когда за спинкой моего кресла мелодично прозвучало:

— Доброй ночи, господа!

Я обернулся — и наткнулся на испытующий взгляд сияющих синих глаз. Эльф был высоким и худым, как и все представители его племени. Однако в чертах его лица не было ничего благородного — шрам на переносице, черные вьющиеся волосы, оттопыренные уши, кроваво краснеющие к краям. Тем не менее его голову венчала узкая тиара: абсолютно черная, с семью тонкими острыми зубцами.

Светлый эльф любезно улыбнулся мне, кивнул повелителям, еще не решившим, как относиться к новоявленному гостю, и сказал:

— Я бесконечно рад, что в доме господина Хорнэта появились маги. Они давно здесь нужны, но его светлость не желает это признавать. Честно говоря, я не ожидал увидеть настоящего некроманта, поскольку маги этого уровня зачастую протирают задницы в Аль-Нейтской Башне, — он снова перевел на меня взгляд своих сияющих глаз. — Но, как я вижу, вы не относитесь к такому типу людей.

— Не отношусь, — с достоинством кивнул я.

— Это хорошо, — невесть чему обрадовался остроухий. — Будет о чем поговорить. Но вы, должно быть, не станете разговаривать с незнакомым эльфом? — Он не стал дожидаться ответа и обратился к хозяину поместья: — Хорнэт, представь меня.

Тот вскочил с кресла, еще раз вытер лицо платком и торопливо пробормотал:

— Конечно, конечно. Господа, перед вами Алетариэль, ко... э-э-э... — Хорнэт замялся, поймав полный злости взгляд остроухого, и поспешно добавил: — который часто называет

свое имя на родном наречии.

— Halle-Tarihell, если угодно, — улыбнулся остроухий, снова поправив.

— Очень приятно, — несколько растерялся я. В памяти что-то всколыхнулось, но ненадолго и не до конца, так что я даже не понял, что подсознание от меня хотело. К тому же я не понимал, почему повелители возложили бремя переговоров на мои плечи. Они, конечно, могучие, но к разговорам со знатью я не приспособлен. Даже если эта самая знать нанимает меня ради усекновения разбушевавшейся нежити. — Я Хастрин. Хастрин Неш-Тавье.

Алетариэль улыбнулся, сел на подлокотник последнего свободного кресла и посмотрел на моих спутников. Те покорно назвали свои имена, разве что Шаир назвался Шаиренной, и я подумал, что с воображением у духа-убийцы не очень. Тинхарт и Лефранса успешно избежали своих фамилий, и во взгляде остроухого на мгновение промелькнуло что-то нехорошее, вынырнувшее и мгновенно скрывшееся за любезностью и равнодушием.

— Полагаю, теперь можно перейти к сути дела, ради которого вас сюда пригласили, — решил эльф, почесав затылок. — Хорнэт, ты сам расскажешь господам магам о своей проблеме, или мне следует поднапрячься?

— Да уж поднапрягись, — буркнул хозяин поместья.

Алетариэль даже обрадовался:

— Чудесно! Давно не участвовал во всякого рода дьявольщине.

Хорнэт с иронией рассмеялся:

— А по-моему, ты как раз за ней сюда и приперся!

— Ш-ш-ш, — Алетариэль приложил палец к губам. — Мы сейчас совсем не об этом говорим. Мы говорим о неведомом чуде, которое повадилось разгуливать по подземным коридорам твоего поместья. Полагаю, господин некромант сможет объяснить нам, что к чему.

— Я думал, что меня позвали для того, чтобы я помог, а не участвовал в беседах, — пробормотал я, нахмурившись. — К тому же, мне уже рассказали о поведении нежити.

— Прошу вас, не разочаровывайте меня. — Светлый эльф огорченно опустил уши. — Все присутствующие здесь прекрасно осознают, что за вашу работу вам заплатят, и заплатят хорошо. А я, знаете ли, хочу увидеть не только результат, но и мозговой штурм в исполнении дипломированного мага. Господин Хорнэт рассказал вам не все.

Я пожал плечами, бросив беглый взгляд в сторону повелителей. Те никак не отреагировали, и я продолжил сохранять равнодушное выражение лица. Ну, как говорится, хозяин — барин, и раз уж Хорнэт считает целесообразным дать слово своему гостю, пусть будет так.

— Я готов вас выслушать, — без тени вежливости сказал я.

— Что ж, извольте, — хмыкнул Алетариэль, ничуть не обидевшись. — Три дня назад, после того, как мы поняли, что засылать в гости к нежити воинов бесполезно, она выломала дверь подземелья и собрала кровавую жатву. Восемь слуг господина Хорнэта пали от ее когтей и... э-э-э... зубов. Троице тварь отгрызла ноги, одному разворотила грудь, а двое остались без ушей и носов. Поужинать последним она не успела, поэтому просто убила его. Я предполагаю, что когтем, так как оставшаяся от ее удара рана имеет специфическую форму. Что это за тварь — никто не знает. В прошлом я посвятил много времени изучению нежити, и то, что произошло здесь сперва с воинами, а затем слугами, не подошло ни под одно описание. Что думаете, господин маг?

— У меня возник вопрос к хозяину поместья.

— Задавайте, — великодушно разрешил эльф, кивнув Хорнэту.

— Скажите, в подземельях никого не хоронили? — поинтересовался я, следя за реакцией мужчины. Тот нахмурился, несколько минут помолчал, потом неуверенно ответил:

— Не могу сказать точно, господин Неш-Тавье. За то время, что дом принадлежит мне — нет. Я не промышляю убийствами. Насчет отца я уже не уверен, так как у него было много врагов. Я не спускался в подземелья уже много лет. Они не используются.

— То есть вероятность того, что там прятали трупы, есть, — полувопросительным тоном сказал я. — Как и того, что эти трупы не пожелали лежать смирно.

Алетариэль поморщился:

— Разве не глупо списывать все на зомби?

— А разве я о зомби говорил? — фальшиво удивился я. — Нет. Люди, убитые насильственно, имеют свойство перерождаться в нежить, господин Хаалэ, — я обратился к остроухому мелодично, почти по-эльфийски, и он расплылся в улыбке, хотя ситуация этому не способствовала. Убедившись, что на остальных мои слова произвели должный эффект, я продолжил: — К тому же, это только теория. Может, на самом деле в подземельях зародилось нечто более темное. Мне нужно увидеть мертвецов. Покажете?

— К сожалению, это невозможно, — приуныл Хорнэт. — Я велел закопать их на равнине, подальше от поместья.

— И скелеты, надо думать, тоже?

— Да.

— Плохо, — нахмурился я.

— Скажи, Хастрайн, — неожиданно подал голос Шейн. — Если нежить действительно переродившийся мертвец, почему она столько времени не давала о себе знать? Вспомни слова господина Хорнэта — он сам никого в подземельях не хоронил. Даже если предположить, что там есть трупы, оставленные его отцом, почему они восстали только сейчас?

Я почесал затылок:

— Порой мертвые поднимаются только после смерти своего убийцы. Отобрав у них жизнь, он в какой-то мере расплачивается за это своей, даже если его смерть наступает не по их вине.

— Вся ваша теория шита белыми нитками, господин маг, — тихо сказал Алетариэль. — Что вы сказали бы, узнав, что отец господина Хорнэта жив и отдыхает где-нибудь в Эльской империи?

— Что я ошибся, — и глазом не моргнул я. — Или что убийцей был не он.

— Понятно, — кивнул головой эльф. — Мозговой штурм дипломированных магов вовсе не впечатляющ, потому что строится на абсолютной пустоте. Благодарю вас за терпение, господин Неш-Тавье. Хорнэт, спокойной ночи.

Остроухий поднялся на ноги и скрылся, прежде чем хозяин успел что-то ответить. Я поймал задумчивый взгляд Тинхарта. После упоминания об убийствах повелитель явно сомневался в том, что игра стоила свеч. Да. Я бы на его месте тоже пожалел, что согласился помочь хозяину поместья.

— Что ж, — сказал я, нарушая тишину. — С вашего позволения, господин Хорнэт, я возьмусь за дело завтрашней ночью.

— Я проведу вас в гостевые комнаты, — согласился мужчина. — Не забудьте на ночь

запереть двери.

ГЛАВА 18,

в которой работа выходит на новый уровень

Запереть двери никто, разумеется, не забыл. Опечаленная этим фактом, нежить никого не потревожила, переваривая своих предыдущих жертв.

Вечером следующего дня я спустился к тяжелой кованой решетке, закрывающей вход в подземные коридоры. Господин Хорнэт со мной не пошел, ограничившись тремя чахленькими слугами, которые должны были впустить меня внутрь. Лефранса, Тинхарт и Сима тоже не вспыхнули энтузиазмом, но со мной отправились Шейн и Шаир, так что жаловаться было не на что.

Когда слуги подняли решетку и убрались, предоставив нам дверь, я поймал предвкушающий взгляд духа-убийцы и пнул его локтем. Шаир недовольно фыркнул, но лезть на рожон не стал. Моя осторожность была полностью оправдана: хоть никто и не ожидает нормального поведения от спутников некроманта, это самое поведение вполне может свести нас в могилу. Люди суеверны. Им ничего не стоит за пару секунд сочинить какую-нибудь дьявольскую историю о том, что нежить захватила наш разум, а потому снова поднимать решетку, выпуская нас из подземелья, крайне неразумно.

Я оглянулся, и, убедившись в том, что слуги отошли на безопасное расстояние, достал из кармана ключ и вставил его в замочную скважину. Раздался тихий щелчок, и новая тяжелая дверь с тихим шелестом открылась вовнутрь, приглашая нас в гостеприимный, пропитанный сыростью мрак.

Я сделал несколько шагов вперед, касаясь пальцами стены. Шейн и Шаир последовали за мной. Свет от факелов слуг остался позади, едва выхватывая из темноты образ коридора, с первого взгляда заканчивающегося тупиком. Однако, приглядевшись, я понял, что это всего лишь поворот.

Повелитель зажег на ладони маленький синий огонек. Шаир, ухмыльнувшись, закрыл дверь, и все сразу же стало каким-то мертвым, жутким, ненастоящим.

Мы дошли до тупика, повернули и побрели дальше. Потолок ушел вверх, затерявшись во мраке, стены раздались вширь, и мне показалось, что я попал в подземное царство Аларны. Огонек на ладони Шейна трепыхался, как живое существо, а потом стал пульсировать. Мне потребовалось минут десять, чтобы понять: он повторяет ритм сердцебиения повелителя.

Мы шли, и коридор понемногу менялся. С потолка начали свисать неприглядного вида крюки, покрытые ржавчиной, а в тени у стен стояли саркофаги. Я прислушался к дару и очень удивился, поняв, что трупов внутри нет. Только застарелая кровь, пролитая насильственно, а значит, содержащая в себе темную энергию. Ее можно было использовать, и я мысленно сделал себе заметку — на крайний случай.

Ряд саркофагов уже подходил к концу, когда Шаир толкнул меня и указал на последний. Его крышка была приподнята, и я увидел длинные бурые шипы, украшавшие внутреннюю ее сторону. То есть никакие это не саркофаги, а...

— Железные девы, — сплюнул дух-убийца, нахмурившись. — Наврал тебе тот мужик, хозяин. В этих подземельях очень даже убивали.

— Он мог об этом не знать, — спокойно ответил ему Шейн.

— Как можно не знать о том, что творится у тебя под носом? — с иронией спросил Шаир.

— Меня больше интересует другое. Неужели можно иметь столько врагов и желания им напакостить, чтобы запихнуть их сюда в одно и то же время? — поинтересовался я.

Дух-убийца только равнодушно пожал плечами. Я знал: стоит дать ему волю, и он превратится в донельзя жестокое, жаждущее крови и смертей существо. По сравнению с тем, что может сделать Шаир, увиденное нами здесь — просто цветочки. Я вспомнил, как Сулшерат осуждал меня за союзничество с духом такого уровня, и с трудом сдержал усмешку. Лучше уж пусть Шаир будет рядом со мной, под моим контролем, чем неизвестно где и с какими желаниями.

Когда железные девы остались позади, на душе у меня стало как-то легче. То ли отпечаток чужой крови, исчезнув, перестал воздействовать на мой дар, то ли появившаяся впереди дверь так сильно привлекла мое внимание. Правда, "дверь" — это очень громкое слово для пары покосившихся обломков, которые она собой представляла. Шаир подошел ближе и с интересом их осмотрел, а потом даже потрогал, отчего тот обломок, что был повыше, с жутким треском отвалился. Дух-убийца зарычал и отскочил на несколько шагов.

— Молодец, — с иронией похвалил его я. — Теперь о нашем присутствии не знает только глухой.

— И слепой, — огрызнулся Шаир, покосившись на огонек в руке Шейна.

— Заткнитесь оба, — буркнул повелитель, и, потеряв к нам интерес, полез в дверной проем.

Мы с духом переглянулись и последовали за ним, оказавшись в просторном зале, конца которого не было видно. Шейн запустил голубой огонек к потолку, и тот ярко вспыхнул, выхватив у тьмы красивые белые своды, такие же белые стены, покрытые ярко-красными, сияющими рунами, и сложную фигуру на полу в центре зала, на одном из углов которой безмятежно спал белый с рыжими пятнышками кот.

Шаир удивленно приподнял брови. Я, наоборот, нахмурился, закрыл глаза и попробовал представить, как сжимаю в ладонях собственный магический дар. Отчего-то он показался мне клубком ниток, который мерно пульсировал, пропуская через себя разлитую в зале энергию. Она не была ни светлой, ни темной, но в ней чувствовалось присутствие стихии воды — эдакий полупрозрачный узор, который можно увидеть, только если присмотреться повнимательнее. Узор двоился, троился, расплываясь во все стороны, пугаясь и порождая нечто из ряда вон выходящее, вроде очень мощного заклинания, которому не было ни названия, ни объяснения. И что с ним делать, мне было совершенно непонятно. Он был таким хаотичным, что я не стал к нему прикасаться, побоявшись, что от любой магической вспышки он дрогнет и осыпется на нас, превратившись черт знает во что.

Я отпустил дар, открыл глаза и посмотрел вверх. Так узор был не виден, но я знал, что он есть — там, над нами, жуткий и бесконтрольный. Шейн, похоже, тоже его почувствовал, потому что попятился к выходу. Беспокойства не показывал только Шаир, который медленно, с интересом осматривался, словно пытаюсь как можно точнее запомнить обстановку.

Я сделал глубокий вдох и медленный выдох, сцедив его между зубов. На языке остался неприятный соленый привкус, и я поморщился, мысленно прокляв свою опрометчивость.

Нежить была рядом. Я не видел ее, но был уверен, что она была. Быть может, пряталась в тених, а может, и в коте, который по-прежнему лежал неподвижно — слишком

неподвижно для живого.

— Мне это не нравится, — тихо сказал Шаир, отступая следом за повелителем. — Хозяин, давай вернемся и скажем тому мужику, что силами одного некроманта тут не обойтись?

— Не дури, — отмахнулся я. — Дай осмотреться.

Дух-убийца посмотрел на меня крайне неодобрительно. Ему не нравилось, что я, как обычно, иду на риск, игнорируя осторожность. Однако меня это ничуть не трогало. Передо мной поставили сложную, интересную задачу, и мне до жути не хотелось бросать все на полпути.

Шейн молчал, настороженно глядя на кота. Я, убедившись, что отчитывать меня не будут, обошел нарисованную на полу фигуру по кругу. Один раз. Потом еще и еще, пока не начала кружиться голова. Тогда я остановился, посмотрел на кота и зашипел, пытаюсь привлечь его внимание. Кот не пошевелился, и я переступил первую грань рисунка, решив подобраться к нему поближе.

Шаир наблюдал за мной нарочито равнодушно, скрестив руки на груди. Седой повелитель, наоборот, подался вперед. Я понимал, что сильно рискую, попирая ногами чужую фигуру, но продолжал медленно шагать к животному. Когда до него осталась одна грань, кот дернул ухом, поднял голову, зевнул и уставился на меня вполне обычными желтыми глазами.

— Привет, — сказал я, чувствуя себя идиотом. — Я тут нежить ищу. Не поможешь?

Кот продолжал на меня смотреть, явно удивленный таким вниманием к своей персоне. Возле двери хихикнул Шаир, но его смех быстро оборвался, когда кот кивнул, сел и посмотрел вверх. В его желтых глазах отразился магический узор, распростертый над комнатой.

Догадка свалилась на мою голову неожиданно, как гром среди ясного неба. Нежить все это время была там. Под потолком. В узоре. Повсюду.

Я отшатнулся, и кот с явной насмешкой склонил голову и сузил глаза. Больше я на него не смотрел: со всех ног помчался к выходу, понимая, что как только узор рухнет, будет уже поздно.

...Не знаю, что именно сбило меня с ног. То ли золотая вспышка, на секунду поглотившая зал, то ли требовательное мяуканье кота, в ключья разорвавшее напряженную тишину. Я успел подумать, что дни мои сочтены, когда кто-то схватил меня за руку и втащил в дверной проем, грязно и очень к месту ругаясь.

— Вставай, хозяин! Вставай, Аларна тебя дерит!

Я послушно встал, опираясь на стену. Шаир, убедившись, что я вполне твердо держусь на ногах, замер за моей спиной. Шейн стоял рядом, наблюдая за тем, как зал пожирает теплый золотой свет. Он спускался с потолка, тягучий, как мед, покрывал стены, своды и даже воздух, под конец оставив только маленький, идеально круглый островок пола, на котором сидел кот. Он смотрел на нас только одно мгновение, а потом растаял, как иллюзия, и островок исчез, не оставив после себя ничего, кроме золотого света.

До меня начало доходить, что зал, по сути, превратился в чистое, несформированное пространство. И одна только Аларна может знать, какой облик он примет в конце.

— Может, свалим, пока целы? — с надеждой предложил Шаир.

— И подставим под удар тех, кто находится наверху? — поинтересовался Шейн.

— Да плевать на них.

Я встал на сторону повелителя:

— А мне нет. Мы обещали помочь.

— Граф Тинхарт обещал помочь, а не ты, хозяин, — напомнил мне дух. — И я что-то его здесь не вижу. Почему ты должен за него отдуваться?

— Заткнись, пожалуйста, — попросил я. — Если хочешь, уходи. Только оставь амулет.

Он может мне понадобиться.

Шаир возмущенно фыркнул, но остался на месте.

Молодец.

Я наблюдал за тем, как колеблется и пузырится золотой свет, понемногу оседая на новую поверхность. Она дрожала, понемногу принимая знакомые очертания. Я ожидал увидеть новое помещение, почему-то вообразив себе храм, и поэтому плеск воды застал меня врасплох. На мгновение я даже не поверил своим ушам, но потом золотой свет исчез, явив моему взгляду созданную псевдореальность.

Это было озеро, окруженное ивами, низко опустившими ветви. Небольшой участок твердой почвы — берег, покрытый травой — был предназначен явно не для того, чтобы стоять на нем втроем. Но мы и не горели желанием, оставшись в коридоре и настороженно глядя на то, как по воде ползут неторопливые круги. Обычно меня это успокаивало, а сейчас я чувствовал только непонятный, постыдный страх, с которым ничего не мог сделать.

... Она выходила медленно, позволяя тоненьким струйкам стекать с волос и ползти по обнаженному телу. Стройная, пышногрудая, с неприятными белесыми глазами, алыми губами и курносый носом. В ней не было ничего необычного — кроме того, что она вышла из воды.

Остановившись на крохотном островке берега, она смерила нас ничего не выражающим взглядом. Шаир ее не заинтересовал, я тоже. А вот на Шейна она посмотрела пристально, с опаской. И согнулась в поклоне.

— Я рада приветствовать вас в своем царстве, повелитель, — тихо, но четко сказала она.

Я прислушался к своему дару, но ничего не почувствовал. Девушка не была нежитью, не собиралась на нас нападать, не чувствовала по отношению к нам никакой ярости и жажды крови. Она была спокойна, абсолютно спокойна, и в ее глазах не читалось ничего, кроме легкого интереса.

К моему удивлению, Шейн улыбнулся ей и поклонился в ответ.

— Я тоже рад встрече, Халу, хранительница озер, — произнес он.

Мы с Шаиром переглянулись. Дух-убийца пожал плечами, будто не было ничего необычного в том, чтобы встретить хранителя в подземелье замка, совсем недалеко от Серебряного леса.

Тем более — такого.

Кот-алерогтару, дух-хранитель Кеорна, по сравнению с девушкой был просто ничем. Потoki свободной энергии так и кружились вокруг нее. Если бы она захотела, она бы с легкостью размазала нас по стенке. И в этом не было ничего удивительного — мало ли в мире озер, из которых она, их хранительница, могла почерпнуть силу?

Тем удивительнее было то, что Шейн знал ее по имени.

— Давно мы с тобой не виделись, — улыбнулась Халу, обнажив два ряда воистину хранительских клыков. — Я помню тебя ребенком.

— Зато ты ничуть не изменилась, — ответил Шейн.

— Благодарю. Я подумала, что этот мой облик придется тебе по душе.

В следующий миг хранительница обеспокоенно подалась вперед, и расстояние между ней и повелителем сократилось до пары сантиметров.

— С тобой что-то не так, — пробормотала она, сощурившись. — Я вижу чью-то тень в твоих глазах. Она мне не нравится.

— Мне тоже, — вздохнул Шейн. — Но я пришел к тебе не для того, чтобы рассказывать о своих проблемах. Ты все равно не сможешь мне помочь. Я и мои друзья, — повелитель широким жестом указал на нас, — пришли по просьбе хозяина поместья.

Хранительница с минуту смотрела на него, а потом перевела взгляд на Шаира. Духубийца напрягся, словно она замахнулась на него кулаком, но остался на месте.

— Скажи, чем я хуже его? — грустно спросила Халу. — Такие, как он, убивают всех подряд, если не находятся под чужим контролем.

Шаир нахмурился:

— Говори за себя, женщина. Особенно если не знаешь, с кем имеешь дело.

Хранительница приподняла бровь. Шаир скрестил руки на груди, построив донельзя надменное выражение лица. Две хрупкие, очень уязвимые на вид девушки воинственно пялились друг на друга, и ни одна сторона не желала признавать свою неправоту.

— Постарайтесь не испепелить друг друга взглядами, — тихо попросил я. — Госпожа хранительница, я прошу вас быть снисходительнее. Этот дух принадлежит мне, и он мне нужен.

Белесые глаза Халу заглянули, кажется, в самую мою душу. Мгновение ее лицо ничего не выражало, а потом девушка поморщилась и с презрением сказала:

— Я не выполняю просьбы некромантов. Попроси помощи у Дьявола, если хочешь, но не смей обращаться ко мне.

Я закатил глаза. Да что ж с этим миром такое?! Почему все, кого бы я ни встретил, так убежденно выступают против некромантов? Я бы понял их опасения, если бы мы действительно состояли в тесном контакте с Дьяволом, но ведь это было не так! Мне, между прочим, выходцы из ада тоже ничуть не нравятся, но я же не оскорбляю тех, кто равен им по силе!

Я всерьез собирался сказать это вслух, но Шейн меня опередил.

— Я никогда не считал тебя душой, Халу, — сказал он. — Но ты меня разочаровала.

Презрение слетело с хранительницы, как фата с невесты. Она страшно взвыла и схватилась за голову, попятившись к озеру. На ее лице отразилась такая боль, что бесстрастный вид повелителя поставил меня в тупик.

Неужели он ей что-то сделал? Но как? Он даже не сдвинулся с места!

— Не говори так, Шейн! — провыла Халу, по пояс погрузившись в воду. — Не говори! Мне плохо, мне больно!

— Убирайся, — ледяным тоном ответил ей повелитель. — И больше сюда не приходи.

Отчаянный вой девушки оборвался судорожным всхлипом, и в следующий миг она замерла изваянием, исподлобья глядя на Шейна. В ее глазах плескалось столько ненависти, что, будь я на месте седого, у меня бы задрожали колени. Однако повелитель остался невозмутимым. Даже взгляда не отвел.

— Вот как? — резко изменившимся голосом произнесла Халу, и меня мороз продрал по коже. Зато Шейн не дрогнул, глядя на хранительницу по-прежнему бесстрастно. — А ведь я доверяла вам, повелитель. И вы, как никто другой, должны знать, что я не прощаю

предавших мое доверие.

Парень расплылся в счастливой улыбке.

— Всегда мечтал увидеть твой гнев, — сказал он.

Халу тоже улыбнулась, но не радостно, а зловеще. Наступила тишина, от которой мне захотелось сорваться с места и убежать. Шаир хлопнул себя по лбу, и удар прозвучал так оглушительно, что вздрогнули все, в том числе и сам дух.

Звук послужил сигналом к началу действий. Хранительница ушла под воду, и по поверхности побежала тревожная рябь. Шейн по-прежнему являл собой пример невозмутимости, и я попытался уверовать в его силы, мысленно убеждая себя в том, что повелитель не оставался бы таким спокойным, если бы не был уверен в том, что сможет дать Халу достойный отпор.

Рябь сменилась пузырями, а потом поверхность воды разлетелась тысячами брызг, выпуская трех белоснежно-белых зверей. Они были похожи... и в то же время ничем не напоминали волков. Слишком длинные морды, бледно-розовые носы, мощные лапы, каждая размером с мою ногу. Я опомниться не успел, а одна из тварей уже повалила меня на пол, прижавшись носом к моей шее и жарко, щекотно дыша. Подумать о том, что ее лучше не злить, я тоже не успел: выпустил из себя поток свободной энергии, сбив зверя обратно в озеро, и только потом снизошел до этой светлой мысли.

Отступить было поздно, и я окружил себя призрачным щитом, только после этого решившись повернуться к озеру спиной. Беглого взгляда на тело девушки, раскинувшей руки и смотрящей на потолок опустевшими глазами, хватило, чтобы понять: дух-убийца ушел, решив не связываться с хранительницей. Очень благоразумно, кстати, решив: с существом такого уровня Шаиру лучше не тягаться.

Зато Шейн остался на месте, и вокруг него плясало странное черное пламя. Оно успешно сдерживало белых зверей, пока повелитель, сцепив пальцы, выговаривал речитатив заклинания. Получалось у него, надо сказать, неплохо. Творения хранительницы стригли ушами, дергали задницами, недовольно размахивали хвостами и рычали, как голодные упыри.

Последнее сравнение здорово мне помогло. Я вспомнил, что "волки" — это все-таки наши враги, и рванул меч из ножен. Не серебряный, конечно, но тоже сойдет. Мой противник не замедлил появиться, выпрыгнув из воды с ловкостью лягушки и наткнувшись на мой щит.

Тот ощутимо прогнулся, завибрировал и пошел трещинами. Белоснежный зверь поспешил закончить работу, вцепившись в щит длинными красноватыми когтями. Он попросту вырвал из него кусок, и у меня в груди тревожно ёкнул дар, будто бы подскочив и снова вернувшись на место.

Я едва успел взмахнуть мечом, когда тварь на меня набросилась. Лезвие плашмя ударило ее по носу, и она тонко и смешно пискнула. Правда, мне было не до смеха, поэтому я поспешил закрепить успех, сбросив с пальцев несколько зеленых искр. Они мгновенно подожгли белую шерсть, и зверь, отчаянно воя, понесся к воде.

Ему помешали остатки щита, которые я выбросил вперед. Наткнувшись на них, "волк" завизжал, и зеленое пламя, взметнувшись к потолку, за одну секунду его сожрало. На каменный пол осыпалась только горстка пепла.

Я мысленно поздравил себя с победой и развернулся, чтобы помочь повелителю. Однако помощь была уже не нужна. Шейн стоял в центре выжженного круга, камни вокруг

которого устлала светло-серая порось. В воздухе летали клочья шерсти, и мой организм не замедлил выразить свое негодование. Я чихнул раз, другой, третий, схватился за стену и присел, дабы перевести дух.

— Хорошая работа, — похвалил меня повелитель, садясь рядом. — Только это еще не все.

— Знаю, — кивнул я ему.

Шейн улыбнулся, и мы одновременно посмотрели на озеро. Сейчас оно казалось спокойным и безмятежным, но я знал, что в его глубинах скорее всего таится новая напасть. Показываться она не спешила, и я, посидев минут десять, подошел к распростертому на полу телу.

— Хочешь поднять его? — поинтересовался повелитель.

— Еще не решил, — честно признался я.

— Тогда лучше не надо. Здесь и так слишком много магии.

Я кивнул, всматриваясь в знакомые и в то же время совершенно чужие черты. Мне определенно не нравилось, когда Шаир использовал мертвые тела. Было куда лучше, когда он сам создавал оболочку, пусть я и не успевал к ней привыкнуть.

Сжигать тело тем же методом, что и белоснежного зверя, я поостерегся. Лучше потом попрошу Хорнэта здесь убратся, а все остальное — уже не мои проблемы. Хотя, наверное, если хозяин поместья оставит тело здесь, ему все равно не будет ничего угрожать. Трупы, которые используют духи, опустошаются энергетически, и у них нет никакой возможности переродиться в нежить. Так что я не обременю свою совесть, узнав, что хозяин поместья так и не решился спуститься в подземелье.

Я успел морально подготовить себя к бою, когда услышал тихий отчаянный плач. Плакала женщина, едва слышно подвывая и что-то бормоча. Шейна это не заинтересовало, и он продолжил сидеть, прислонившись к стене и закрыв глаза.

— Слушай, может, посмотреть, что там происходит? — предложил я.

— Посмотри, если хочешь, — согласился повелитель, не поднимая век. — Больше она не представляет угрозы.

Я живо заинтересовался:

— Это еще почему?

— Потому, что я блокирую ее силы. Она не может использовать их против нас. Единственное, на что она способна в данной ситуации — это убратся подальше. Но Халу упряма. Надо подождать, пока она смирится.

— Блокируешь ее силы? — удивился я, во все глаза уставившись на повелителя. Обычный же с виду парень, по нему и не скажешь, что хоть на что-то годится.

— Провидцы таят в себе немало загадок, — туманно ответил Шейн. — Иди, поговори с ней. Я возлагаю на тебя эту миссию, потому что подходить к Халу не хочу. Это может угробить барьер.

— Ладно, — согласился я. — Бывай.

— До встречи.

Он остался сидеть, а я пошел на крохотный островок берега. Остановился, осмотрелся. Озеро осталось незыблемым, но плач не смолкал.

— Где ты? — спросил я, не особо надеясь на ответ.

— Здесь, — жалобно прозвучало отовсюду.

Из-под воды высунулась рука, схватила меня за лодыжку и дернула. Я даже возмутиться

не успел, когда оказался под водой и из груди выбило дыхание, пузырьками отправив его к поверхности.

Я и не знал, что умею так широко открывать глаза. Под озером оказался расположен целый мир, словно я оказался на дне океана. Светлый песок покрывал дно, из которого, как лепестки цветка, прорастали розоватые стены храма. На его крыше, рядом с основанием центрального шпиля, сидела Халу, притянув колени к груди и уткнувшись в них лицом. Мимо нее проносились стремительные серебристые рыбки, и за ними устремлялись потревоженные пряди зеленоватых волос хранительницы.

Я упустил тот момент, когда ко мне вернулось дыхание, и даже не заинтересовался этим феноменом. Просто продолжил дышать, будто и не прерывался, и пошел — именно пошел, не поплыл, — к плачущей женщине, чувствуя под ногами твердую поверхность. Ощущение было очень и очень странным. С одной стороны, я был уверен, что под ногами у меня пустота. С другой, существование точки опоры тоже не вызывало во мне никаких сомнений. Я чувствовал себя так уверенно, словно не было ничего удивительного в том, чтобы ходить и дышать под водой.

Добравшись до крыши храма, я сел рядом с хранительницей. Не знал, с чего начать разговор, поэтому молчал и смотрел вверх, там, где серебрилось плоское зеркало поверхности. Что находилось за ним, я не видел, и мне казалось, что там волшебное голубое небо, бесконечный простор леса вокруг и запах дождя, от которого мурашки бегут по телу.

Халу сама, вздрогнув, обняла меня и уткнулась в мое плечо, содрогаясь от рыданий. Я принялся бестолково гладить ее по волосам, и хранительница возрыдала еще горше, наконец обретя достойного слушателя в моем лице.

— Давай, — сквозь слезы выдавила Халу, прижимаясь ко мне всем телом, — Давай, сбрось труп в мое озеро, как этот дурацкий Хорнэт, который обратился к тебе за помощью! Ты же исполняешь желания тех, кто тебе платит — так давай, за дело! Уничтожь меня, уничтожь мое озеро, и пусть он дальше отдает мертвецов воде, не заморачиваясь тем, что тем самым ее отравляет!

В ее голосе было столько ненависти, что я не понимал, какого черта она меня все еще обнимает. Я попытался заговорить, но не смог — изо рта вырвалась стайка пузырьков, очень заинтересовавшая проплывающих мимо рыбок.

"Не буду", — подумал я, попытавшись передать свою мысль хранительнице. С телепатией я был не то чтобы не в ладах, просто давалась она мне с трудом. Но Халу, похоже, услышала, потому что подняла голову и посмотрела на меня. Ее лицо, искаженное от рыданий, показалось мне просто очаровательным. Из уголков глаз сочились белые слезинки, которые, вопреки всему, не исчезали в воде, а медленно летели вниз, к подножию храма, словно странные круглые снежинки.

— Не... Не будешь? — всхлипнула хранительница, устроив ладони на моих плечах. — Почему? Он же твой наниматель!

"Наниматели правы не всегда", — подумал я, ненавязчиво оттесняя ее пальцы. Девушка поняла, что обниматься я не настроен, и понятливо отодвинулась. — "Но ты тоже показала себя не с лучшей стороны. Вместо того, чтобы уничтожить обидчика, ты убивала невинных людей. Людей, которые не совершали ошибок своего работодателя".

— Он... Он никогда не приходил сюда сам! Присылал воинов, слуг, кого угодно, но слишком трясся над собственной шкурой...

"Тебя ослепила месть", — подумал я и почувствовал, как мои губы расползаются в

улыбке.

Халу, продолжая плакать, улыбнулась в ответ. Выглядело это странно.

— Да, ты прав, — согласилась она, запустив пальцы в свои волосы. — Я больше так не буду, если ты... если ты исполнишь мою просьбу.

Я почувствовал неладное, но возражать не стал. Улыбка хранительницы стала хищной, и она потребовала:

— Убей Хорнэта. Убей, и я больше здесь не появлюсь. Клянусь жизнью. Убей и беги в Серебряный Лес, там тебя никто не достанет. Ты ведь все равно туда идешь!

Я задумался. Надолго.

Клятву, данную духом, невозможно подвергнуть сомнению. А, согласившись исполнить ее волю, я потеряю всякое право отказаться.

С одной стороны, Хорнэт явно заслужил наказание. С другой... Разве я вправе обрывать чужую жизнь, пусть даже это жизнь убийцы?

"Только если на кону стоят жизни невинных людей", — ехидно высказался мой внутренний голос. И был совершенно прав.

Халу смотрела на меня задумчиво, явно пытаюсь предугадать ответ. И, когда я кивнул, в ее глазах вспыхнула радость, но какая-то неправильная, злая.

И я чуть было не пожалел о своем решении.

ГЛАВА 19,

где мы вламываемся в Храм Воющей Химеры

В поместье мы вернулись в несколько подавленном настроении.

По дороге я рассказал Шейну о своем договоре с хранительницей. Я был уверен, что повелитель по меньшей мере рассердится, но ошибся. Парень спокойно сказал, что за нанесенный природе вред надо платить, и молчал, пока мы не поднялись в наземную часть дома. Там он пожелал мне удачи, и мы разошлись в разные стороны: Шейн отправился будить остальных повелителей, а я пустился на поиски покоев господина Хорнэта.

Это оказалось нелегким делом. Коридоры жилого крыла поместья складывались в причудливый лабиринт, выбраться из которого без помощи магии показалось мне невозможным. К счастью, магия у меня была, поэтому мне без труда удавалось сохранять спокойствие. Относительное, правда, спокойствие — при мысли о том, что я согласился совершить убийство, у меня начинали дрожать колени. Я останавливался, прижимался спиной к стене, и мертвенный холод камня успокаивал меня не хуже дорогих зелий.

На первую богато украшенную дверь я наткнулся случайно, безмерно удивившись ее появлению. Тяжелые деревянные створки, покрытые позолотой, разрушали независимый мирок лабиринта, никак не вписываясь в его мрачное очарование. Стражников рядом не было. Я обернулся, вздохнул и осторожно прикоснулся к двери. Поверхность оказалась гладкой, и пальцы соскользнули на несколько сантиметров вниз, пока я думал, открыть дверь так или воспользоваться даром. Решив, что пригодятся оба способа, я устроил ладонь поверх замочной скважины и представил, как замок открывается, пытаюсь подкрепить свои мысли энергией. Получилось далеко не сразу — я не знал устройства замка, рассчитывал на стандартное и не сразу вспомнил, как обычно пекутся о своей безопасности знатные люди. Особенно если им есть что скрывать. Словом, пока я пытался перехитрить чертов механизм,

прошло около семи минут, и меня начало ощутимо потряхивать. Я боялся, что кто-нибудь решится на ночную прогулку по поместью, пройдет по коридору и случайно меня увидит. Хотя это, наверное, покажется мне сущим пустяком, если окажется, что за дверью вовсе не покой господина Хорнэта, а, скажем, библиотека. От этой мысли мне стало еще хуже, и я закрыл глаза, мысленно уговаривая себя, любимого, успокоиться и взять себя в руки. Ехидный внутренний голос отказывался это делать, утверждая, что руки заняты, и я начал чувствовать себя идиотом с раздвоением личности.

Наконец замок тихо, едва слышно щелкнул, и дверь бесшумно приоткрылась вовнутрь. Я прикусил губу, сделал ма-а-аленький шагок и заглянул за створку.

Комната оказалась рабочим кабинетом. У распахнутого окна белыми призраками колыхались шторы, порой розовея в неровном отсвете свечи. Она стояла на столе, в дорогом ажурном канделябре, и на ее пляшущий огонек смотрел человек. Если это был Хорнэт, то выглядел он потешно, так как был одет в длинную ночную рубашку, показавшуюся мне женской. Он меня не услышал и сидел, не подозревая о чужом присутствии.

Я задумался, бесшумно проскользнул в комнату и закрыл за собой дверь. Створка не скрипнула, будто тоже прониклась ситуацией и заботилась о конспирации. Человек продолжал сидеть, и я, сощурившись, сообразил: это все-таки Хорнэт, но с ним что-то не так. Мужчина выглядел постаревшим и побитым жизнью, будто только что узнал о смерти близкого человека и не мог прийти в себя. Мне даже стало как-то неловко. Он тут скорбит, бедняга, и не подозревает, что совсем рядом находится убийца.

Мне стало противно. Во-первых, я бесил сам себя, потому что убивать не любил и не хотел. Во-вторых, меня бесила Халу, которой я так легко согласился помочь. В-третьих, меня бесил Хорнэт, который соврал мне, — и соврал не раз, судя по рассказу хранительницы, — отправлял людей на верную смерть, надеясь спасти свою задницу, и корчил из себя невинного.

В том, что лгал именно он, а не Халу, я не сомневался. Светлые духи никогда не врут и ничего не делают просто так, и надо было сильно вывести из себя хранительницу, чтобы она занялась созданием нежити и убийствами людей.

Убийствами, которые продолжатся, если не убрать первопричину.

Я обвел кабинет тоскливым взглядом. Убивать Хорнэта со спины мне казалось подлостью, а устраивать дуэль посреди ночи — глупостью. Особенно если учесть, что на вопли хозяина сбегутся слуги, а потом и стража.

На мгновение мне померещилась темная тень, метнувшаяся в угол. Я замер, сощурился, пытаюсь что-нибудь разглядеть, и, когда это не получилось, прикоснулся к дару. Комната мгновенно стала белой, а мужская фигура за столом — красной. В углу никого не было, и я мысленно обругал себя за глупость, снова обратив взгляд к своей будущей жертве. Хорнэт повел плечом, закрыл руками лицо и вздохнул.

Я осторожно протянул вперед руку, взял четыре потока энергии и сплел их в некое подобие цветка. В голове послушно всплывали знакомые формулы, и цветок начал уверенно обрастать шипами, больше напоминающими ножи. Я не сводил взгляда с Хорнэта и отмечал развитие заклинания машинально, больше полагаясь на дар, чем на зрение. Лепестки цветка приподнялись, потянулись друг к другу и образовали еще один, самый внушительный, шип. Короткая красноватая вспышка известила меня о том, что все готово, а Хорнэта — о том, что у него проблемы. Мужчина растерянно обернулся, и цветок в то же мгновение сорвался с моих пальцев, сделавшись видимым.

Я был морально готов к чему угодно: что Хорнэт закричит, или захрипит, испуская реки крови, что цветок пробьет ему шею или грудь. Но вокруг мужчины вспыхнул полупрозрачный золотой купол, и мое заклинание красными искрами разлетелось по кабинету, не причинив Хорнэту никакого вреда.

Мужчина встал, стиснув кулаки. Он выглядел бы угрожающе, если бы не ночная рубашка, под воротом которой что-то коротко поблескивало.

— Амулетами балуетесь? — поинтересовался я, пытаюсь прощупать уровень защиты противника. Получалось плохо: энергетические щупальца, которые я протянул к нему, рассеивались в сантиметре от щита. Тем не менее вывод я сделал — защита хорошая.

— А вы — воровством? — в тон мне ответил Хорнэт, и его лицо исказила ухмылка. Я вернул ее, с иронией сказав:

— Нет, господин хороший. Я балуюсь убийствами людей, которые бессовестно врут нанятым магам и сбрасывают трупы своих... противников, конкурентов?.. в озеро, принадлежащее светлomu хранителю.

Мужчина побледнел и отступил на шаг, будто я его ударил.

— Откуда... ты знаешь?!

— Глупый вопрос, — пожал плечами я. — Вы наняли некроманта, господин Хорнэт. Некроманты умеют договариваться с духами, особенно если эти духи ослеплены мстостью и обидой.

Мне показалось, что глаза собеседника вот-вот вылезут из орбит.

— И... о чем же вы договорились? — спросил он, вытирая вспотевшее лицо рукавом.

— А вы разве не догадались? — я изобразил удивление. — О вашей смерти, разумеется. В этом мире есть определенные законы, господин Хорнэт. Нельзя врать магу. Нельзя вредить хранителю. Нельзя безнаказанно убивать.

— И это говорит тот, кто пришел ко мне ради убийства? — неуверенно ухмыльнулся мужчина. Ирония ему не удалась: голос дрожал, как, впрочем, и стиснутые кулаки.

— Нет, тот, кто был выбран в роли судьи. — Я не испытывал никакой радости от этой самой роли, но мой голос оставался ровным и спокойным, что, похоже, произвело на Хорнэта впечатление.

... Темная тень скользнула из угла, присела на край стола, и мужчина отшатнулся, отчаянно крестясь. Я тоже не ожидал ничего подобного, но остался на месте, исподлобья глядя на еще одного ночного гостя.

Алетариэль на меня не смотрел. Он с нехорошей улыбочкой наблюдал за Хорнэтом, перебирая пальцами по столешнице. Звук получался удивительно мелодичный, но его портило пощелкивание зубов хозяина дома, которого трясло, как в лихорадке, и пошатывало вперед-назад.

— Я разочарован, — с такой печалью сказал светлый эльф, будто мы стояли на руинах города, ворота в который открыл врагу Хорнэт. — Я верил в твою невиновность. Я считал, что тебе нужна помощь. Я ошибся, мой... недруг, — покачал головой Алетариэль. — И некромант прав. Нельзя вредить хранителю, потому что, пытаюсь защитить свою... собственность, он способен на все. А ты скармливал ему людей, которые были тебе верны, и притворялся миленьким, добреньким... впрочем, ты почему-то очень нервничал в моем присутствии. Потел постоянно. Глаза отводил. Вот и причина нашлась.

Эльф одним быстрым, неуловимым движением оказался рядом с женщиной. Его тонкие пальцы щелкнули по поверхности золотистого щита, и тот осыпался на пол едва заметной

пыльцой. Алетариэль оскалился, как зверь, жаждущий крови, и схватил Хорнэта за воротник.

— Ко всем законам, перечисленным некромантом, — прорычал он, — я хочу добавить еще один. Нельзя врать Темному Властелину! За это можно жестоко поплатиться!

Хорнэт пискнул, как мышь, которую поймали за хвост, и медленно осел на пол. Прошло мгновение, и его тело начало сдуваться, натужно шипя. Еще мгновение — и из-под одежды, отвратительно извиваясь, начали выползать белые могильные черви.

Алетариэль не убил его — только обрек на весьма неприятное существование. У меня словно гора с плеч свалилась — убивать никого не пришлось. Пускай ползет с миром, озеру Халу больше ничего не грозит.

Стоило мне вспомнить о хранильнице, как распахнулись створки дверей, и она вошла в кабинет. По-прежнему обнаженная, бледная, чуждая этой реальности, она с интересом посмотрела на расползающихся червей. Подошла, наступила на одного босой ногой, с чавканьем раздавила. Остальные тут же превратились в белую подрагивающую кашу. Меня передернуло, а Халу перевела взгляд своих белесых глаз на Алетариэля. Тот смотрел на хранильницу с удивлением, но без страха, и, поймав ее взгляд, поклонился.

— Я рад встрече с тобой, Халу, хранильница озер, горная ворожея.

— Я тоже рада, Алетариэль, непобедимый король, — улыбнулась она. — Но скоро рассветет. Мне надо идти. Спасибо тебе за помощь, — хранильница покровительственно потрепала волосы остроухого и повернулась ко мне. — И тебе спасибо, некромант.

— Я ничего не сделал.

— Ты вынес убийце приговор, а значит, совершил справедливый суд, — туманно ответила Халу, и ее фигура начала тускнеть. Спустя минуту о хранильнице напоминал только нежный цветочный запах и белый цветок, заправленный за ухо Алетариэля.

Эльф осторожно его потрогал, а потом поймал мой взгляд и вопросительно изогнул бровь.

— Темный Властелин, значит? — мрачно поинтересовался я.

Он только виновато улыбнулся.

С одной стороны, мне хотелось расспросить его поподробнее. Что понадобилось такому, как он, здесь, вдали от Белых Берегов? С другой, побыстрее убраться из поместья мне тоже хотелось.

Смущенный моим молчанием, Алетариэль спросил:

— Что тебя так удивляет? Просиживать задницу в замке, знаешь ли, очень скучно.

— Большинство твоих... коллег, что ли... так не считает, — возразил я.

— Потому что они люди, — пожал плечами эльф. — Люди любят власть куда больше, чем все другие разумные расы, вместе взятые.

Я хмыкнул:

— И это говорит мне тот, кто малой кровью взял Велиссию, Гро-Марну и Старое Герцогство? По-моему, твои поступки говорят сами за себя. Ты тоже очень любишь власть, а значит, не имеешь никакого права попрекать других правителей.

— Я? Власть? — глаза Алетариэля стали до того круглыми, что он показался мне ребенком, только что услышавшим большую, по его мнению, глупость. — Да пропади она пропадом, эта власть! Я же не виноват в том, что родился сыном короля! Папа, кстати, был редкостным занудой, только и делал, что шарахался от послов других королевств и возводил ограду вокруг своего. Надеялся, что никто никогда к нему не полезет. Да как же! Стоило

госпоже Крагарре узнать, что король Белых Берегов выжил из ума, как она тут же приперлась со своим духом-покровителем и выжгла половину городов, пока папочка не решил, что настало время дать ей отпор. В итоге он погиб, мне всучили корону... Не мог же я ее выбросить, в самом деле, — остроухий почесал затылок. — Да и Крагарру домой так и не отправили, пришлось брать управление войсками в свои руки.

Я подумал, что ослышался:

— Крагарра? Ты воевал с Крагаррой?

— Ага, — как ни в чем не бывало кивнул он. — С ней и с ее духом. Без него эта женщина была просто никем. Стоило пожирателю снов понять, что запахло жареным, как он растворился в пространстве и бросил Крагарру на волю случая. Ну а поскольку рядом был я, и я был обязан отомстить за папину смерть, мы сразились в честном бою. На равных, меч против меча.

— И она...

— Она проиграла.

Алетаризэль сказал это так спокойно и просто, будто не было ничего необычного в смерти самой великой заклинательницы в истории. Я ни на секунду не усомнился в его словах, хоть и не понимал, зачем он рассказал мне все это. В моей голове потревоженными пчелами закружились вопросы, но остроухий, в последний раз покосившись на белое месиво на полу, торопливо вышел из кабинета.

— Эй! Ты куда? — удивился я, выбегая вслед за ним.

— Туда, — туманно ответил эльф, уверенно шагая по лабиринтоподобным коридорам. — Думаю, тебе тоже пора уходить. Береги пове... своих спутников, — добавил он, останавливаясь и указывая мне на лестницу. — Конечно, твоих сил маловато, чтобы я счел тебя достаточной защитой для них, но это лучше, чем вообще ничего. — Он дернул плечом, подтолкнул недоумевающего меня к ступенькам и сказал: — Ступайте. И ведите себя тихо.

С этими словами он, не оглядываясь, отправился дальше. Я немного постоял, недоумевая, что за бесовщина вокруг меня происходит, и неторопливо пошел вниз. Лестница была самой обычной, за время пребывания в поместье я видел по меньшей мере пять таких. Но вывела она, вопреки моим опасениям попасть в еще какой-нибудь коридор, в центральный зал дома, где меня ждали повелители.

Солнце еще не взошло, а потому Лефранса стояла без доспеха. Тинхарт нетерпеливо переминался с ноги на ногу, Шейн казался изваянием, а Сима, заметив меня, с улыбкой пошла навстречу.

— Доброе утро, — сказала она и с сомнением посмотрела на темное окно. — Или не утро. В общем, привет.

— Привет, — согласился я. — А где Град?

— Тинхарт отправил его следить за стражей, — скептически ответила девушка. — Только, как по мне, сделал он это зря. В ужасе перед тобой, нежитью и всеми проблемами мироздания доблестные воины перебрали вина.

— Они могут проснуться, — неуверенно возразил Тинхарт.

— Угу. Поэтому нам лучше поскорее убраться, — подытожила Сима и протянула мне мою сумку. Я перекинул ремешок через плечо, благодарно улыбнулся, и мы все вместе, не сговариваясь, направились к выходу.

В одном Хорнэт не соврал: от поместья до леса было рукой подать. Открытого пространства почти не было, повсюду виднелись низкие деревца, кустики и какие-то постройки. Последние помогли нам добраться до леса незамеченными, но вступать под его мрачный свод в темноте мы не решились. Только когда рассвет превратил облака в сгустки живых огней, а Дайра и Шимра погасли, словно задутые свечи, мы вошли в самое сердце королевства Шаэл.

Оно встретило нас неприветливо. Тинхарта хлестнула по щеке ветка, оставив глубокую ссадину. Лефранса, облачившаяся в доспех, споткнулась о корень и покатила вниз по тропе, гремя и ругаясь с одинаковой громкостью. Сима по колено провалилась в какую-то нору. Оттуда что-то зловеще зашипело, и девушка так быстро выскочила обратно, что чуть не оставила неведомому созданию свой сапог. Я воспользовался своими скромными познаниями по части телекинеза, чтобы вернуть обувь, и шипение прекратилось так же внезапно, как и началось.

Настала наша с Шейном очередь страдать, и уже пострадавшие повелители недвусмысленно на нас косились. Не знаю, чего они ожидали: что нас сожрет какое-нибудь дерево, угробит дикий зверь или засосет под землю, но все мои неудачи закончились пятнышком птичьего помета на плече. Я, не расстроившись, вытер его листиком, а нагадившее крылатое начало с верещанием носиться в кронах деревьев. Назвать эти звуки щебетом у меня не поворачивался язык: беспорядочные вопли периодически становились стонами, а то и вовсе каким-то хриплым рычанием. Разглядеть птицу среди густой листвы не удалось. Только темная тень мелькала.

Серебряный Лес не зря прозвали Серебряным. Он был частью потустороннего мира которая за долгие годы существования приобрела почти реальную четкость. Деревья с белыми стволами уходили высоко вверх, раскинув широкие, крепкие ветки, покрытые серебристой листвой. Она была до того похожа на кусочки пепла, что сначала я удивлялся, как это она не разлетается при малейшем дуновении ветра.

Тропа понемногу спускалась вниз, и идти стало сложнее. Появились камни — маленькие, тускло мерцающие, отдаленно напоминающие раскаленные угли. Потом тропа ощерилась островками сизой травы, из которой опасно выглядывали мелкие голубые цветы. Сима с интересом на них косилась, но срывать поостереглась.

Спустя примерно два часа резко начало темнеть. Видимо, мы пересекли границу, за которой Лес уже не подчинялся законам нашего мира. Деревья из неподвижных исполинов превратились в зыбкие, колеблющиеся миражи, а тропа стала зыбкой пляшущей лентой. Она так и норовила выскользнуть из-под ног, но Лефранса, идущая впереди, беспощадно топтала ее тяжелыми латными сапогами.

Цветы тоже изменились. На двух верхних лепестках появились крохотные белые глазки, а на самом нижнем — ротик, приоткрытый в удивленной гримасе. Остальные четыре лепестка остались неизменными.

Я чувствовал себя так, будто замкнул Круг и умер, навсегда оставшись в мире духов. Правда, последних вокруг не было — только издали доносился непрерывный тоскливый вой. Я сильно сомневался, что он принадлежит живому существу, а потому совсем не хотел идти в его направлении. Мы и не шли: тропа постоянно забирала влево, будто хотела вывести нас к столице королевства.

В нашем маленьком отряде царило подавленное молчание. Даже я, некромант со стажем (пусть и небольшим) чувствовал себя слегка не в своей тарелке — что уж говорить о

повелителях? Правда, стоит отметить, что спокойствие им сохранять удавалось. Только Сима зябко ежилась, когда вой нарастал или менял тональность, оглядываясь на Тинхарта и Шейна.

О местонахождении Храма Воюющей Химеры я имел весьма смутное представление. Лекция, ему посвященная, постоянно отклонялась на перечисление тамошних энергетических источников, потусторонних узоров, которые вроде бы можно было преобразовать, и возможности сотворить межпространственный разлом, выпустив тех или иных духов в наш мир — смотря в какую плоскость удастся пробить пространство. Никто не знал, с какой точкой потустороннего мира соотносится Серебряный Лес, и желанием проверить, соответственно, тоже никто не горел.

Тропа привела нас на поляну, окруженную неким подобием дубов, и оборвалась. Тинхарт крайне удивился ее неблагонадежности, прошелся вперед, но продолжения не обнаружил. Вернувшись к нам, он только развел руками, и все тут же приуныли окончательно. Ну, почти все.

Я остановился так, чтобы мои пятки были на тропе, а пальцы ног — там, где она обрывалась. Закрыв глаза. Прислушался к своим ощущениям. Они были весьма противоречивы. Особенно мешал дар, который чувствовал близость мира духов и трепетал, готовый в любой момент разорваться. Ни о каком контроле и речи не шло, поэтому энергию я оттягивал медленно и осторожно, боясь выдернуть горячий комок из собственной груди.

Потоки понемногу складывались в узкую стрелку, которая, с минуту подрожав, указала направо. Я не раздумывая пошел в указанном направлении, но, поравнявшись с дубами, услышал недовольный окрик Тинхарта:

— Эй, ты куда?

Мне жутко захотелось ответить "туда", в лучших традициях Алетариэля. Но я сдержался, обернулся и спокойно ответил:

— Энергия, выходя из дара и смешиваясь с той, что разлита здесь, сама указывает на Храм.

— Господи, — неожиданно рыкнула Лефранса, заставив Симу подпрыгнуть, а меня — недоуменно приподнять брови. Тинхарт тоже обернулся, надеясь увидеть, что так поразило вампиршу, а Шейн со смешком сказал:

— Знаешь, мне кажется, что звать к Богам из этого проклятого леса бесполезно. Они все равно тебя не услышат.

— Да мне без разницы, — махнула рукой Лефранса. — Я просто пытаюсь вызвериться, дабы избавиться от возмущения.

— И чем оно вызвано?

— Да тем, что этот могильный червь снова первым сообразил, что делать! У меня уже в который раз возникает чувство, что мы с вами — не маги, и этот придурок среди нас единственный умный.

— Лестно, — криво улыбнулся я.

— Тебе — да, — согласилась Лефранса. — А нам — нет.

Сима закатила глаза:

— Леф, скажи, какая разница, кто думает? Главное, что к результату это приводит всех, а не только его одного.

Вампирша с минуту помолчала, мрачно сопя из-под забрала. А потом с презрением, сквозь зубы цедя слова, ответила:

— Вы все меня бесите.

— Ты нас тоже, — утешил ее Тинхарт. — Все, хватит разговоров. Хастрайн, показывай дорогу.

И я не подкачал! Полез в чащобу, как бывалый медведь: только ветки затрещали. Лишенные моего энтузиазма, повелители недовольно пыхтели, периодически злобно переругиваясь.

Вне тропы лес был совсем другим. Его откровенная иллюзорность завораживала. Мне очень скоро начало казаться, что я иду по дну глубокой реки, а деревья — это такие причудливые водоросли. Даже мои спутники изменились. Особенно Шейн, который приобрел непередаваемое сходство с призраком, в чьих глазах плясали яркие золотые отблески. Град, кажется, тоже это заметил, потому что поглядывал на парня весьма заинтересованно.

Энергетическая стрелка продолжала указывать мне дорогу, понемногу приобретая неприятный карминовый цвет. Он совершенно не вписывался в серебристо-серую реальность, тревожа ее и вгоняя в нервный трепет. Порой мне казалось, что она вот-вот уничтожит мое заклинание, но стрелка оставалась целой, разве что дрожала все сильнее.

Деревья начали понемногу расступаться, и впереди показалось что-то светлое, бело-розовое, такое же непостоянное и колеблющееся, как и все остальное. Я сощурился, пытаюсь рассмотреть получше — и в этот же миг мое заклинание лопнуло, осыпавшись на землю серым налетом пепла.

Я вздрогнул, отдернул руку, но выругаться не успел.

Бело-розовое пятно замерло, сделавшись вполне реальным — по крайней мере, на вид. Это был купол, всего лишь купол — разве что размерами он превосходил поместье покойного Хорнэта. У его основания виднелась дверь — довольно-таки потрепанная, деревянная, покрытая следами чьих-то внушительных когтей.

Но мое внимание куда больше привлекла каменная кошка, венчающая шпиль. Она опиралась на тонкую иглу одной лапой, брезгливо поджав остальные и вздыбив короткую гриву. Ее кожистые крылья были распростерты, а два хвоста, казалось, вот-вот начнут раздраженно рассекать воздух.

— Дошли все-таки, — облегченно вздохнул Тинхарт и первым пошел к двери.

Остальные не торопились, настороженно следя за графом-добровольцем. Он дернул за потрепанную дверную ручку, створка со скрипом распахнулась — и в ту же секунду вой, звучащий так давно, что мы перестали его замечать, захлебнулся и сменился тишиной. С непривычки она показалась мне весьма мрачной, и не зря. Вой зазвучал снова — уже гораздо ближе, и ему незамедлительно ответили.

Химера на крыше Храма дернулась, ее каменное тело пошло рябью — а потом вниз полетели осколки гранита, освобождая светло-серую шерсть. Кошка недобро на нас покосилась и сорвалась в полет — так просто и естественно, будто никогда и не останавливалась.

Тинхарт не стал ждать, пока она приземлится.

— В храм! — воодушевленно проорал он, подавая нам пример и исчезая в темном проеме.

в которой хозяйка храма возмущаются

Идеально круглый зал, выход из которого был только один — он же вход — никак не освещался. В полумраке вспыхнул сначала синий магический огонек, и к нему тут же присоединилось еще два — зеленый мой и золотой — Тинхарта. Стены откликнулись переливчастым сиянием, и мы, разинув рты, уставились на украшающий их узор. Он состоял из мелких драгоценных камней, подогнанных впритык друг к другу, но почему-то не раздражал своей излишней роскошью, а производил неприятное, даже зловещее впечатление. Как будто мы оказались в гостинной потустороннего мира, и эта гостинная красочно намекала, что либо мы идем дальше, либо выметаемся обратно в лес — и поскорее, пока она не разозлилась.

Я попытался подбросить огонек к потолку, но на полпути он зашипел и погас, встретившись с невидимым препятствием. Недовольно фыркнув, я зажег еще один, но отправлять его на смерть не стал, остановив там, где стены плавно переходили в своды. Вспыхнув, огонек выхватил у тьмы контуры странных линий на полу, единственный канделябр, стоявший на подставке для книг, и узкий прямоугольный камень, под которым линии пропадали.

— Вот и алтарь, — донес до остальных Тинхарт, подходя ближе.

— Я рада, — с иронией сказала Лефранса. — Но, знаешь, будет неприятно, если химеры сожрут нас, пока мы будем замыкать Круг.

— Об этом не беспокойся. Я поставил на дверь щит, — невозмутимо сообщил граф. И, подумав, добавил: — Впрочем, если я упаду и начну дергаться в конвульсиях, можешь снова начинать волноваться.

— Это не смешно, — поморщилась вампирша.

Повелитель пожал плечами, намекая, что повод для смеха можно найти в любой ситуации, и не его беда, что окружающие этого не хотят. Зато Шейн успокаивающе сказал:

— Не волнуйся, Леф. Если что, с химерами я справлюсь.

— Доверимся же самому самонадеянному среди нас, — закатила глаза девушка. — Ладно. Что с Кругом?

— Честно говоря, — почесал затылок Тинхарт, — Это вообще мало напоминает Круг. Скорее уж квадрат, вписанный в треугольник.

— А я думаю... — подала голос Сима и запнулась, скривившись от снова зазвучавшего воя. Пытаясь его перекричать, она мужественно продолжила: — Думаю, что сам Круг скрывается под основной фигурой, как в храмах Листвит. Там он проявляется непосредственно во время ритуала.

— Логично. Я вижу только одну проблему, — так спокойно сказал Шейн, словно был преподавателем и читал очень нудную лекцию, оспорить которую студенты не могли.

— Какую? — дуэтом поинтересовались Сима и граф.

— В каждом храме заключена определенная доля энергии божества, которому в нем поклоняются, — пояснил седой. — А этот храм посвящен химерам. Воющим химерам, если быть точным. И они явно против нашего присутствия, судя по реакции сторожа.

— Сторожа? Ты про кошку со шпиля?

— Да.

— Ой, да какая разница, против они или нет? — фыркнула Лефранса. — Их разрешения мы явно не добьемся, так зачем зря забивать себе мозги?

— А затем, — наставительно ответил повелитель, — Что без одобрения хозяев мы нормального результата не получим. Что, если Круг построен на определенном виде энергии, доступ к которому могут открыть только химеры?

Вампирша несколько погрузтелла, но Тинхарт живо отыскал выход из ситуации:

— Я придумал! Давайте просто поймаем одну кошку и принесем ее в жертву?

— Отличная мысль! — обрадовался Шейн. — Ты тогда иди лови, а мы тебя здесь подождем.

Ко всеобщему разочарованию, энтузиазмом граф не воспылал, почти сразу сообразив, что над ним жестоко подшучивают. И в самом деле, разве можно в одиночку поймать химеру? Несмотря на маленький размер и внешнюю безобидность, эти твари живучее и опаснее дакарагов. Если и открывать на них охоту, то только всей толпой — и уж точно не в Серебряном лесу, где против нас настроена даже сама атмосфера.

— Короче, — продолжил седой повелитель, мужественно взяв на себя бразды правления, — Сейчас мы будем испытывать Круг методом мага. Хастрейн, раздевайся.

— Что? — опешил я. И, попятившись к двери, продолжил: — Вы совсем с ума посходили?

К моему ужасу, вид у Шейна сделался такой сочувствующий, будто он разговаривал с душевнобольным.

— Что именно тебе не нравится? — участливо спросил он, подступая на шаг. Потом еще на один, так, что мне пришлось отчаянно замахать руками:

— Хватит на меня давить! Вы серьезно считаете, что я лягу на незнакомый алтарь и безропотно принесу себя в жертву Кругу? Одумайтесь, ребята! Я в этом храме впервые, и, знаете ли, совсем не хочу, чтобы мне досталась честь... э-э-э... первопроходца. Тем более если она достанется посмертно.

— Струсил, — презрительно констатировала Лефранса.

— Нет, — к моему удивлению, возразил Шейн. — Не струсил. Он просто не понимает, почему должен рисковать ради нас.

— Так ведь раньше рисковал же, — не меняя тона, возразила вампирша. — Когда Симу спасал. Когда на праздник к Зарату Ладору ходил. Когда совался в подземелья под Старым Герцогством. Либо я тупая, — Лефранса всем своим видом дала понять, что на самом деле так не думает, — и не понимаю, что изменилось, либо этот мальчишка сейчас побежит сморкаться в мамочкину юбку. И заодно расскажет ей, что злые, бессовестные повелители ветров подло его обманули.

— Во-первых, — сквозь стиснутые зубы процедил я, — У меня нет мамы. А во-вторых, Лефранса, до сих пор вся подлость и злость исходила только от тебя. И мне плевать, что ты обо мне думаешь. Я не буду ради интереса замыкать незнакомый Круг, тем более что вокруг черт знает что творится. И, знаешь ли, я очень обрадуюсь, если ты сейчас из той гордости, что так сильно тебя душит, сама ляжешь на алтарь и...

Я хотел сказать "сдохнешь", но Тинхарт вклинился между мной и разъяренной вампиршей, проорав:

— Ну-ка прекратите, идиоты! Лефранса, ты неправа. Хастрейн, хватит грубить. Шейн, я что-то не помню, чтобы мы признавали тебя руководителем.

Лефранса возмущенно фыркнула и скрестила руки на груди, намекая, что признает мою правоту только тогда, когда небо рухнет на землю. Я ее примеру не последовал, полностью согласившись с графом.

— Прости, — неискренне покаялся седой повелитель. — Я что-то увлекся.

— Ничего страшного, — великодушно ответил Тинхарт. — А поступим мы вот как...

Это еще что?

В следующее мгновение его последний вопрос резко заинтересовал всех. Откуда-то из-под потолка на нас спикировало что-то маленькое и серое, доверительно устроившись на плече золотоволосого. Граф брезгливо стряхнул неведомое создание, и оно, возмущенно замахав тонкими кожистыми крылышками, снова село — уже на мой сапог. Я с интересом на него уставился, по привычке пытаюсь определить, из какого оно класса нежити. Однако на нежить существо было похоже меньше всего — тоненькое, даже ущербное тельце на семи длинных лапках, — четыре с одной стороны и три с другой — с непомерно большими, почти в два раза превышающими размер тела крыльями. Маленькие красные глазки смерили меня оценивающим взглядом, а потом существо радостно выдало:

— Ба, да мы с тобой уже знакомы! Щас, погоди, материализуюсь...

— Оно разговаривает, — выдохнула Лефранса, и расстояние между мной и ней как-то сразу увеличилось.

— А мы не заметили, — фыркнула Сима. Эта, наоборот, подошла поближе и задумчиво произнесла: — Голос знакомый... Вроде, не так давно где-то слышала...

Я был с ней полностью согласен. Более того, даже знал, кому именно этот голос принадлежит, о чем поспешил сообщить:

— Алетариэль.

Повелительница с сомнением посмотрела на серое существо, но подвергать мои слова критике не стала.

— А что он здесь забыл? — поинтересовалась она.

— Действительно, — нахмурился я, — Что ты здесь забыл, многоуважаемый?

— Я же говорил, что вас догоню, — сдавленно ответил Темный Властелин. Голос был такой, будто на него уронили что-то очень, очень тяжелое.

Я перебрал в памяти последний разговор с остроухим и заключил:

— Нет, ты такого не говорил.

— Правда? Ну ничего, только что сказал. Все, парень, не отвлекай меня.

— От чего?

Алетариэль не ответил. Серое тельце на моем сапоге, и без того не шибко красивое, стало совсем бесформенным. А потом началось...

Первым ЭТО заметил Шейн. Он поднял голову, и невесть откуда взявшаяся снежинка упала ему на нос. Таять, как все нормальные снежинки, она не захотела, и повелитель смахнул ее на пол, коротко, но веско выругавшись.

Следующая снежинка медленно и красиво, будто танцуя, осела на алтарь. А потом снег, уже не стесняясь, повалил валом, быстро превратив в белый симпатичный холмик изрядно надоевшую мне Лефрансу.

За это я готов был простить Алетариэлю все его чудачества. Вампирша, на всякий случай пронзительно завизжав, выскочила из снежного плена, и затем резко затормозила и выбросила вперед правую руку, в ладони которой, как я с опозданием заметил, был сформирован довольно-таки мощный энергетический заряд. Сработал он безукоризненно: снег разметало по стенам, полу и по нам. Я стряхнул холодный комок с лица, а Сима, которой залепило глаз, с возмущением возопила:

— Какого черта?!!

Голос Алетариэля ответил ей ничуть не радостнее:

— Знаете, у меня тот же вопрос! Может, хватит раскидывать меня по всему храму?!

Девушка благоразумно промолчала, попятившись к стене. Вой, надрывно и жутковато звучащий за дверью, уже никого не беспокоил. Говорящая серая тварь, а потом и снег успешно разрушили все его очарование. "Очарование".

Комки, столь успешно разбросанные Лефрансой, медленно, но уверенно сползли в одну кучу. Достигнув единства между собой, они приняли вид чего-то, отдаленно напоминающего снеговика — а потом, полыхнув красным пламенем, явили нашим взглядам слегка потрепанного Темного Властелина.

Он обвел нас ничего не выражающим взглядом.

— Доброго вам времени суток, господа повелители! Вы уже решили, как именно будете замыкать Круг?

— Э-э-э... — протянул Тинхарт, явно смущенный осведомленностью нежданного гостя.

— О-о-о, — передразнил его эльф.

— А-а-а, — согласился повелитель, понимая, что выпихивать парня за дверь храма все равно никто не будет. — Нет, еще не решили.

— Понимаю. — Взгляд Алетариэля из бесстрастного стал сочувствующим. — Не так просто решить, кто готов умереть, а кто нет. Это как в шахматах: для того, чтобы выиграть, приходится жертвовать фигурами.

— Жертвовать? — удивленно переспросил граф. — Умереть? Что?

Остроухий приподнял брови:

— Вы что, даже не осматривали алтарь?

Тинхарт покаянно развел руками: мол, не успели. Ничего не выражающее лицо Алетариэля дрогнуло, маска вдребезги разлетелась, и эльф с неммым осуждением сцапал золотоволосого повелителя за ухо. Тот коротко ругнулся, но вырваться не стал, хотя полукровка, по моему мнению, с Темным Властелином потягаться мог.

— Сейчас я тебе покажу, — мрачно пообещал остроухий, волоча Тинхарта к алтарю. — Сейчас я вобью в твои мозги хотя бы тень просветления...

Граф проявлял чудеса вежливости и покорности, безмолвно признав, что в принципе бессмертный эльф знает куда больше него. Я переглянулся с Симой, Сима — с Шейном, и мы втроем направились за увлеченным воспитательным процессом Темным Властелином. Только Лефранса осталась в стороне, всем своим видом показывая, что знания случайного знакомого, в чем интеллекте она очень сомневается, недостойны ее высочайшего внимания.

Впрочем, нас это мало волновало. Повелители давно смирились с прихотями вампирши, а мне не шибко хотелось с ней разговаривать. Слишком много чести — ты согласен пойти на компромисс, но раз за разом убеждаешься, что по отношению к некоторым... кхм... личностям это бессмысленно. На-до-е-ло. Пусть сама наступает на горло своей гордости.

Пока я думал, Алетариэль успел довести графа до алтаря. Тот что-то увидел и как-то неестественно выпрямился, остекленев взглядом и окаменев лицом. Шейн заглянул ему через плечо, но и на его лице чувства не отразились — только еще ярче засияли золотые всполохи в глазах. Я же, увидев, в чем дело, витиевато выругался, помянув как Аларну, так и Дьявола, за что заслужил подзатыльник от Темного Властелина.

— Лучше не вспоминать о таких созданиях в Серебряном Лесу, — наставительно подняв палец, донес до меня он. — Тут и без них опасно.

— Извините, вырвалось, — покаялся я.

— Понимаю. Партия заводит вас все дальше и дальше во мрак, — улыбнулся он, словно предчувствуя что-то интересное. Так ведут себя менестрели, оказавшиеся в эпицентре зарождающейся легенды. — Кем вы пожертвуете: пешкой — или все-таки королем?

— О чем ты? — растерянно переспросил я.

— А? Да ни о чем, — отмахнулся Алетариэль. — Наслаждайся.

Чем именно нужно насладиться, для меня осталось загадкой. Камень в изголовье алтаря оказался дымчатым раухтопазом. Он медленно, отвечая на отсвет зависшего у сводов огонька, переливался всеми оттенками серого. Такие камни в основном узле Ведьминого Круга не принимают никакой платы, кроме смерти — причем не временной, а окончательной, со всеми вытекающими последствиями. Замокнуть такой Круг можно, только принеся в жертву мага. А поскольку в нашей компании магами были все, но наименьшую ценность представлял я, меня мороз по коже и продрал.

— Ясно, — наконец сказал Тинхарт. — Понятно. Шейн, Хастрайн, гасите огоньки. Мы уходим.

— Уходите? — удивился Алетариэль. — Но это невозможно! Так вы не сможете выи...

— Заткнись, папочка, — перебил его граф, потирая покрасневшее ухо. — Я не собираюсь выигрывать на таких условиях. Эти ребята, — он широким жестом указал на нас, не забыв даже обо мне и Лефрансе, — мои друзья, и я не собираюсь ими жертвовать. Ясно?

— Во-от как, — согласился Темный Властелин. — Что ж, раз такое дело... Я, так и быть, помогу вам избавиться от химер. Должны же вы выйти живыми хотя бы из этого Леса. Это позволит мне не терзаться угрызениями совести, когда все закончится. Я буду знать, что хоть чем-то вам помог. Остальное уже не мои проблемы.

Прозвучало это вроде бы ровно и спокойно, но я почувствовал какой-то подвох. Однако Тинхарт спорить не стал:

— По рукам, остроухий.

Эльф и полукровка обменялись рукопожатием. Я продолжал ненавязчиво наблюдать за Алетариэлем, хотя пока что мое наблюдение ни к каким результатам не приводило. Кроме того, я заметил, что и Сима поглядывает на него как-то странно, едва заметно шевеля губами, будто вспоминая чью-то фразу. Я хотел подойти к ней, но Тинхарт как раз в этот момент решил, что пора действовать, и снял с двери щит.

Вой разом оборвался, и химеры ворвались в храм. С пальцев светлого эльфа тут же сорвался сгусток голубоватого сияния, угодил в пасть ближайшей твари и разорвал ее на куски, красочно разбросав оные по залу.

Я рванул из ножен меч, ударом вскользь отсекая пробегающей мимо кошке один хвост. Она передумала нападать на Шейна, многообещающе взыв и повернувшись ко мне перекошенной от боли харей. Клыки у нее были не то чтобы большие, но внушающие уважение — пусть оно и является последним, что следует испытывать по отношению к подобному существу. Я криво усмехнулся, надеясь, что меня кто-нибудь прикроет — и почти сразу спиной к спине со мной встала Сима, руки которой ниже локтя превратились в кривые, жутковатые мечи. По сравнению с ними мое оружие казалось верхом изящности, но повелительница, видимо, внешним видом своих конечностей не интересовалась, успешно держа оборону. Убить насевшую на нее кошку девушка не могла — для этого нужно было позволить химере прыгнуть, — и даже не пыталась, видимо, тоже надеясь на чью-нибудь поддержку.

Моя противница, возмущенная таким пренебрежением к своей персоне, села на задние

лапы, подняла морду к потолку и завывала. Я незамедлительно оглох, а потом почувствовал, как по правой скуле течет нечто горячее. Сомнений насчет данного вещества я не испытывал, поэтому попробовал отрубить коварной кошке голову. Она ловко увернулась, спружинив всеми четырьмя лапами, и почти сразу снова бросилась в атаку. Ее разверстая пасть слабо меня вдохновляла, и я, не мудрствуя лукаво, вообразил четырехгранный щит, возникший в шаге передо мной. А еще я вообразил, как химера в него врежется и сползает на пол, так что был немало разочарован, снова увидев ее живой и здоровой.

— Эти твари чувствуют магию! — прокричал я.

— Мы заметили! — дуэтом воскликнули Тинхарт и Шейн.

"Молодцы", — подумал я, повнимательнее присматриваясь к дву... то есть, уже однохвостой кошке. Она ответила мне таким недобрый взглядом, что впору было извиниться и пообещать больше так себя не вести, но я только стиснул зубы и процедил:

— Ну же, иди сюда, девочка... Кис-кис-кис...

Во взгляде твари появилось столько отвращения, что мне стало не по себе. Очень неудобно лезть в сумку, когда одна твоя рука занята мечом; делать это, когда на тебя пялится агрессивно настроенная химера, неудобно вдвойне. Но я справился, нащупав сужающийся к горлышку флакон, на крышке которого была очень приметная вмятина. Открутить ее оказалось сложным делом, но я справился, пару раз прервавшись на вялое отмахивание от недовольной паузой противницы. Наконец крышка слетела, и я, заставив кошку снова увернуться от лезвия меча, плеснул ей на задние лапы (хотел на морду, но не попал) ядовито-розовую жидкость.

Как она взывала! Ко мне удивительным образом вернулся слух, а потом и чувствительность: поврежденное ухо вспыхнуло болью так, что у меня на мгновение потемнело в глазах. Когда я опять смог видеть, конечности химеры превратились в жутенькое кровавое месиво, в котором не менее жутенько розовели кости. Тварь по-прежнему была жива, но всю свою маневренность волшебным — то есть эликсирным — образом утратила. В уголках ее слабо фосфоресцирующих зеленых глаз быстро росли крупные капли, первые из которых уже сползали по вяло оскаленной морде.

— Добей ее, — тихо, но твердо скомандовал Тинхарт.

Я оглянулся. Три кошачьих трупа валялись за алтарем, один бился в конвульсиях у ног повелителя, еще несколько было разбросано вдоль стен. Ошметков плоти и осколков костей на полу тоже прибавилось — Алетариэль не терял времени даром. Моя химера оказалась последней, и, как мне показалось, попросту плакала от боли и отчаяния.

Ведь это ее храм, с опозданием сообразил я. Мы убивали этих существ в их собственном доме... И о чем я только думал?!

— Хастрайн, — снова окликнул меня граф. — Эти твари разорвали бы нас на куски, не окажи мы сопротивление. Тут не до жалости, понимаешь? Либо их жизни, либо наши. Третьего не дано.

Я слышал его, но не слушал. И химеру я тоже видел каким-то не своим зрением, чувствуя только, как по моему телу сначала обжигает, а потом с ледяным холодом расплзается пустота. Пальцы внезапно ослабели, меч со звоном упал на пол, а я пошатнулся, отступил и пробормотал:

— Н-не могу.

— Слабак, — презрительно бросила Лефранса. Затем подошла, подняла мое оружие и безо всяких сомнений отрубила кошке голову. — И зачем ты только с нами поперся? Возись

с тобой, как с маленьким ребенком — то не могу, это не буду, а третье не умею. Ты просто жалок. Глупый, неуверенный, слабый мальчиш...

— Лефранса! — одернул ее Тинхарт. — Хватит!

Я вяло отмахнулся, мол, пусть продолжает. Но вампирша послушно отступила, хотя ее усмешка не сулила ничего хорошего ни мне, ни графу.

— Что ж, раз тебе так хочется с ним возиться — возись. Только в бой с демоном брать его не смей. Не хватало еще, чтобы этот могильный червь все испортил, пожалев адское отродье. Мы договорились? Отлично. Теперь пошли.

И она, подавая остальным пример, быстро вышла из храма.

ГЛАВА 21,

в которой я замыкаю восьмикольцевой Круг

Повелители ветров быстро шли по лесу, на этот раз напрочь игнорируя тропинку. Светлый эльф вел их вперед так уверенно, что ни у кого не возникало сомнений: он прекрасно знает дорогу. За ним вышагивала Лефранса, раздражение которой можно было почувствовать даже на расстоянии. Так же, как разочарование Тинхарта и обиду Симы. Никаких эмоций не было только у некроманта — он плелся за повелителями, опустив голову и двигаясь, как заводная игрушка.

Шейн шел замыкающим, а потому никаких проблем не возникло. Когда Алетариэль поднырнул под низко нависшие ветки, повелитель остановился и на всякий случай сделал вид, что поправляет шнуровку рубашки. Никто не обернулся и не окликнул его. Парень выждал несколько минут, пока шаги друзей не затихли в серебристом пространстве леса, а затем коснулся ладонью нагрудного кармана. Амулет омутов все еще был там — и Шейн грустно улыбнулся. Он понимал, что другого пути нет, но до последнего надеялся, что кто-нибудь найдет более простой и менее жестокий выход.

"Надо спешить", — напомнил чужой голос в его голове. Пожиратель снов знал, что жертва никуда от него не денется, и уже не пытался скрыть свое присутствие. Теперь он точно был рядом — невидимый, но все равно ощутимый. — "Ты ведь не хочешь, чтобы твои друзья столкнулись с демоном до того, как ты замкнешь Круг?"

Повелитель ничего ему не ответил, только повернулся и быстро зашагал обратно, к храму. Хозяев там больше не было, но магическая основа продолжала работать — по крайней мере до тех пор, пока кровь химер еще не высохла на ее угловатых гранях.

"Кем вы пожертвуете: пешкой — или все-таки королем?" — спросил Алетариэль... И попал в точку. Королем, по мнению Шейна, был Тинхарт — самый сильный и самый властный из повелителей. И он наверняка принес бы в жертву себя, если бы был в храме один — просто не хотел бессмысленных пререканий и понимал, что лечь и погибнуть никто ему не позволит. Сима любила графа трепетной любовью сестры, Хастрайн уважал, и даже Лефранса относилась к нему по-своему дружелюбно. А кем был Шейн? Провидцем, в чьи руки случайно попала сила родом из легенд — или всего-навсего одержимым, чья жизнь была куда дешевле жизни тех, чей разум не находился под контролем духа-пожирателя? Хотя какая, в общем-то, разница? Парень не стал бы жертвовать друзьями, даже если бы не было никакой одержимости. Они должны жить. Они это заслужили — потому что никогда не сдавались, постоянно сражаясь за пусть странную, но все-таки цель: найти свое

предназначение. Воины Альна, демон, пророчество... Сейчас это все показалось повелителю маленьким и ничтожным. Глупым. Бессмысленным.

Шейн добрался до храма, зашел и осторожно закрыл за собой дверь. Вспомнив о Тинхарте, улыбнулся и поставил на нее щит. Тяжелый запах крови и требухи ничуть парня не беспокоил. Его вообще мало что беспокоило, кроме легкого, но все равно неприятного страха. Повелитель боялся, что этот страх испоганит весь ритуал, и пытался затолкать его в самые дальние уголки сознания. Однако что-то постоянно выпихивало проклятое чувство обратно. Что-то — или... кто-то.

— Я тебе не сдамся, — громко сказал седой, надевая на шею амулет. Цепочка больно впиалась в кожу: артефакт чувствовал разлитую в пространстве энергию.

"Хорошо", — согласился пожиратель снов, и страх накатил с новой силой. — "Давай посмотрим, кто из нас сильнее".

Шейн подошел к алтарю, дрожащими пальцами расшнуровал ворот рубашки. Затем бросил ее на пол, прямо в кровь — все равно больше не пригодится. Забрался на алтарь, в последний раз посмотрел на выход и почти сразу отвел взгляд, разозлившись сам на себя. Лег. Попытался устроиться поудобнее. Как ни ворочайся, камень был одинаково твердым, и Шейн даже слегка расстроился — вот так вот, в последние минуты жизни, тебе отказывает в удобстве какая-то бездушная глыба!

"Как ей не совестно", — послышался ироничный голос духа. Повелитель никак не отреагировал, шаря в ножнах на поясе. Вообще-то метательные ножи были одинаковыми, но он все равно прикоснулся к рукояти каждого, будто прощаясь с любимившимся оружием. Последний нож удостоился чести убить своего хозяина: Шейн судорожно стиснул пальцы на рукояти, посмотрел на острие и остановил его в сантиметре от своей кожи.

"Лучше не медлить" — посоветовал пожиратель снов. — "Иначе потом ты уже не решишься".

— Замолчи, — тихо попросил повелитель. Ему тут же почудился короткий ответный смех, а потом в храме стало тихо, как в могиле.

Парень облилизал пересохшие губы, дернул левым плечом и закрыл глаза. Амулет ненавязчиво пристроился в ямочке ключиц, словно самостоятельно выбрав самое удобное место. Шейн чувствовал его холод, одновременно тревожный и успокаивающий. Мол, делай свое дело, человек, а уж я не подведу. Только жертву принеси.

— Именем... — Парень запнулся, почувствовав, как протестующе забился в груди дар повелителя. — Именем Солнца и Двлуния, Света и Тьмы, Рая и Ада, укажи мне путь, замкни грани Круга, забери себе мою жертву...

Магия рвалась и трепетала, пальцы мелко, противно дрожали. Шейн пробормотал последние слова, на мгновение удивился звенящей тишине, а затем одним сильным ударом вогнал нож в свое сердце. Он вошел по самую рукоять, и в тот же миг над алтарем развернулось синее кольцо. Оно было таким широким, что, если бы было надо, парень мог бы преспокойно левитировать вверх, ни одной частью тела его не задев. Кольцо разгоралось тем сильнее, чем больше бурлила в теле Шейна энергия повелителя — последним, отчаянным усилием пытаясь удержать своего хозяина в этом мире. Если бы он мог двигаться, то увидел бы, что на полу медленно проявилось еще одно кольцо — и начало медленно угасать, когда парень, всхлипнув, разжал крепко стиснутые пальцы.

Алетаризель вывел нас на небольшую поляну и так резко остановился, что Лефранса в

него врезалась. Тинхарт с Симой оказались порасторопнее, а Шейн шел где-то позади, так что ему участь вампирши не грозила.

— Черт, — выдал светлый эльф, торопливо пятясь обратно к деревьям.

Господин Уль, чье появление и заставило его остановиться, криво улыбнулся:

— Не совсем.

Нападать он не спешил, но и дружелюбие во взгляде отсутствовало напрочь.

Лефранса встала, худо-бедно доковыляла до своих товарищей, но, к моему удивлению, не сказала ни слова. Хотя демон, столько времени нам досаждавший, заслуживал ее саркастических замечаний куда больше, чем я.

Выглядел наш противник неважно: волосы неровно острижены, одежда измята, лицо хищно заострилось. Правда, уверенности мне это не прибавляло.

— Мы совсем забыли о приличиях, — с сожалением аристократа сказал господин Уль. — Я рад приветствовать вас, о непобедимый северный король, в этом лесу. Разумеется, это не лучшее место для встречи, — демон с сожалением поджал губы, — Но вас, как я слышал, как раз подобные и привлекают. Скажите, пожалуйста, вам нужны эти создания?

Он так небрежно указал на нас, будто мы были мусором. В другой ситуации я бы, наверное, разозлился, а сейчас было все равно.

— Нужны, — согласился Алетариэль. — Да и выгодились бы. Не хотите перейти на сторону более древнего зла, пока не поздно?

— Увы, нет, — огорченно ответил господин Уль. — Ваше предложение, бесспорно, очень интересно, но я уже заключил договор с одним из существ этого мира. По его условиям, принять новый я не могу.

Светлый эльф либо умело скрывал страх, либо вообще его не испытывал. Когда он заговорил снова, в мелодичном голосе прозвучала угроза.

— Очень жаль. Что ж, тогда просто уйди с дороги.

— Не могу, — развел руками демон. — По все тем же условиям я обязан поймать этих существ... по крайней мере, троих... и доставить своему хозяину. Не поймите меня неправильно, — осторожно продолжил он, — мне ведь совсем не хочется этого делать. Договор уже давно перестал быть таким забавным, как мне посулили. Но я не могу не сдержать свое слово, поэтому, раз уж вы возражаете, мне придется забрать повелителей ветров силой.

Алетариэль усмехнулся:

— Попробуйте.

— Я думал, вы благоразумны.

— Меня ваши мысли мало волнуют, — отмахнулся остроухий. — Нападайте уже, что ли, а то у меня нога затекла.

Это прозвучало так буднично и спокойно, что я даже удивился, когда господин Уль бросился вперед. Проследить за его атакой у меня не получилось — только мелькнула красная голова, — но Алетариэль, не прикладывая никаких видимых усилий, сделал несколько шагов в сторону. Обычный человек, да и вампир тоже, так бы не смог — это было чисто эльфийское, вроде бы медленное и грациозное, но все равно безотказное движение. Демон пролетел мимо, как запущенный из катапульты камень, а затем с рычанием развернулся. Темный Властелин, до этого со скукой изучающий свои ногти, помахал ему рукой.

К следующей атаке господин Уль подготовился более основательно. Он резко махнул

правой рукой, и ладонь мгновенно обросла длинными, очень внушительными шипами. Демон сделал вид, что собирается снова напасть на остроухого, но в последний момент дернул рукой в нашу сторону.

Я успел подумать, что вот она — моя смерть, но в последний момент шипы исчезли в бледных голубых вспышках. Алетариэль снова отошел от противника, а затем, хмурясь, погрозил ему пальцем:

— Это был очень подлый ход!

— А мне какая разница? — огрызнулся господин Уль.

И я внезапно понял, почему он на этот ход пошел. Разве стал бы демон с таким уважением разговаривать со мной или, например, с Тинхартом? Нет. А вот разговор с Алетариэлем он вежливо поддерживал, пока не понял, что эльф не собирается ему уступать. Почему? Да потому что тот был если не более сильным противником, то по крайней мере равным.

Больше подлых ходов не было. Темный Властелин трижды оказывался в шаге от адского пламени, без труда парировал все удары господина Уля и при этом безжалостно их критиковал, чем раздражал демона еще больше. Медленно, но верно красноволосый терял над собой контроль, из человека превращаясь в нечто оскаленное, рычащее и смазанное, как пятно краски на прозрачном стекле. Он весь оброс длинными черными шипами, которые, впрочем, на Алетариэля впечатления не произвели. Светлый эльф продолжал насмехаться, безошибочно угадывая каждое движение противника — пока в одном из выпадов тот его все-таки не задел. Судя по всему, получилось это случайно, потому что удивились оба. Господин Уль остановился, недоверчиво уставившись на красную полосу на щеке эльфа, а тот, в свою очередь, потрясенно ее потрогал и сосредоточил взгляд на своих измазанных в крови пальцах.

— Больно, но не смертельно, — заключил он, когда затишье начало уже затягиваться. Демон досадливо рыкнул и атаковал снова, но на этот раз Алетариэль не парировал. Он ударил сам — неизменной огненной магией, которая отбросила противника на несколько метров, всеми выпуклостями познакомив с деревом. Оно хоть и казалось иллюзорным, но тест на плотность выдержало, и демон со стоном рухнул на траву.

Темный Властелин словно забыл о нем, сосредоточенно ощупывая порез блекло светящимися пальцами. Минута — и о ранке уже ничего не напоминало, кроме испачканных пальцев и слегка покрасневшей кожи.

— Не люблю, когда по лицу течет, — пояснил остроухий в ответ на наши недоуменные взгляды. — Ну, ты нападаешь? Мне скучно, — вновь повернулся он к господину Улю. — Эй, что с тобой?

Демон не ответил. Он сидел, потрясенно глядя на свои руки — они медленно рассыпались сияющим золотым порошком. Минута — и остались только запястья, другая — рассыпались в пыль шипы, третья — покрылось трещинами изящное лицо. Опустились веки, сомкнулись губы, остановилось дыхание. Одно мгновение — и господин Уль исчез в россыпи светлых искр, оставив после себя только горсть золотистой пыли.

Мне показалось, что я разучился дышать. Зрелище было, мягко говоря, не очень. Но все-таки лучше, чем плачущая химера в храме — сейчас я хотя бы знал, что моей вины в смерти живого существа нет.

— Вот как, — едва слышно сказал Алетариэль, закрывая лицо ладонями. — Вы все-таки выиграли партию. Жалкие фигурки, лишённые короля...

— О чем ты? — растерялся Тинхарт.

— А ты ничего не заметил? — глухо пробормотал эльф. — Совсем ничего?

Золотоволосый повелитель оглянулся. Посмотрел на меня, на Симу, на Лефрансу. Закрыв глаза, медленно сцедил выдох и бросился обратно в чашу.

— Я не понимаю, что он... — начала вампирша, но Сима ее перебила:

— Шейн! Добровольная жертва... Куда мы только смотрели!

Лефранса немного помолчала, переваривая услышанное, а затем резко побледнела. Сима всхлипнула, а потом, шагнув к вампирше, горестно возрыдала в ее плечо. Та небрежно потрепала волосы девушки, то ли успокаивая ее, то ли успокаиваясь сама.

Я постоял. Подумал. Решил, что Тинхарту моя помощь не помешает, и обратился к Алетариэлю:

— Если я пойду прямо, то выйду к храму?

— Забирай немного влево, и выйдешь, — пообещал остроухий. Он, кажется, уже не интересовался происходящим, упоенно копаясь в демонических останках.

Я поблагодарил его за помощь и двинулся в указанном направлении. Полупрозрачный силуэт промелькнул в прорехах между деревьями — Град, все это время неизвестно где пропадавший. Я остановился, с каким-то отупением на него уставившись, и призрак подошел ближе. В его ладонях, как на легких волнах, покачивалась книга в черном кожаном переплете.

— Я подумал, что тебе пригодится, — туманно пояснил парень, протягивая ее мне. Я взял, открыл и все так же тупо посмотрел на те самые правильные формулы воскрешения, которые с таким интересом изучал в особняке Тинхарта. В горле резко пересохло, сердце словно попало в капкан, и я с трудом выдавил:

— Так, выходит... ты все это время... знал?

— Да, — покаялся призрак. — Я чувствую смерть. Подумал, знаешь ли, что если не могу ее предотвратить, то могу помочь... ну, повернуть вспять.

— Ясно, — согласился я. — Ты гений, Град. Спасибо.

— Всегда пожалуйста. Удачи тебе. Я отвлеку Тинхарта, а ты, главное, из храма выйди — хватит с него энергетических всплесков. До встречи, Хастрайн.

— Прощай, дружище.

Призрак махнул рукой и грациозно уплыл за деревья. Я выждал несколько минут, прежде чем пойти за ним следом. Серебряный лес вел себя как положено, не хватало только далекого воя. Наверное, мы здорово нарушили здешнюю природу вещей, угробив химер.

В голове крутились какие-то странные мысли. Не то, чтобы меня это напрягало — они по жизни были не очень, — но что-то в них не давало мне покоя, заставляя раз за разом вспоминать Темного Властелина. Причем беспокоил меня не сам его образ, так меня разочаровавший, а звучание имени. Алетариэль. Halle-Tarihell. А-ле-та-ри-эль... ри-эль... Точно!

"А кем были твои коллеги? — тем врененем поинтересовался Шейн.

— Трое людей и светлый эльф. Насколько я знаю, его имя — Риэль."

Вполне разумно сократить свое полное имя для того, чтобы поучаствовать в таком сомнительном деле, как создание философского камня. Получается, Аэлэль был знаком с непобедимым северным королем еще тогда, когда он и королем-то не был? Или Алетариэль просто оставался инкогнито, питая к общему делу такой же интерес, как сейчас — к повелителям ветров?

Кто их знает, этих эльфов, мрачно подумал я. Они ведь бессмертны, если не вспоминать о каленой стали и отравленных стрелах. Магия светлого эльфа, понять суть которой у меня не получилось — она не основывалась на стихиях, не была природной, не привязывалась к единому источнику, — вполне могла защищать его от всех невзгод. Если уж он так легко сражался с высшим демоном...

Очень скучно, наверное, так долго жить. Может, будь я на месте Алетариэля, тоже наблюдал бы за ходом истории — дома-то он прожил не один век, а так хоть какое-то развлечение.

Пока я думал, деревья закончились, и моему взгляду открылось дивное зрелище. Храма не было. Был только алтарь, вокруг которого диковинным цветком распустились стены. Пространство шло рябью чистой энергии, выброшенной даром Шейна для того, чтобы замкнуть Круг. Результат был налицо — из-под обломков стен проглядывали выжженные черные грани.

Идти стало сложнее — щедро разлитая вокруг магия создавала иллюзию, будто я нахожусь под водой. Но я справился и добрался до тела друга. Повелитель лежал на алтаре, молитвенно скрестив руки, и мне вспомнилось, как естественно он выглядел в роли храмовника. Такими и должны быть настоящие слуги Богов — спокойными, рассудительными, порой вспыльчивыми, но готовыми на самопожертвование во благо других.

По седым волосам Шейна пробегали голубые витки разрядов — дар был еще жив и отчаянно цеплялся за погибшего хозяина. Под ресницами виднелись розоватые пятна, а под обмякшими пальцами я заметил рукоять метательного ножа. Не ритуальный стилет и не агшел... тогда как, вот КАК он смог замкнуть Круг?!

"Воскресишь и спросишь", — с ехидцей пробурчал мой внутренний голос. Я фыркнул и попробовал взять повелителя на руки. Не получилось: Шейн оказался тяжелым, словно был парнем не худым, а очень, очень толстым. Пришлось его левитировать.

Я отошел от храма шагов на пятьсот, чтоб наверняка, и почти сразу наткнулся на подходящую полянку. Либо удача была на моей стороне, либо, наоборот, совсем не на моей. Долго думать об этом я не стал: вытащил из ножен агшел, встал на четвереньки и, открыв принесенную Градом книгу, принялся вдохновенно чертить на земле Фигуру.

Это была не пента- и не гексаграмма. Центральная звезда, которую так чтили в Академии, в рисунке отсутствовала вообще. Были только углы, соединяющиеся между собой немислимым, но все-таки реальным способом, и четко обозначенный центр с тремя перекрестными линиями.

Получилось кривовато, хотя, присмотревшись, сходство с оригиналом я обнаружил. На всякий случай поправив несколько линий, я левитировал тело Шейна в центр. Рисунок тут же вспыхнул бледным зеленым огнем, подтверждая, что все правильно: труп есть, остался только ритуал. Я сделал глубокий вдох, а затем медленный выдох. Все, пора. Кто знает, может, я буду первым, кто успешно замкнет все четыре грани реальности — жизнь, смерть, свет и тьму? Тогда я стану великим, и, несомненно, войду в историю.

"Размечтался", — неодобрительно вякнул голос. — "Лучше делом займись, а не великим вершителем судеб себя воображай".

Я устыдился, и, сунув агшел в ножны, вновь поднял книгу. Страницы трепетали под дыханием потустороннего мира, и пришлось покрепче обхватить их пальцами, чтобы не сбиться.

— Именем Смерти, — вдохновенно зачитал я, — которая бьется в сердце каждого и несет за собой череду воспоминаний; именем Жизни, в оковы которой заключен весь мир; именем света, сияющего во тьме; именем тьмы, разрушающей свет; я прошу Тебя открыть мне великие Дороги, впустить меня в бесконечное Пространство, позволить мне найти душу... Aga terne klarre, aga shecenla kear, kiaslene htucve aga...

Над Фигурой замкнулось сперва одно, затем еще одно, и еще одно... восемь колец! Восьмикольцевой Круг полыхнул ядовитой зеленью, тело Шейна заволокло белой туманной завесой, а затем все резко, будто кто-то погасил солнце, исчезло и кануло во тьму.

ГЛАВА 22,

в которой я встречаю настоящего пожирателя снов

Маленький рыжий мальчик стоял на центральной площади Аль-Нейта, замороженно рассматривая фонтан. Тот возносил к небу несколько десятков струй, которые падали вниз причудливым угловатым каскадом.

— Нам пора идти, Шейн, — с улыбкой сказала стройная, очень красивая женщина в зеленом платье. — Папа будет волноваться.

— Точно, — согласился малыш, хватая мать за руку. — Бежим!

Женщина со смехом подхватила его на руки, обняла и поцеловала в лоб.

Я стоял в стороне, не совсем понимая, где нахожусь и что происходит.

Площадь пошла рябью, а затем исчезла в кроваво-красной вспышке. Сперва она поглотила в себя все окружающее, а затем начала медленно проявляться — теперь уже совсем другой картиной. Небольшой, но уютный дом, кошка на накрытой тулупом лавке, плотно закрытые ставни. Рыжий мальчик, заливисто смеющийся не пойми над чем. Присмотревшись, я увидел, как реальность порождает его семью: мать, сидевшую за столом, и отца, строящего ребенку потешные рожицы. Шейн в точности их копировал, и мужчина тоже то и дело захлебывался смехом, глядя на своего сына с такой любовью, что мне стало завидно.

Впрочем, комната тоже быстро исчезла — на этот раз в свете золотом. Он долго кружился вокруг, вызывая странные ассоциации — может, я нахожусь внутри золотой монеты? — а когда начал исчезать, я снова увидел рыжего повелителя. На этот раз он был куда старше — высокий, аккуратно причесанный, с приколотым к вороту рубашки бессмертником. Мгновение, и рядом возник Тинхарт — тоже совсем юный и весело смеющийся. О чем они говорят, я не услышал — воспоминание Шейна исчезло еще быстрее, чем предыдущие, и снова проявилось уже в куда более мрачном виде.

Инквизиторские застенки я узнал с первого взгляда. Рыжий подросток лежал на покрытом трещинами столе, обхватив руками голову и скуля, как побитая собака. Сбоку, у ярко полыхающего камина, лежала его мать, остекленевшим взглядом смотрящая в потолок. Рядом с ней, уткнувшись лицом в пол, валялось, неестественно изогнув конечности, истерзанное тело. В прорехах между его ребрами торчали кривые зубцы, а лодыжки представляли собой сплошное кровавое месиво. Узнать в трупe отца повелителя было непросто, но я справился. Как и женщина, он был давно и необратимо мертв, а на его лысой голове красовалась выжженная цифра "28". Задуматься над тем, что она значит, я не успел: этот образ тоже быстро исчез, сменившись сперва какими-то лицами, а потом — густым

зеленым лесом. Шейн, по-прежнему раненый и слабый, сидел под раскидистым дубом, а над городом, в сторону которого он смотрел, полыхало синее зарево. Инквизиция жестоко поплатилась за пленение повелителя и убийство его семьи. И, похоже, не только она: горел весь город, а поседевший подросток с глубокими голубыми глазами смотрел на него так бесстрастно, словно уже давно повзрослел и научился самостоятельно решать, что плохо, а что хорошо.

— Шейн, — громко позвал я, но он меня не услышал.

Очередная вспышка, и повелитель идет по широкой городской улице под руку с Лефрансой, как всегда, насмехающейся над всем подряд. Это воспоминание долго не продлилось: сломалось, разлетевшись тысячей осколков, и возник сперва высший демон, а затем — я, со странно светящимися, откровенно хищными зелеными глазами. Потом возник потолок Храма Воющей Химеры, переливающийся светом множества драгоценных камней, а потом — дикая боль где-то в животе. На ней все и закончилось. Повелитель северного ветра не видел, как рухнули стены, как проявился основной ритуальный рисунок, и уж точно понятия не имел, что я был рядом — стоило только открыть глаза и протянуть руку. Шейн неподвижно лежал на алтаре, причем с таким спокойным лицом, что становилось понятно: он все-таки нашел свое предназначение, добровольно пожертвовав своей жизнью ради жизней своих друзей.

— Повелитель, — снова попробовал я, и снова он никак не отреагировал. Время растянулось в гитарную струну, готовую вот-вот лопнуть — но, когда ее натяжение достигло своего апогея, за моей спиной вежливо прозвучало:

— Извините, не могу ли я отвлечь вас на пять минут?

— А? — обернулся я. — Э-э-э... Ну, пожалуй, можете. Вам помочь?

Высокая, стройная девушка посмотрела на меня с улыбкой:

— Я пришла к вам с тем же вопросом.

Она была белой, абсолютно белой. Безумно, неестественно бледная кожа, белое платье, босые ноги, пухлые, чувственные, абсолютно бескровные губы. Любопытные янтарные глаза. Мне потребовалось всего пару мгновений, чтобы узнать ее:

— Аларна меня забирает...

— Я могу это устроить, — серьезно кивнула богиня смерти. — Но не хочу. Я так давно не видела настоящих некромантов! Расскажите мне все, молодой человек. Расскажите мне, какова ваша позиция в Башне, какие ритуалы вы проводили по ту сторону Круга, кем для вас был этот человек? Почему моя госпожа должна вам его вернуть, если вы знали друг друга так недолго?

— Я думал, вы и так все это знаете.

— Вот как? — нахмурилась янтарноглазая. — Правда?

— У нас говорят, что боги всевидящи, — растерянно пояснил я. — Что они могут смотреть на нас с небес, замечая каждый наш проступок и каждое наше доброе дело. Это чтобы потом, после смерти, наказать или наградить нас по достоинству...

— Звучит очень интересно, — признала Аларна, — но мне не хочется судить вас сегодня, хоть вы и приняли бремя мертвеца. Я ценю некромантов, — продолжала она, задумчиво сощурившись, — и ценю их способности. По моему мнению, они значительно превосходят те умения, которыми наделены другие маги. И я все еще жажду услышать ваш рассказ. Отойдем?

Я подумал и кивнул. Кто знает, как течет время по эту сторону Круга? Судя по

дружелюбию девушки, она вовсе не собирается мне мешать. Передо мной опять-таки было бессмертное существо, только, в отличие от Алетаризэля, не вмешивающееся в ход истории, а подчищающее ее. И, вдобавок ко всему, явно обделенное информацией.

Мы шли по белому туманному пространству, которое не спешило формироваться во что-то иное. Пахло снегом и, кажется, черешней. Аларна молчала, ее янтарные глаза были задумчивы и спокойны. Дорога, если можно было назвать так наш путь, побежала вниз, и в тумане наконец возникло нечто видимое и осязаемое — бесконечный мост, конец которого терялся в белом морозе, и два тонких цветущих дерева у его подножия.

Богиня смерти прошла мимо них, не удостоив даже взглядом. Неторопливо прошлась по розоватым плитам моста, остановилась у поручня и посмотрела вниз. Я тоже, сдуру, посмотрел — возникло ощущение, будто я падаю вниз, причем тем стремительнее, чем страшнее мне становилось.

Однако голос Аларны быстро вернул меня к реальности.

— Это Мост Одиночества, — тихо сказала она, не поднимая глаз. — Единственный выход из нашего мира. Если вы пройдете по нему, то станете Создателем.

У меня ёкнуло в груди:

— Зачем вы меня сюда привели?

— Хотела посмотреть на реакцию, — честно ответила девушка. — Думала, вы сломя голову помчитесь вперед, позабыв и о мире Двухуния, и своем друге, которого хотели воскресить. Большинство людей согласно пойти на все ради силы, тем более такой... как у вас говорят... легендарной. Но вы стойки. Это качество я тоже ценю. А теперь ответьте, пожалуйста, на мои вопросы. Какое место вы занимаете в Башне?

— До того, как влез в историю с повелителями ветров, был рядовым некромантом, — криво улыбнулся я. — А сейчас никакого отношения к Башне не имею. Правда, я об этом еще даже не думал. Не было времени.

— Вот как, — протянула Аларна. — Интересно. А как насчет ритуалов? Судя по вашей сущности, вы провели довольно много. А еще контактируете с духом-убийцей. Нет-нет, не подумайте, — замахала руками она, заметив, что я нахмурился, — Это не обвинение. Я люблю этих духов, как люблю и все, что связано с моей матерью.

— Вашей матерью?

— Смертью, — пояснила девушка, едва заметно улыбнувшись.

Забавно, подумал я, не отвечая. То есть богиня смерти — это не сама Смерть, и она, по сути, тоже подчиняется каким-то законам помимо тех, что установил для Богов своего мира Создатель. Интересно, как отреагировал бы на это известие какой-нибудь храмовник, считающий, что Аларна сама несет возмездие для каждой человеческой души?

— Что ж, — продолжила богиня, — Надо думать, вы ничего на это не скажете. И в тайны ритуалов меня не посвятите, — с сожалением добавила она. — Хотя это очень интересно. Никто из нас не давал людям инструкций, как попадать в иные измерения. Я никому не открывала тайны, как выходить в потусторонний мир. Вы додумались до этого сами. Должна заметить, ваш вариант выхода сюда не совсем верен. Вы убиваете себя, осознанно причиняете себе боль, прося разрешения прийти у духов, которым свойственна излишняя жестокость. Тяжело быть сущностью без осязаемого тела, они завидуют вам, поэтому и требуют крови.

— А какой вариант правильный? — поинтересовался я, не слишком, впрочем, надеясь на ответ.

Аларна перевела на меня взгляд своих мерцающих, удивительных глаз. Что-то тихо заскреблось в памяти. Где-то я уже видел подобное. Но, как и любит обычно делать моя память, догадка, поерзав на поверхности, канула обратно.

— Вы можете выходить сюда с моей помощью, — сказала богиня. — Я не имею ничего против. Я могу провести вас даже в мир своей матери, если вы того захотите. Только не уверена, что вы, по сути своей все еще живой, сможете принять его, не свихнувшись.

— А как, — медленно начал я, пытаюсь подобрать правильные слова, — Обратиться к вам из нашего мира?

Девушка недоверчиво присмотрелась ко мне, а потом рассмеялась — звонко и весело. Я с непониманием воззрился на нее, а она, продолжая смеяться, воскликнула:

— Молодой человек, ну что за вопросы! Неужели вы сами не догадываетесь?

Я задумался. Обратиться к вам... точно! Обратиться, а не принести жертву! Что делают храмовники, искренне веруя в существование и могущество Богов, чтобы донести до них свои мольбы?

— Надо помолиться? — предположил я.

— Да, — с улыбкой подтвердила Аларна. — В центре тех Кругов с замкнутой энергией, где вы обычно останавливаете свои сердца. Только, — она вдруг погрузилась и продолжила уже тише: — Вам это знание уже не пригодится.

Сказать, что я удивился, это ничего не сказать. Я же некромант, черт побери! Почему это мне могут не пригодиться такие ценные сведения, которые как минимум сократят уровень слияния с потусторонним миром?

— Потому, — продолжила Богиня, будто прочитав мои мысли, — Что если вы действительно хотите воскресить повелителя северного ветра, вам придется пожертвовать своим даром некроманта.

— Пожертвовать? Даром?

— Да, — подтвердила она. — Для того, чтобы повелитель возродился повелителем, а не обычным человеком. Иначе будет нарушено равновесие, а я решительно против этого. Если вы не готовы отдать дар за его жизнь, то вам пора уходить. А если готовы... впрочем, вам, наверное, необходимо подумать.

— Да, — согласился я. — Надо.

— Тогда я не буду вам мешать.

Аларна неторопливо выпрямилась, убрала локти с поручня и покинула мост. Устроилась под цветущим деревом, стала перебирать опавшие розовые лепестки. Я сообразил, что это черешня, но это открытие никаких эмоций во мне не вызвало.

"Надо подумать" — еще очень мягко сказано. Фраза "вынести самому себе мозги" подошла бы куда больше. Конечно, моя жизнь еще только начинается, но... я так привык к дару, так привык к магии и возможностям, которые она мне давала, что просто не представлял, как можно без нее жить. Да, я умею обращаться с мечом, могу пойти в гильдию наемных убийц — только смогу ли, если чувство жалости порой будоражит меня до дрожи в коленях? Еще можно стать охотником за монстрами, крошить на кладбищах упырей и ловить в лесах вурдалаков, но... Другая, более сильная нежить, будет мне недоступна. Те же дакараги слишком быстры для того, чтобы успеть отрубить им голову прежде, чем они откусят мою. Половина мрачных историй, до истоков которых так интересно докапываться, тоже потеряет все свое очарование. Я начну бояться. Всего. Всегда.

Но Шейн... Провидец, повелитель, так легко пожертвовавший собой ради нас... Он

заслуживал ответной жертвы. И жизни тоже заслуживал.

Я уверенно подошел к богине смерти.

— Согласен.

— Правда? — удивилась она. — Что ж, тогда пойдёмте.

Я подал ей руку, помогая встать, и мы пошли обратно к тому месту, где остался мираж воспоминаний Шейна. Картина, которую я видел в последний раз, изменилась: теперь над опустевшим алтарем кружил огненный феникс, тихо, но очень мелодично напевая.

Это было не насвистывание, не щебетание — это была песнь, скорбная и прощальная. Звуки, которые издавала преданная повелителю птица, были нежными и мягкими: ни одного резкого выкрика, ни одного срыва. Аларна едва удостоила феникса взглядом, а я остановился, вслушиваясь. По ушам больно резанули слова Шейна, сказанные им тогда, когда я увидел существо Ветра впервые. "Фениксы поют только перед смертью. Я думал, ты знаешь."

Огненная птица умирает — или это только кошмар повелителя, фениксова песнь, которую он никогда не хотел услышать?

— Вы готовы? — окликнула меня Аларна.

Я повернулся к ней:

— Да. То есть нет. Я хочу еще кое-что спросить.

— Спрашивай, — великодушно разрешила она.

— Как вы относитесь к храмовникам?

— О! Я полагаю, ваш вопрос вызван известием о том, что выйти в потусторонний мир можно благодаря молитве? Что ж, извольте. Храмовники здесь не бывают, и я не слишком их люблю. Ведь, как правило, эти люди лишены дара и попросту ноют, умоляя меня решить большинство их проблем. Слышали бы вы, как глупо звучат их молитвы! "О великая Аларна, молю тебя, сохрани жизнь тому, тому и этому, а вон того, того и того убей, будь так добра, ведь он грешен, нечист и осквернен". Честно говоря, — девушка раздраженно махнула рукой, — Меня это в ярость приводит. Создатель дал людям выбор, позволил творить все, что угодно, сделал практически всемогущими. Они могут изменить мир, если захотят. Но вместо этого обращаются к нам, моля о прощении, о помиловании, о помощи... Словом, — Аларна смущенно улыбнулась, будто извиняясь за свою вспыльчивость, — Я ответила на ваш вопрос.

— Да, — улыбнулся я в ответ. — Спасибо. Я все понял.

— И теперь вы готовы?

— Да.

Богиня смерти кивнула, заправила за ухо прядь сияющих белых волос. А затем протянула ко мне руки, и я не успел глазом моргнуть, как ее ладони прошли сквозь мою грудь, ледяным капканом стиснув сердце и медленно, очень медленно потянув его на себя.

Дыхание оборвалось, в глазах стало темнеть. Аларна светлым призраком стояла передо мной, сосредоточенно хмурясь и кусая губу.

— Все, — наконец сказала она. — Теперь вы свободны.

Она показала мне маленький огонек, вроде тех, что я зажигал, когда вокруг не было других источников света. Только он был не зеленым, а серебристым, призрачным, как лунный свет.

— До свидания, — вежливо сказал я, стараясь не обращать внимания на жгучую боль в груди. — Спасибо вам за все.

— Рада помочь, — серьезно кивнула Аларна.

И растаяла вместе с белым туманным миром, забрав с собой фениксову песнь.

ЭПИЛОГ

Я очнулся в полумраке, мягким пологом окутавшим Серебряный Лес. Вокруг было очень тихо, только шелестела листва, которую перебирал, радуясь возвращению своего повелителя, северный ветер.

Шейн стоял у края поляны, глядя на дымящийся контур ритуального рисунка. Вид у него был несколько потерянный, но, на мой взгляд, вполне здоровый. Раны на груди не было, метательный нож лежал на земле у ног парня. Рыжие всколоченные волосы неровно обрамляли бледное, испуганное лицо.

Я поднялся на ноги, пошатываясь и рискуя упасть. В груди было пусто и больно, только суматошно, с отчаянным рвением билось сердце, словно надеясь вырваться из оков моего тела.

— Хастрайн?! — воскликнул повелитель, наконец-то меня заметив. — Что ты... как ты?..

— Все нормально, Шейн, — отмахнулся я, душевно обнявшись с ближайшим деревом, чтобы удержаться на ногах. — Все хорошо.

Он уставился на меня так, будто впервые увидел. А затем тихо сказал:

— Спасибо.

Я посмотрел на него.

Живого.

И улыбнулся.

Больше книг на сайте — Knigolub.net